This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

LB2924
R53
D37
1903

XII-4401

P54-77

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
Дмитрія Дмитріевича
ДАШКОВА

ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ ВЪ РЯЗАНСКОМЪ ЗЕМСТВѢ

И ЕГО

ДОКЛАДЫ

РЯЗАНСКОМУ ГУБЕРНСКОМУ ЗЕМСКОМУ СОБРАНІЮ

за 1869—1875 г.г.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТЬИ ДАШКОВА:

„ДВОРЯНСТВО И НАРОДЪ".

Изданіе Рязанской Ученой Архивной Комиссіи.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ

Кн. Н. С. ВОЛКОНСКАГО.

РЯЗАНЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1903.

Печатано по опредѣленію общаго собранія Ряз. Арх. Комиссіи.

Дмитрій Дмитріевичъ

Дашковъ.

Johann Arnsberg
Dortmund

Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ

и его дѣятельность въ земствѣ Рязанской губерніи.

I.

При имени умершаго, съ небольшимъ годъ тому назадъ, Дмитрія Дмитріевича Дашкова мысль невольно переносится къ тому первому періоду дѣятельности Рязанскаго земства, когда еще закладывались основанія земскаго хозяйства. Богато было вообще это время даровитыми людьми, отдававшими земству свой трудъ. Точно губернія хотѣла выставить всѣ свои силы на служеніе новому дѣлу, къ которому населеніе призывалось довѣріемъ государя. Въ числѣ гласныхъ тогдашнихъ губернскихъ земскихъ собраній были и сановники, бывшіе и будущіе—вродѣ Вл. П. Титова, С. П. Голубцева, Вл. Г. Коробьина и другихъ, и дѣятели, выдвинутые только что совершившеюся крестьянскою реформой; лица, считавшіяся опорою дворянскихъ преданій, и священники, выступавшіе передъ собраніемъ съ требованіями болѣе или менѣе коренныхъ преобразованій какъ быта сельскаго духовенства, такъ и условій мѣстной жизни вообще; были и крестьяне.

Осторожно, въ тѣсныхъ рамкахъ существеннѣйшихъ потребностей и страшась израсходовать всякую лишнюю копейку, начали свою дѣятельность первые выборные представители населенія. Вся смѣта губернскихъ земскихъ потребностей на 1868 годъ, первый годъ послѣ того, какъ часть обязательныхъ для земства расходовъ на содержаніе администраціи была отнесена постановленіемъ губернскаго земскаго собранія на обязанности уѣздовъ, не превышала 74.000 рублей. И тутъ еще было нѣсколько единовременныхъ расходовъ. Смѣта на слѣдующій 1869 годъ была сведена въ суммѣ 66,000 рублей въ круглой цифрѣ. И эти расходы казались тогдашнимъ гласнымъ еще высокими. Но, какъ ни были незначительны расходы, способъ ихъ

производства былъ такъ новъ, необыченъ, представлялъ такъ много вѣроятностей на успѣхъ, польза расходовъ была такъ очевидна, наконецъ, самое довѣріе государя къ доброй волѣ и разуму своего народа дѣйствовало настолько ободряющимъ образомъ, что и средства и трудъ охотно затрачивались на дѣло, которое уже съ самого начала оказывалось совершенно непохожимъ на все, съ чѣмъ тогдашнимъ дѣятелямъ приходилось гдѣ либо встрѣчаться до того времени. Сразу сдѣлалось яснымъ, что, при всей своей скромности, это живое, многообѣщающее дѣло, способное затягивать въ себя тѣхъ, кто посвящалъ ему свой трудъ, и сулившее еще большее въ будущемъ.

Неудивительно поэтому, что изъ среды гласныхъ первыхъ земскихъ собраній рано выдѣлился рядъ лицъ, начавшихъ видѣть въ земскомъ дѣлѣ свое коренное, главное дѣло, которому отдавалось все ихъ время. Для такихъ губерній, какова Рязанская (безъ особенно выраженнаго торговаго или промышленнаго направленія) земство вскорѣ должно было сдѣлаться средоточіемъ всей мѣстной жизни. Въ немъ почувствовалась новая сила, отъ которой зависѣло удовлетвореніе лучшихъ стремленій общества.

Между земскими дѣятелями этого перваго времени собиратель матеріаловъ для исторіи Рязанскаго губернскаго земства, которую одно время онъ имѣлъ въ виду написать, покойный Александръ Дмитріевичъ Повалишинъ, отмѣтилъ слѣдующихъ пять лицъ, дѣятельности которыхъ онъ предполагалъ посвятить особыя характеристики. Лица эти: бывшій предсѣдатель губернской земской управы князь Сергѣй Васильевичъ Волконскій, Александръ Ивановичъ Кошелевъ, Ѳедоръ Сергѣевичъ Офросимовъ, Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ и Константинъ Михайловичъ Афанасьевъ. Кто знакомъ съ дѣятельностью Рязанскаго губернскаго земскаго собранія первыхъ 10—12 лѣтъ, конечно, согласится, что, назвавъ этихъ лицъ, Повалишинъ какъ разъ выдѣлилъ изъ состава собранія тѣхъ гласныхъ, которые оставили по себѣ наибольшій слѣдъ въ земскомъ дѣлѣ. Изъ этихъ пяти гласныхъ Д. Д. Дашковъ былъ младшимъ и годами и по времени вступленія своего въ составъ губернскаго собранія. Первые трое—кн. Волконскій, Офросимовъ и Кошелевъ выдвинулись еще во время работъ по освобожденію крестьянъ, въ которыхъ они принимали участіе. Точно также, какъ и К. М. Афанасьевъ, они вошли въ число гласныхъ губернскаго земскаго собранія съ самаго открытія земскихъ учрежденій. Дашковъ

присоединился къ этимъ только со второго трехлѣтія. Съ его вступленіемъ замкнулся кругъ главныхъ рабочихъ силъ земскаго собранія перваго періода дѣятельности Рязанскаго губернскаго земства. Главныя отрасли земскаго хозяйства были уже намѣчены. Оставалось незатронутымъ одно дѣло, правда, одно изъ самыхъ важныхъ, если не самое важное изъ всѣхъ—народное образованіе. Положить основанія дѣятельности губернскаго земства по распространенію народнаго образованія выпало на долю Дашкова.

До вступленія Дашкова въ составъ Рязанскаго губернскаго земскаго собранія, руководящее большинство земскихъ дѣятелей этой губерніи считало народное образованіе хотя и очень важнымъ, но совершенно непосильнымъ земству дѣломъ, на которое у него не было ни средствъ, ни способовъ. Разрѣшеніе его откладывалось до того времени, когда подъемъ народнаго благосостоянія вообще увеличитъ со стороны населенія запросъ на образованіе и откроетъ для того новыя средства, или до вмѣшательства правительства. Заслуга Дашкова заключалась въ томъ, что онъ заставилъ собраніе измѣнить взглядъ, показавъ, что и при наличныхъ средствахъ и органахъ земство можетъ, а, слѣдовательно, и должно помочь этому дѣлу.

Въ Рязани найдется еще не мало лицъ, которыя посѣщали губернскія земскія собранія того времени и помнятъ отчеты члена губернскаго училищнаго совѣта отъ земства Дашкова 70-хъ годовъ о состояніи народнаго образованія въ губерніи. Отчеты эти были своего рода событіями въ Рязани: слушать ихъ собиралась вся мыслящая часть города. Большой залъ дворянскаго собранія, гдѣ происходятъ засѣданія губернскаго земскаго собранія, бывалъ полонъ сверху до низу, какъ онъ бываетъ полонъ только во время выборовъ, съ тою только разницею, что въ настоящемъ случаѣ за колоннами преобладала публика мужская. Тишина полная. Всѣ боятся проронить слово, сказанное докладчикомъ—худощавымъ, средняго роста человѣкомъ, стоящимъ у какого либо изъ угловъ стола, за которымъ расположились господа гласные. Онъ среднихъ лѣтъ, но уже пожилой на видъ, въ очкахъ надъ крупнымъ правильной формы носомъ, въ черной шапочкѣ на большой коротко остриженной головѣ. Голосъ его не сильный и не грудной, а скорѣе нѣжный, высокаго тембра и чрезвычайно внятный, такъ что каждое слово его бывало отчетливо слышно всѣмъ. По внѣшности, по скромному костюму, по пріемамъ, вы приняли-бы его

за ученаго, за холостяка студента, какіе иногда бываютъ въ нѣмецкихъ университетахъ, скорѣе всего за проповѣдника какого нибудь иностраннаго вѣроисповѣданія,—всего менѣе за кого либо изъ обычныхъ ораторовъ нашихъ земскихъ собраній. И по характеру его рѣчь напоминала проповѣдь. Онъ любилъ обращаться къ чувству любви и долга слушателей, сильно идеализировалъ факты, любилъ трогать свою аудиторію. Нѣкоторымъ это даже не нравилось, и между слушателями Дашкова всегда находилось нѣсколько человѣкъ, которые, не будучи въ состояніи перенестись въ его настроеніе, бывали наклонны какъ разъ въ наиболѣе патетическихъ мѣстахъ его рѣчи видѣть что то неискреннее, дѣланное. Но большинство несомнѣнно увлекалось и даже, когда не раздѣляло всѣхъ выводовъ докладчика, умѣло цѣнить глубину его взглядовъ и серьезность выводовъ. Онъ знакомилъ собраніе съ тѣмъ, въ какомъ состояніи находились народныя училища губерніи, какіе порядки и условія существуютъ въ каждомъ уѣздѣ, съ какими трудностями приходилось бороться школѣ и лицамъ, ее ведущимъ, какія жертвы нести. Докладчикъ отмѣчалъ выдающіеся факты изъ школьной жизни, приводилъ подчеты, и сообщенныя фактическія данныя наглядно оттѣняли картину, которая постепенно вырисовывалась въ сознаніи слушателей. Онъ говорилъ все это такъ серьезно, такъ убѣжденно, что торжественность настроенія докладывавшаго невольно сообщалась слушателямъ, и чѣмъ долѣе продолжалась его красивая, послушная мысли рѣчь, тѣмъ болѣе слушателями овладѣвало вызванное ею настроеніе. Аудиторія исполнялась сознаніемъ великаго значенія того дѣла, которое лежало на земствѣ въ отношеніи народнаго образованія. Когда по окончаніи отчета господа гласные расходились, у всѣхъ оставалось впечатлѣніе, что они только что присутствовали при чемъ-то очень серьезномъ и важномъ.

Чтобы производить такое дѣйствіе на слушателей, надо было, конечно, обладать недюжиннымъ ораторскимъ дарованіемъ. И такимъ дарованіемъ былъ одаренъ Дашковъ. Если его рѣчи по убѣдительности часто уступали слову князя С. В. Волконскаго, не поражали въ такой степени практическимъ здравымъ смысломъ, какъ взгляды Кошелева, или иногда уступали въ проницательности мнѣніямъ Офросимова, то никому изъ этихъ, наиболѣе вліятельныхъ гласныхъ, товарищей Дашкова по собранію, ни Афанасьеву, ни кому либо другому, не удавалось въ такой мѣрѣ овладѣть душою своихъ слушателей

какъ это удавалось Дашкову. Никому слово не давалось, повидимому, такъ легко и не было такъ послушно. Если въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ шелъ не о любимомъ его предметѣ— народномъ образованіи, у него иногда не доставало темперамента, то этотъ недостатокъ вознаграждался необыкновенною гибкостью мысли и находчивостью въ выраженіяхъ, благодаря которымъ въ умѣніи вести пренія онъ былъ еще гораздо сильнѣе, чѣмъ въ рѣчахъ и докладахъ. Однимъ словомъ, онъ былъ дѣйствительно мастеромъ слова. Въ этомъ отношеніи ни прежде его, ни послѣ, въ Рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи не было, конечно, никого, кто бы могъ поспорить съ нимъ. Онъ принадлежалъ къ числу очень немногихъ гласныхъ, слова которыхъ можно бы было записать дословно и всетаки получить связное, мало того, художественное изложеніе.

Чтобы составить себѣ представленіе о томъ, какое дѣйствіе производили Дашковскіе отчеты на публику, особенно на молодежь, всего лучше обратиться къ воспоминаніямъ его младшихъ сверстниковъ, изъ которыхъ двое, тоже извѣстные дѣятели Рязанскаго земства и нынѣ тоже уже покойники, оставили объ этомъ письменный слѣдъ въ своихъ запискахъ. Я говорю объ Александрѣ Николаевичѣ Левашовѣ и Александрѣ Дмитріевичѣ Повалишинѣ. А. Н. Левашовъ въ своихъ запискахъ земца [1]) называетъ личность Дмитрія Дмитріевича Дашкова прямо обаятельной, а Повалишинъ наполнилъ весь текстъ своего перваго очерка по разработкѣ матеріаловъ для исторіи Рязанскаго губернскаго земства, посвященнаго вопросу о народномъ образованіи [2]) выписками изъ отчетовъ Дашкова, очевидно, дорожа въ нихъ даже выраженіями.

Если бы въ то время кто нибудь изъ пріѣзжихъ въ Рязань пожелалъ посѣтить губернское земское собраніе, какъ это иногда бывало, и посмотрѣть, что тамъ дѣлается, то онъ, конечно, постарался бы попасть на такое засѣданіе, въ которое можно бы было надѣяться услышать Дашкова, и глаза посѣтителя первымъ его искали бы увидѣть среди гласныхъ.

Какъ бы однако ни было велико ораторское дарованіе члена отъ земства Рязанскаго губернскаго училищнаго совѣта, одного его было

[1]) Напечат. въ Труд. Ряз. Арх. Ком., т. XV, 1900 г.

[2]) Очеркъ этотъ до сихъ поръ напечатанъ не былъ.

бы, конечно, недостаточно для того, чтобы произвести ту перемѣну въ отношеніи земства изъ народной школѣ, которую удалось произвесть Дашкову, и, разумѣется, не дару слова Дашкова слѣдуетъ приписать то дѣйствіе, которое заставило такихъ людей, какъ кн. С. В. Волконскій, А. В. Алянчиковъ и другіе, оставивъ въ сторонѣ иногда уже составленныя представленія, поѣхать по училищамъ и произвесть тѣ первыя ревизіи, которыя имѣли такія богатыя послѣдствія для постановки школьнаго дѣла въ нашихъ уѣздахъ. Для того, чтобы заставить цѣлое земское собраніе измѣнить свой взглядъ, требовалось убѣдить его въ возможности другого, болѣе правильнаго отношенія къ дѣлу, а, чтобы убѣдить, надо было прежде всего знать и любить это дѣло.

Въ этомъ знаніи и любви къ училищному дѣлу, которыя были у Дашкова очень значительны, и слѣдуетъ искать разгадки того замѣчательнаго вліянія, которое онъ успѣлъ пріобрѣсти въ земствѣ Рязанской губерніи въ этомъ дѣлѣ.

Объ этой выдающейся личности и ея участіи въ дѣятельности Рязанскаго губернскаго земства по народному образованію, я имѣю въ виду сказать нѣсколько словъ, предпославъ ихъ предлагаемому вниманію читателей тексту отчетовъ Дашкова о состояніи народнаго образованія въ Рязанской губерніи въ 1869—1876 г.г. Я былъ бы радъ, если бы мнѣ удалось такимъ образомъ освѣтить страничку изъ жизни Рязанскаго губернскаго земства. Но и самая личность Дашкова представляетъ настолько интереса, столько своеобразныхъ особенностей, что невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе, какъ останавливала на себѣ вниманіе всѣхъ, кто какимъ нибудь образомъ приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе.

Я долженъ однако замѣтить, что когда я взялся за исполненіе своего намѣренія, задуманнаго еще покойнымъ А. Д. Повалишинымъ, я встрѣтилъ совершенно неожиданно для себя сильное затрудненіе. Дѣло въ томъ: что ежели дѣятельность Дашкова было довольно хорошо извѣстна и мнѣ лично и очень многимъ въ Рязанской губерніи, то о его личной жизни ни въ Рязани, ни въ Спасскомъ уѣздѣ никто почти ничего не зналъ. Дашковы въ имѣніи не жили; Дмитрій же Дмитріевичъ не любилъ о себѣ говорить, считая, вѣроятно, обстоятельства своей частной жизни недостаточно интереснымъ предметомъ для разговора. Все, что мнѣ удалось узнать о немъ въ Спасскомъ

уѣздѣ, сводится къ нѣсколькимъ разсказамъ о житьѣ Дашкова въ селѣ Тонинѣ, когда онъ уже выступилъ на поприще общественной дѣятельности. Въ этихъ разсказахъ личность Дмитрія Дмитріевича обрисовывается въ симпатичныхъ чертахъ чрезвычайно добраго, скромнаго и нетребовательнаго человѣка, на счетъ котораго не прочь были пройтись болѣе практичные и лукавые ближніе, и который ко всему этому относился добродушно. Вотъ и все. Тѣ свѣдѣнія, которыя приводятся здѣсь о его предшествующей жизни и которыя я считаю очень существенными для выясненія его личности, приводятся мною со словъ лица, близко знавшаго Дашкова съ дѣтства. Къ сожалѣнію, они довольно отрывочны.

II.

Дашковы принадлежали къ числу коренныхъ помѣщиковъ Рязанской губерніи. Родовое имѣніе ихъ, село Тонино въ заокской (считая отъ Рязани) части Спасскаго уѣзда, было пожаловано предку Дмитрія Дмитріевича императоромъ Петромъ I въ награду за девятимѣсячное сидѣніе въ семибашенномъ замкѣ въ качествѣ его посланника въ Константинополѣ во время несчастнаго Прутскаго похода. Но, какъ уже сказано, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время передъ крестьянскою реформою, Дашковы въ имѣніи не жили. Отецъ Дмитрія Дмитріевича, извѣстный гуманистъ прошлаго столѣтія, дѣйствительный тайный совѣтникъ Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, занималъ должность министра юстиціи въ царствованіе Императора Николая I въ 30-хъ годахъ и по своему служебному положенію жилъ въ Петербургѣ. Тамъ 25 Декабря 1831 года въ домѣ министерства на Большой Итальянской родился у него и жены его Елисаветы Васильевны Дашковой, рожденной Пашковой, сынъ Дмитрій. По матери Дмитрій Дмитріевичъ состоялъ въ родствѣ со многими семействами высшаго Петербургскаго общества, князьями Васильчиковыми, графами Левашовыми, Пашковыми. Такимъ образомъ, какъ по служебному положенію отца, такъ и по родству матери, онъ принадлежалъ къ Петербургской знати. Положенію въ свѣтѣ отвѣчало и состояніе, такъ какъ, кромѣ родового имѣнія въ селѣ Тонинѣ, въ которомъ и въ настоящее время числится 3146 десятинъ облагаемой земскимъ сборомъ земли, а до крестьянской реформы было болѣе 5000 десятинъ, у Дашковыхъ было еще имѣніе матери Дмитрія Дмитріевича въ

Уфимской губерніи при Благовѣщенскомъ мѣдно-плавильномъ заводѣ, и при немъ свыше 45000 десятинъ, большею частью въ лугахъ и лѣсахъ. Дмитрій Васильевичъ Дашковъ скончался въ 1838 году, оставивъ старшаго сына ребенкомъ по седьмому году. Кромѣ Дмитрія Дмитріевича послѣ покойнаго осталась старшая и единственная сестра Дмитрія Дмитріевича, Анна Дмитріевна, и младшій братъ Андрей. Вскорѣ послѣ кончины мужа Елисавета Васильевна Дашкова предприняла вмѣстѣ съ дѣтьми и теткою Дмитрія Дмитріевича, сестрой покойнаго Дмитрія Васильевича, Варварой Васильевной Дашковой, поѣздку за границу, гдѣ и провела довольно долгое время, главнымъ образомъ въ Италіи. Семью Дашковыхъ въ этой поѣздкѣ сопровождалъ воспитатель мальчиковъ, Михаилъ Андреевичъ Соминъ. Подъ его руководствомъ Дмитрій Дмитріевичъ еще въ раннемъ возрастѣ ознакомился съ памятниками искуства и творчества западной Европы, достопримѣчательности которой усердно осматривались Дашковыми при посѣщеніи различныхъ европейскихъ городовъ. Такимъ образомъ знакомство съ европейскою жизнью было у Дмитрія Дмитріевича непосредственное и раннее.

По возвращеніи изъ этого путешествія Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ поступилъ въ 3-ю С.-Петербургскую гимназію, въ то время единственную въ С.-Петербургѣ классическую, съ двумя древними языками. Учился онъ хорошо и по окончаніи курса съ отличіемъ въ 1851 году поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ по историко-филологическому факультету.

Три первыхъ года, проведенныхъ Дашковымъ въ университетѣ, были продолженіемъ того, что было уже заложено ранѣе. Серьезная работа надъ избранными по собственному влеченію предметами, знакомства съ профессорами и товарищами, уцѣлѣвшія у Дашкова на всю жизнь, весь строй тогдашней университетской жизни наложили на него неизгладимый отпечатокъ навсегда, такъ что даже въ сорокалѣтній возрастъ въ немъ можно было узнать бывшаго студента, способнаго, пожалуй, въ томъ возрастѣ сѣсть на одну скамейку съ молодежью и жить ея интересами.

На третьемъ или на четвертомъ уже курсѣ, точно сказать не умѣю, съ Дмитріемъ Дмитріевичемъ случилось одно изъ тѣхъ событій, которыя измѣняютъ ходъ жизни навсегда. Онъ серьезно заболѣлъ. Болѣзнь его была изъ числа злокачественныхъ эксемъ, которыя хотя

и не угрожаютъ жизни человѣка, но способны его измучить до невѣроятности и въ тоже время держатся съ такимъ упорствомъ, что разстаться съ ними нерѣдко удается только вмѣстѣ съ жизнью. Припадокъ появился сразу въ очень тяжелой формѣ. Пришлось бросить университетъ и ѣхать лѣчиться. Лучшіе спеціалисты въ то время были въ Парижѣ. Ѣхать туда въ то время было не легко, въ виду начинавшейся войны съ Франціей. Потребовались разрѣшеніе двухъ императоровъ,—императора Николая и императора Наполеона. Но для Дашковыхъ это было возможно. Требуемыя разрѣшенія были получены, и Дмитрій Дмитріевичъ уѣхалъ въ Парижъ въ самомъ началѣ открытія непріязненныхъ дѣйствій.

Пребываніе въ столицѣ Франціи въ такое время для русскаго не могло быть пріятнымъ, и Дашковъ, безъ сомнѣнія, чувствовалъ всю тяжесть этого положенія, по скольку состояніе здоровья не давало ему возможности употреблять время на его любимыя научныя занятія. Но для размышляющаго человѣка оно представляло не мало случаевъ сдѣлать любопытныя наблюденія [1]). Пребываніе въ Парижѣ было также облегчено Дашкову сближеніемъ съ оставшимся тамъ священникомъ нашего посольства, о. Васильевымъ, о которомъ онъ впослѣдствіе вспоминалъ съ большимъ уваженіемъ и теплымъ чувствомъ.

Дмитрій Дмитріевичъ пробылъ въ Парижѣ почти все время войны и вернулся въ Петербургъ лишь ко времени заключенія мира. Парижскіе врачи облегчили состояніе его здоровья, но излѣчить его не могли. Онъ долженъ былъ послѣ этого еще два раза ѣздить за границу, одинъ разъ въ Швальбахъ, другой разъ въ Вѣну, гдѣ прожилъ довольно долго. Но и эти поѣздки не сдѣлали изъ него здороваго человѣка. Болѣзнь то обострялась, то становилась легче, не препятствуя обыкновенно обычной дѣятельности, но и никогда не оставляя его въ покоѣ. Отдѣлался отъ нея Дашковъ, или по крайней мѣрѣ считалъ, что отдѣлался, уже гораздо позднѣе, въ Уфѣ, когда

---

[1]) Въ одномъ изъ своихъ печатныхъ сочиненій, «какихъ учительскихъ семинарій намъ не нужно», Д. Д. Дашковъ передаетъ содержаніе своего разговора съ однимъ французомъ за то время. Онъ никакъ не могъ увѣрить своего собесѣдника, принадлежавшаго къ образованному обществу, что Кронштадскія пушки не могутъ угрожать Константинополю, какъ то утверждалось въ одной шовинистской газетѣ. Французъ былъ убѣжденъ, что Кронштадтъ находится гдѣ нибудь на Босфорѣ.

на смѣну этой болѣзни вскорѣ появились другіе недуги, естественные въ томъ возрастѣ, въ которомъ онъ тогда находился. Такъ что: быть больнымъ, можно сказать, было его обыкновенное состояніе.

Все это, разумѣется, не могло не наложить глубокаго отпечатка на весь нравственный обликъ человѣка. Личной жизни у него какъ бы не было; такъ сказать, весь ушелъ въ идею, жилъ только для выполненія того общественнаго и религіознаго идеала, который онъ себѣ составилъ. Такимъ, по крайней мѣрѣ, онъ представлялся, когда я въ первый разъ познакомился съ нимъ въ Рязани. Ему было тогда лѣтъ подъ 40, хотя на видъ смѣло можно было дать 50, такъ что, когда впослѣдствіи лѣтъ черезъ двадцать, онъ снова пріѣзжалъ въ Рязань изъ Уфы, уже отдѣлавшись отъ болѣзни, онъ показался мнѣ даже помолодѣвшимъ: настолько онъ былъ бодрѣе и здоровѣе на видъ. Во всемъ складѣ его было что-то особенное, дѣлавшее его совершенно непохожимъ на другихъ. Его почти нельзя было оскорбить или обидѣть, такъ какъ тѣ себялюбивыя чувства, которыя обыкновенно заставляютъ насъ обижаться, вродѣ честолюбія и т. п., были какъ будто совершенно чужды ему. Ровный и сдержанный, какъ бываютъ люди поработавшіе надъ собою, онъ былъ въ тоже время и чрезвычайно деликатнымъ человѣкомъ. Требовательный къ себѣ и необыкновенно точный во всемъ, что касалось общественнаго дѣла, ставя идею долга чуть не выше всего, онъ отличался въ тоже время большою снисходительностью и терпимостью къ другимъ. Онъ былъ готовъ по долгу бесѣдовать съ лицами, совершенно его непонимавшими и смотрѣвшими на вещи совсѣмъ другими глазами, чѣмъ онъ, склонный всякое дурное дѣло объяснять незнаніемъ или непониманіемъ. Разгнѣвать его, а тѣмъ болѣе заставить выйти изъ себя, было почти невозможно. Чуткій къ страданіямъ другихъ, онъ находилъ истинное наслажденіе въ оказаніи помощи, въ такихъ случаяхъ, но всегда старался сдѣлать это такъ, чтобы тотъ, кому эта помощь оказывается, и не зналъ объ этомъ, и потомъ отъ души радовался чужой радости, Количество средствъ, которыя Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ расходовалъ такимъ образомъ, какъ мнѣ извѣстно отъ лицъ, которымъ подобныя дѣйствія поручались, было очень велико, и многія лица навѣрное такъ никогда и не узнавали, чѣмъ они были обязаны Дашкову.

Таковъ былъ человѣкъ, выработывавшійся изъ Дмитрія Дмитріевича. Надо было обладать большими душевными силами, чтобы изъ тѣхъ

условій, среди которыхъ складывалась его личность, вышелъ такой результатъ.

Но я зашелъ, кажется, слишкомъ далеко впередъ. Въ то время, когда Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ въ концѣ Крымской войны вернулся изъ Парижа, въ немъ, вѣроятно, еще не могли сложиться всѣ тѣ черты характера и взгляды, какіе отличали его впослѣдствіи. Между тѣмъ временемъ и временемъ его дѣятельности въ Рязани прошло болѣе 10 лѣтъ. Въ эти 10 лѣтъ надо было не мало передумать и много пережить. Что онъ пережилъ и передумалъ—для меня остается тайною.

Время было живое, знаменательное. Съ началомъ новаго царствованія, императора Александра II, давно сознавшіеся недостатки нашей государственной жизни были оффиціально признаны и начали исправляться. Готовились и проводились великія реформы, одну за другою обновлявшія различныя стороны общественной жизни: за освобожденіемъ крестьянъ слѣдовали реформа судебныхъ учрежденій, земская. Въ Петербургѣ, гдѣ сосредоточивалась подготовительная дѣятельность по введенію всѣхъ этихъ преобразованій, шла кипучая работа, которой интересовалось и въ которой въ извѣстномъ смыслѣ принимало участіе все общество. Петербургъ сталъ неузнаваемъ сравнительно съ недавнимъ еще прошлымъ.

Дашкову, при его образованіи, положеніи въ свѣтѣ и связахъ, труднѣе было остаться въ сторонѣ отъ всей этой работы, чѣмъ принять въ ней участіе. Многіе остававшіеся въ живыхъ сослуживцы и сотрудники его покойнаго отца охотно доставили бы ему способы поступить на службу въ любое изъ тѣхъ учрежденій, гдѣ шла эта работа. Такіе люди, какъ онъ, требовались. И тоже бы сдѣлали для него съ восторгомъ родные и друзья его матери. Дмитрій Дмитріевичъ однако на службу въ Петербургѣ не поступилъ, хотя не разъ и получалъ приглашенія этого рода. Что именно удержало его отъ этого: плохое ли здоровье, не дававшее ему возможности работать такъ, какъ бы онъ считалъ нужнымъ, наклонности-ли, заставлявшія его отдавать предпочтеніе другому дѣлу,—мнѣ неизвѣстно. Но, не поступая формально на службу, Дашковъ не оставался равнодушнымъ къ тому, что вокругъ него происходило. Такъ, онъ участвовалъ, между прочимъ, въ работахъ нѣсколькихъ комиссій, изъ которыхъ объ одной, подъ предсѣдательствомъ, Валуева, впослѣдствіи вспоминалъ, удивляясь

мастерству, съ которымъ этотъ государственный дѣятель руководилъ преніями и дѣлалъ сводку высказанныхъ мнѣній. Когда въ 60-хъ годахъ, не задолго до введенія новыхъ судебныхъ учрежденій въ Петербургскомъ округѣ, нѣкоторые изъ Петербургскихъ юристовъ образовали частные кружки для совмѣстнаго разсмотрѣнія различныхъ юридическихъ вопросовъ, что служило имъ подготовкой для будущей дѣятельности въ новыхъ учрежденіяхъ, Дашковъ сдѣлался членомъ такого кружка. Въ кружкѣ этомъ участвовали многіе выдающіеся юристы, какъ то: Зарудный, Д. Б. Беръ, В. В. Самарскій-Быховецъ, К. К. Арсеньевъ, адвокатъ Серебряный и другіе. Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о занятіяхъ этого кружка, отпечатанныхъ въ № 3 газеты „Право" за 1902 г., упоминаетъ о Д. Д. Дашковѣ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе сильныхъ діалектиковъ кружка, отличавшимся знаніемъ народнаго быта, необыкновенною ясностью взгляда и большимъ умѣньемъ предугадывать и предупреждать возраженія противника [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что участіе въ такихъ кружкахъ содѣйствовали выработкѣ въ Дашковѣ того мастерства въ веденіи преній, какимъ отличался Дмитрій Дмитріевичъ и въ земскихъ собраніяхъ. Но любопытнымъ занятіемъ и предметомъ, болѣе всего привлекавшимъ его вниманіе, была педагогія. Всего охотнѣе проводилъ онъ время въ кружкѣ преданныхъ интересамъ науки университетскихъ товарищей, а также товарищей по гимназіи своихъ и своего брата, впослѣдствіи извѣстнаго земскаго дѣятеля Уфимской губерніи, Андрея Дмитріевича Дашкова, съ которымъ онъ всегда жилъ очень дружно,—людей, съ которыми можно было обмѣняться мыслями и подѣлиться результатами кабинетныхъ работъ, къ

---

[1]) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ говоритъ К. К. Арсеньевъ о Дашковѣ въ упомянутой статьѣ. «Филологъ по образованію, онъ интересовался вопросами права настолько, насколько они прямо врѣзываются въ общественную жизнь, и вносилъ въ обсужденіе ихъ рѣдкое между нами знаніе народнаго быта, необыкновенную ясность мысли и доведенное до виртуозности умѣнье предугадывать и предупреждать возраженія противника. Невозмутимо спокойный, никогда не возвышая голоса, едва мѣняя интонацію, онъ былъ весьма опаснымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени симпатичнымъ оппонентомъ. Чѣмъ менѣе онъ былъ похожъ на другихъ членовъ кружка, тѣмъ болѣе онъ былъ для насъ драгоцѣненъ». «Но его скромность» прибавляетъ Арсеньевъ «заставляла его сомнѣваться въ томъ, умѣстенъ-ли онъ, какъ не юристъ, въ юридическомъ собраніи».

которымъ Дмитрій Дмитріевичъ, можетъ быть вслѣдствіе условій своего здоровья, всегда чувствовалъ наклонность. Въ числѣ такихъ знакомыхъ, кромѣ его непосредственнаго учителя, профессора Коссовича, были, между прочимъ, такіе люди, какъ Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, Брашке, Остерманъ, Колябинъ, педагогъ Май и другіе. Въ бесѣдахъ этого дружнаго кружка рѣчь часто останавливалась на вопросахъ народнаго образованія.

Былъ ли Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ когда нибудь знакомъ съ педагогическимъ дѣломъ не теоретически только, но и на практикѣ, мнѣ неизвѣстно. Въ Рязани ходили слухи объ участіи въ устройствѣ воскресныхъ школъ, и, судя по тому, какъ онъ разбирался въ вопросахъ преподаванія, можно допустить мысль, что нѣчто подобное было. Но фактически мнѣ ни одного подобнаго случая выяснить не удалось. Сталобыть думать можно, что такого случая и не было. Когда въ 60-хъ годахъ существовавшее въ Петербургѣ педагогическое общество получило особенное оживленіе, благодаря участію цѣлаго ряда молодыхъ педагоговъ, Дашковъ сдѣлался дѣятельнымъ его членомъ. Какъ извѣстно, общество это обратило на себя всеобщее вниманіе шириною поставленныхъ вопросовъ, захватывавшихъ насущныя общественныя потребности, и глубиною высказывавшихся взглядовъ. Педагогіи же и школьному дѣлу были посвящены первыя журнальныя работы Дашкова, обратившія на себя вниманіе тогдашняго ученаго міра.

Въ 1863 году Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ, улучивъ минуту сравнительно хорошаго состоянія своего здоровья, сдалъ экзаменъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ на степень кандидата по историко-филологическому факультету. А черезъ пять лѣтъ, въ 1868 году, мы видимъ его уже въ числѣ гласныхъ Спасскаго уѣзднаго земскаго собранія.

Такимъ образомъ, этотъ человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, располагавшій всѣми данными для успѣшнаго прохожденія служебной карьеры въ Петербургѣ, желавшій отдать свои силы на служеніе родинѣ и обществу, очутился въ глухомъ уѣздѣ Рязанской губерніи и былъ затянутъ въ водоворотъ земской жизни, однимъ изъ главныхъ дѣятей которой ему скоро пришлось стать.

Въ „запискахъ земца“ Александра Николаевича Левашова, напечатанныхъ въ Трудахъ Архивной Комиссіи, сохранился разсказъ и

первомъ появленіи Дашкова въ Спасскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Было это въ 1869 г., такъ какъ въ 1868 году здоровье не позволило ему прибыть въ собраніе. Засѣдая на эстрадѣ, на которой помѣщались во время мировыхъ съѣздовъ мировые судьи, за столомъ, за которымъ вмѣстѣ съ нимъ сидѣла Управа и наиболѣе вліятельные изъ гласныхъ, въ то время, какъ остальная часть собранія размѣщалась на скамьяхъ, предназначенныхъ во время судебныхъ разбирательствъ для публики, предсѣдатель собранія, разсказываетъ Левашовъ, А. И. Колеминъ, побѣдоносно разрѣшалъ возбуждаемые вопросы, высказывая свое мнѣніе послѣ каждаго прочтеннаго доклада и оканчивая его традиціоннымъ вопросомъ: „такъ или нѣтъ", обыкновенно встрѣчаемымъ со стороны гласныхъ молчаніемъ, принимаемымъ за согласіе. „На одномъ какомъ то вопросѣ", продолжаетъ Левашовъ, зашедшій случайно посмотрѣть, что дѣлается, „изъ глубины залы послышался очень тихій и мягкій, но рѣшительный голосъ, принадлежавшій очевидно интеллигентному человѣку. Въ концѣ залы, около задней скамейки стоялъ средняго роста человѣкъ съ высокимъ лбомъ, крупными чертами лица и небольшой бородкой, одѣтый въ черный скромный сюртукъ. На головѣ его было надѣто нѣчто вродѣ черной скуфьи или ермолки. „Позвольте, позвольте, кто говоритъ"? удивленно спросилъ А. И. Колеминъ, вглядываясь въ даль,—„ахъ, это вы, Дмитрій Дмитріевичъ, простите, пожалуй-ста, я васъ не видалъ. Пожалуйте сюда, къ намъ поближе. Вамъ тамъ неудобно".—Очень благодаренъ вашему превосходительству за внимательную любезность ко мнѣ,—отвѣчалъ Д. Д. Дашковъ (это былъ онъ, въ первый разъ явившійся въ земское собраніе)—но я прошу позволенія сохранить свое мѣсто около моихъ товарищей, гласныхъ Спасскаго уѣзда, изъ которыхъ не имѣю причинъ и основаній выдѣляться"! Авторъ записокъ не запомнилъ содержаніе рѣчи, которая вслѣдъ за тѣмъ была сказана Дашковымъ, и думаетъ, что она особаго значенія не имѣла, а была сказана, чтобы отмѣтить неловкое положеніе, въ какое были поставлены гласные неудобнымъ расположеніемъ мебели и размѣщеніемъ ихъ въ собраніи. Но урокъ, по словамъ Левашова, подѣйствовалъ и на слѣдующій годъ безъ труда удалось уговорить предсѣдателя сойти съ эстрады и помѣститься за общимъ столомъ со всѣми.

Кто помнитъ гласнаго Дашкова, безъ сомнѣнія, согласится, что приведенная сценка относится къ числу его любимыхъ пріемовъ при-

учать собранія къ порядку. На такіе пріемы Дашковъ былъ большой мастеръ и прибѣгалъ къ нимъ нерѣдко и въ Рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Такъ, онъ начатъ отказываться отъ избранія въ члены подготовительной комиссіи, на предварительное разсмотрѣніе которой собраніемъ передавались различные подлежавшіе его разрѣшенію вопросы, когда замѣтилъ въ собраніи наклонность черезъ чуръ полагаться на мнѣніе комиссіи въ ущербъ самостоятельной работѣ при окончательномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ, и, дѣлая свои возраженія непосредственно въ собраніи, нерѣдко опрокидывалъ заключеніе комиссіи. Такимъ образомъ онъ заставлялъ и собраніе и комиссію внимательнѣе относиться къ работѣ. Другой примѣръ. Дашковъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣста въ собраніи, какъ большинство другихъ гласныхъ, но, войдя обыкновенно незамѣтно, когда уже засѣданіе началось, присаживался къ какому нибудь уголку стола позади другихъ. Черезъ нѣкоторое время въ уголкѣ, гдѣ Дмитрій Дмитріевичъ присаживался, понемногу умолкали смѣшки и посторонніе разговоры, которыми любятъ въ ущербъ дѣлу во время засѣданій перекидываться нѣкоторые, не слишкомъ внимательные, гласные. При видѣ его серьезнаго, внимательно слѣдившаго за ходомъ занятій лица, невольно становилось совѣстно отвлекаться посторонними разговорами и мѣшать ему слушать; понемногу, гласные начинали прислушиваться и сами и втягивались въ дѣло. Вступая въ составъ гласныхъ земскаго собранія, такой человѣкъ, какъ Дашковъ, долженъ былъ естественно пріобрѣсть вліяніе въ своемъ уѣздѣ. Обширный умъ, серьезное, солидное образованіе, привычка къ труду и добросовѣстность въ работѣ, доходившая до педантичности, замѣчательный даръ слова и проч. и проч. обезпечивали за нимъ это. На всѣ эти несомнѣнныя качества у него было всего два недостатка: недостатокъ здоровья, дѣлавшій для него затруднительнымъ исполненіе нѣкоторыхъ занятій, и недостатокъ опытности въ сельскомъ хозяйствѣ. Съ первымъ недостаткомъ, благодаря присущей ему силѣ воли, онъ справлялся довольно легко. Второй, который никѣмъ такъ не сознавался, какъ имъ самимъ, постоянно его мучилъ и заставлялъ употреблять всѣ усилія, чтобы отъ него отдѣлаться. Ничѣмъ нельзя было такъ утѣшить Дашкова, какъ давъ понять, что его считаютъ не плохимъ хозяиномъ. Впослѣдствіи ему удалось до извѣстной степени справиться и съ этимъ недостатковъ.

Вступившій въ число гласныхъ Спасскаго уѣзднаго земскаго собра-

нія тремя годами позднѣе Дашкова авторъ „записокъ земца“ характеризуетъ эту пору дѣятельности Спасскаго земства въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ земской жизни уѣзда произошелъ переворотъ. Новый здоровый духъ общественности и желанія внести въ окружающую жизнь дѣйствительное улучшеніе сразу почувствовался всѣми. Много надо приписать въ этомъ отношеніи обаятельной личности Дмитрія Дмитріевича Дашкова. „Этотъ человѣкъ“, продолжалъ Левашовъ, „не умѣлъ относиться къ дѣлу иначе, какъ поживому. Въ первый разъ при его участіи произведена была въ Спасскомъ уѣздѣ дѣйствительная ревизія счетоводства и отчета управы и данъ подробный отчетъ о ней собранію. Внесено предложеніе объ образованіи запаснаго капитала. Прежде ревизія ограничивалась двухчасовымъ обозрѣніемъ книгъ управы подъ руководствомъ бухгалтера. Первый же разъ собраніе выслушало подробный отчетъ о существующихъ училищахъ въ Спасскомъ уѣздѣ“.

Еще черезъ годъ Дашковъ былъ выбранъ въ должность Спасскаго уѣзднаго предводителя дворянства, и подъ его руководствомъ началась та плодотворная дѣятельность, которая въ не очень продолжительномъ времени поставила Спасскій уѣздъ впереди почти всѣхъ уѣздовъ Рязанской губерніи по состоянію главныхъ отраслей земскаго хозяйства, мѣсто, которое онъ потомъ долго занималъ. Несправедливо было бы, конечно, приписывать такой результатъ одному Дашкову, хотя въ качествѣ предводителя онъ и былъ почти идеальнымъ предводителемъ (съ моей точки зрѣнія, конечно, т. е. не въ смыслѣ защиты дворянскихъ притязаній во чтобы то ни стало, а въ смыслѣ поддержанія всего хорошаго и справедливаго). Уже одно состояніе здоровья не позволило бы ему работать за всѣхъ; и вмѣстѣ съ нимъ честь достиженія этого результата должны раздѣлить нѣсколько другихъ лицъ, между которыми не послѣднее мѣсто принадлежитъ по праву автору „записокъ земца“, ставшему вскорѣ предсѣдателемъ Спасской уѣздной земской управы. Наконецъ, упомянутая дѣятельность продолжалась въ Спасскомъ уѣздѣ и по выходѣ изъ него Дашкова. Но Дмитрій Дмитріевичъ былъ несомнѣнно тѣми дрожжами, которыя надо было положить въ тѣсто, чтобы хлѣбъ началъ всходить.

Дашковъ предводитель, точно также, какъ и членъ училищнаго совѣта, какъ и гласный Дашковъ, больше всего интересовался и первымъ своимъ дѣломъ считалъ школьное дѣло. Передъ этимъ дѣломъ

отступали на второй планъ и мировой съѣздъ, въ которомъ онъ былъ почетнымъ мировымъ судьею и часто предсѣдательствовалъ, и другія предводительскія занятія, хотя въ юридическихъ вопросахъ онъ также разбирался отлично и былъ превосходнымъ предсѣдателемъ. Что было достигнуто въ Спасскомъ уѣздѣ при немъ въ дѣлѣ народнаго образованія, было прямо его дѣломъ. Онъ съ самаго начала понялъ, что для того, чтобы пріохотить населеніе къ школѣ, необходимо было поднять въ ней уровень преподаванія, и не жалѣлъ ни силъ, ни средствъ для достиженія этой цѣли. Неутомимо объѣзжалъ онъ училища уѣзда, входя въ сношенія и съ учителями, и съ населеніемъ, и съ частными лицами, и часто находилъ помощь и средства тамъ, гдѣ сначала нельзя было ожидать ихъ. Въ очень скоромъ времени 18 земскихъ училищъ Спасскаго уѣзда сдѣлались по постановкѣ преподаванія лучшими въ губерніи. Къ школьному дѣлу Дмитрій Дмитріевичъ былъ настолько привязанъ, что даже оставляя должность предводителя и уѣзжая изъ Рязанской губерніи, онъ оставилъ своему преемнику подробный планъ дѣйствій и просилъ его сообщать ему о ходѣ того дѣла въ Уфу.

Но занятія Дашкова по училищному дѣлу сливаются уже съ его дѣятельностью въ Рязанскомъ губернскомъ земствѣ.

Гласнымъ Рязанскаго губернскаго земскаго собранія Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ сдѣлался тоже въ 1868 году, будучи выбранъ въ губернскіе гласные отъ Спасскаго уѣзда. Въ занятіяхъ губернскаго земскаго собранія онъ въ этотъ годъ, какъ и въ Спасскомъ уѣздномъ собраніи, не участвовалъ. Но имъ была прислана и собранію доложена записка, въ которой Дмитрій Дмитріевичъ предлагалъ собранію устройство на средства губернскаго земства въ лѣтнее время педагогическихъ курсовъ для подготовки учителей въ народныя школы и для сообщенія уже дѣйствовавшимъ учителямъ дополнительныхъ свѣдѣній и улучшенныхъ пріемовъ преподаванія. Записка была написана со знаніемъ дѣла и увѣренностью въ его осуществимости. Авторомъ былъ приведенъ полный разсчетъ потребнаго на устройство курсовъ расхода и указано на примѣры такихъ курсовъ въ другихъ губерніяхъ, именно въ Новгородской.

Предложеніе Дашкова шло на встрѣчу существенной потребности народной школы того времени. Новые методы преподаванія, усвоившіе себѣ въ настоящее время такое прочное положеніе въ земскихъ шко-

лахъ, въ то время только еще входили въ употребленіе. Знакомыхъ съ ними учителей въ Рязанскихъ училищахъ почти не было, какъ вообще почти не было въ этихъ школахъ подготовленныхъ учителей. Недавно открытая земствомъ учительская семинарія въ Рязани не дала еще ни одного выпуска, но если-бы выпуски окончившихъ курсъ въ этой семинаріи и начались, число выпускаемыхъ было настолько незначительно, что этимъ путемъ надолго нельзя-бы было надѣяться доставить училищамъ губерніи необходимое число учителей. Все это было принято во вниманіе Дашковымъ въ его запискѣ. Поддержанное губернскою управою и многими гласными предложеніе было принято собраніемъ; на устройство курсовъ ассигнована по смѣтѣ на 1869 г. исчисленная Дашковымъ сумма въ 4000 рублей, и въ тоже собраніе авторъ предложенія былъ выбранъ въ члены губернскаго училищнаго совѣта отъ земства.

Такъ началась дѣятельность Дмитрія Дмитріевича Дашкова въ Рязанскомъ губернскомъ земствѣ.

Какъ и можно было ожидать, осуществленіе предположенія объ устройствѣ курсовъ легло главнымъ образомъ тоже на Дашкова. Предсѣдатель губернской управы, князь С. В. Волконскій, поспѣшилъ воспользоваться его содѣйствіемъ вполнѣ. Отъ Дмитрія Дмитріевича исходила и разработка плана открываемыхъ курсовъ, и приглашеніе руководителей, и выборъ и пріобрѣтеніе учебныхъ пособій. Онъ же все время посѣщалъ курсы и слѣдилъ за ходомъ занятій. Курсы удались вполнѣ и оправдали всѣ ожиданія Дашкова. Изъ 125 человѣкъ, принятыхъ на курсы въ качествѣ слушателей, получили по произведеніи испытанія свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи ихъ 99 человѣкъ; число же желавшихъ попасть на курсы было значительно больше. Съ тѣхъ поръ такіе курсы срокомъ на 2 – 3 мѣсяца ежегодно созывались въ Рязанской губерніи. Сначала ихъ устраивали въ двухъ городахъ, Рязани и Ряжскѣ, для различныхъ частей губерній, а потомъ только въ Рязани. Дашковъ всякій разъ принималъ въ устройствѣ ихъ дѣятельное участіе. Благодаря его знанію дѣла и знакомствамъ въ педагогическомъ мірѣ, удавалось приглашать въ руководители опытныхъ и талантливыхъ людей, что считалось Дмитріемъ Дмитріевичемъ необходимымъ условіемъ успѣха, такъ что въ Рязани перебывали за это время многіе изъ наиболѣе извѣстныхъ педагоговъ того времени. Самъ Дашковъ слѣдилъ за ходомъ бесѣдъ, знакомился

и подолгу разговаривалъ съ слушателями курсовъ, стараясь отличить наиболѣе пригодныхъ для учительскаго дѣла, и поддерживая и руководя учителей своими совѣтами, а подчасъ и не одними только совѣтами. Всего за 6 лѣтъ, въ теченіи которыхъ устроивались земствомъ педагогическіе курсы, на курсахъ перебывало болѣе 600 человѣкъ, изъ которыхъ около половины сдѣлались учителями народныхъ училищъ въ Рязанской губерніи. Нѣкоторые учителя побывали на курсахъ нѣсколько разъ. Учителя прошедшіе черезъ эти курсы наряду съ немногочисленными еще въ то время воспитанниками земской учительской семинаріи, первые разнесли по губерніи новые пріемы преподаванія: изученіе грамоты по звуковому методу, чтеніе по „родному слову“ Ушинскаго, счетъ по системѣ Груббе, а, главное, внесли въ школу новое обращеніе съ учащимися. Для насъ, не педагоговъ, все это составляло въ то время цѣлое откровеніе. Я имѣлъ случай видѣть на дѣлѣ преподаваніе нѣкоторыхъ изъ такихъ учителей, прослушавшихъ педагогическіе курсы въ теченіе всего трехъ мѣсяцевъ, и, если-бы не убѣдился собственными ушами, не повѣрилъ-бы въ возможность достигнуть такихъ результатовъ въ такое короткое время, разумѣется, при природныхъ способностяхъ. Первый предсѣдатель Рязанской губернской земской управы, князь Сергѣй Васильевичъ Волконскій, говоритъ въ своемъ „обзорѣ девятилѣтней дѣятельности Рязанскаго земства“, что только со времени учрежденія курсовъ „школы наши стали походить на школы; дѣти перестали ихъ бояться и стали выучиваться грамотѣ скоро и легко, тогда какъ въ прежнихъ школахъ они по большей части не выучивались“.

Курсы устроивались Рязанскимъ земствомъ до 1875 года включительно. 5 августа этого года, какъ извѣстно, были утверждены министромъ народнаго просвѣщенія правила о временныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ народныхъ школъ. По этимъ правиламъ все дѣло устройства курсовъ—приглашеніе руководителей, назначеніе учителей на курсы и проч., предоставлялось усмотрѣнію дирекціи и инспекторовъ народныхъ училищъ, публичность преподаванія устранялась; за земствомъ оставлено лишь право, заявивъ дирекціи о своемъ желаніи устроить курсы, оплатить потребный на то расходъ. Выслушавъ докладъ объ этихъ правилахъ, собраніе приняло его къ свѣдѣнію и новаго назначенія на курсы не сдѣлало. Нѣтъ сомнѣнія, что при томъ положеніи, въ какомъ находи-

лось въ то время земство, всѣ ограничительныя въ отношеніи его участія въ дѣлѣ условія были бы соблюдены въ точности.

Такъ заключилось первое дѣло, предпринятое Рязанскимъ губернскимъ земствомъ на пользу народнаго образованія по почину Дашкова. Впрочемъ, надо сказать, что въ то время (въ 1876 г.) не было уже и такой надобности въ подготовленіи учителей на педагогическихъ курсахъ, какъ прежде. Число подготовленныхъ учителей стало больше, а выпуски земской учительской семинаріи ежегодно увеличивали между ними число лицъ, получившихъ болѣе основательную подготовку. Курсы сослужили свою службу губерніи.

Когда Дашковъ былъ избранъ въ члены губернскаго училищнаго совѣта отъ земства, дѣйствовало еще положеніе о начальныхъ училищахъ 1864 года. При той постановкѣ, которая была дана дѣлу народнаго образованія въ Рязанской губерніи, по которой содержаніе училищъ было признано дѣломъ уѣздовъ (а уѣздными собраніями по большей части считалось непосильнымъ земству) губернскому училищному совѣту, созывавшемуся еще подъ предсѣдательствомъ архіерея, собственно дѣла не было. Совѣтъ этотъ получалъ отпускавшіяся на его содержаніе деньги, велъ формальнымъ образомъ небольшую переписку, вытекавшую изъ его обязанностей чисто служебнаго характера, и на дѣлѣ даже не созывался, а рѣшалъ дѣла любимымъ способомъ бюрократическихъ учрежденій, проходными журналами. Предшественникъ Дашкова по должности члена отъ земства губернскаго училищнаго совѣта, отказываясь отъ нея, жаловался, что его ниразу не приглашали на засѣданія совѣта (въ Рязань изъ Касимова). А другой членъ отъ земства того же совѣта, товарищъ Дашкова по должности, М. Н. Кормилицынъ, заявлялъ земскому собранію такой же отказъ въ самый годъ появленія перваго Дашковскаго отчета о состояніи народнаго образованія въ Рязанской губерніи, ссылался на безвыходность положенія, въ какое поставленъ Совѣтъ и его земскіе члены по недостатку денегъ. Онъ долженъ былъ затратить собственныя деньги даже на такую надобность, какъ разсылку на заключеніе уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ присланнаго губернскимъ училищнымъ совѣтомъ Симбирской губерніи проекта наказа уѣзднымъ совѣтамъ, по которому требовался отзывъ Рязанскаго губернскаго училищнаго Совѣта. Не было возможности, по недостатку средствъ, ни составить выписки изъ сообщенныхъ 3-мя уѣздными совѣтами отчетовъ для доклада губерн-

скому совѣту, ни написать каталога дешевыхъ и полезныхъ книгъ для народа, чтобы тѣмъ облечить выборъ книгъ уѣзднымъ совѣтомъ; „книгъ же полезныхъ, безполезныхъ и даже вредныхъ", писалъ Н. М. Кормилицынъ „оказалось весьма много" и на пріобрѣтеніе ихъ для ознакомленія съ ними требовались средства... Какъ же было руководить при такомъ положеніи? А между тѣмъ, продолжалъ Кормилицынъ, „полезно бы было также членамъ губернскаго училищнаго совѣта по временамъ объѣзжать школы, и, подвергая учениковъ экзамену, выдавать по указанію мѣстнаго совѣта награды учителямъ" и т. д. На все это нужны средства.

Я не стану перечислять различныя предположенія Кормилицына о томъ, что по его мнѣнію нужно бы сдѣлать и на что не имѣлось средствъ, которыя онъ приводитъ въ поданномъ имъ въ земское собраніе заявленіи. Рѣчь въ этой характеристикѣ идетъ не о немъ. Но нельзя не замѣтить, что Кормилицынъ былъ правъ по существу, когда онъ, не желая сидѣть въ совѣтѣ ничего не дѣлая, отказался отъ должности, какъ это и поняло собраніе, принявшее его заявленіе.

Но что затрудняло другихъ гласныхъ, попадавшихъ въ должность членовъ отъ земства губ. училищнаго совѣта, то не могло остановить Дашкова. Съ самого начала онъ понялъ свое положеніе иначе. Принявъ свое избраніе въ члены губернскаго училищнаго совѣта за порученіе губернскаго земскаго собранія быть его органомъ въ училищномъ дѣлѣ, онъ задался прежде всего цѣлью ознакомить собраніе съ дѣйствительнымъ положеніемъ этого дѣла въ губерніи. Для этого надо было ознакомиться со школами самому. Онъ это и сдѣлалъ. Знакомство привело его къ необходимости помогать школамъ и учащимъ въ нихъ, чѣмъ онъ могъ. И на это у него хватило и энергіи и умѣнія. Отбросивъ мысль о руководствѣ дѣлами училищныхъ совѣтовъ, онъ сосредоточилъ всѣ свои силы на этой помощи и вскорѣ затянулся въ дѣло такъ, что оно стало его главнымъ, чтобъ не сказать единственнымъ занятіемъ. Разумѣется, онъ не имѣлъ возможности лично посѣтить не только всѣхъ училищъ, но даже болѣе или менѣе значительную часть ихъ, и сдѣлать въ губерніи того же, что онъ дѣлалъ въ своемъ Спасскомъ уѣздѣ. Но онъ старался узнавать о положеніи училищъ и ихъ нуждахъ всѣми средствами, какія только попадали въ его распоряженіе. Съ учителями онъ былъ знакомъ въ очень многихъ случаяхъ по курсамъ, а также по занятіямъ учениковъ земской учительской

семинаріи, съ которою онъ не замедлилъ коротко познакомиться и войти во всѣ интересы и нужды заведенія. Такъ какъ его вступленіе въ губернскій училищный совѣтъ совпало съ назначеніемъ первыхъ инспекторовъ народныхъ училищъ, то онъ поспѣшилъ познакомиться съ ними и коротко сошелся съ первымъ инспекторомъ, и нѣкоторое время единственнымъ въ Рязанской губерніи, Трескинымъ. Это давало ему возможность пользоваться какъ его опытомъ, такъ и всѣмъ матеріаломъ, какимъ онъ располагалъ. Онъ вступилъ также въ живое общеніе съ дѣятелями по народному образованію въ уѣздахъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр., Иванъ Павловичъ Бибиковъ въ Данковскомъ уѣздѣ, начавшій свою дѣятельность по школьному дѣлу еще до Дашкова, были очень близки къ школьной жизни своей мѣстности. Выгода была обоюдная, такъ какъ Дашковъ умѣлъ быть всякому полезенъ во многихъ отношеніяхъ. Когда кто либо изъ учителей попадалъ въ Рязань, онъ обыкновенно шелъ къ члену губернскаго училищнаго совѣта отъ земства (если только Дашковъ былъ въ Рязани), и онъ готовъ былъ со всякимъ бесѣдовать, узнавая нужды его и его школы, и помочь всѣмъ, чѣмъ былъ въ состояніи. Однимъ словомъ, земство пріобрѣло въ Дмитріѣ Дмитріевичѣ Дашковѣ на дѣлѣ то, чего, можетъ быть, желало достигнуть министерство народнаго просвѣщенія учрежденіемъ должности инспекторовъ народныхъ училищъ и что въ исключительныхъ случаяхъ иногда и достигалось: оно получило въ немъ друга и помощника учителей, попечителя и защитника училищъ во всѣхъ ихъ нуждахъ. И все это дѣлалось по призванію съ такою охотою и умѣніемъ, какія рѣдко можно встрѣтить.

Въ 1869 году, первомъ году, когда Дашковъ дѣйствительно участвовалъ въ засѣданіяхъ губернскаго земскаго собранія, былъ доложенъ и первый докладъ его о состояніи народнаго образованія въ Рязанской губерніи. По объясненію самого автора этого доклада, цѣлью его было пробудить вниманіе общественнаго мнѣнія къ дѣлу народнаго образованія и его постановкѣ въ Рязанской губерніи. Читая, или вѣрнѣе сказать, говоря его, потому что Дашковъ никогда не писалъ своихъ докладовъ, а говорилъ ихъ по конспекту, авторъ является уже не земскимъ инспекторомъ, наблюдающимъ за школами, а скорѣе въ положеніи свидѣтеля, призывающаго вниманіе собранія къ ввѣренному земству дѣлу, способнаго потребовать и отчета за сдѣланное. Передъ собраніемъ проходили одинъ за другимъ отдѣльные

уѣзды и по каждому требовали отвѣта, что въ немъ сдѣлано. Картина получалась не безъ свѣтлыхъ сторонъ, но въ общемъ удручающая, и не у одного изъ слушателей во время этой рѣчи совѣсть должна была укоризненно заговорить подъ вліяніемъ пробудившагося сознанія, что не все то сдѣлано, что было можно.

Докладъ былъ принятъ собраніемъ съ большимъ сочувствіемъ, какъ значится въ журналѣ. Со словъ двухъ очевидцевъ, Ивана Павловича Бибикова и Александра Николаевича Левашова, изъ которыхъ одинъ былъ въ числѣ гласныхъ собранія, а другой находился въ публикѣ, я имѣю возможность вывести болѣе точное заключеніе о дѣйствіи, произведенномъ этимъ отчетомъ. Оно было поразительное. Нѣсколько минутъ по окончаніи отчета прошло въ молчаніи. Потомъ послышались рукоплесканія, сперва тихія, но потомъ превратившіяся въ громкія аплодисменты. Засѣданіе было прервано, и гласные вышли изъ залы, чтобы осилить охватившее ихъ волненіе, переговариваясь другъ съ другомъ. Передъ собраніемъ точно была снята завѣса, скрывавшая отъ его глазъ цѣлый рядъ фактовъ. Когда по возобновленіи засѣданія гласный, князь Крапоткинъ, попробовалъ было оправдать незначительность расходовъ на народное образованіе въ южныхъ уѣздахъ нерасположеніемъ крестьянскаго населенія къ образованію, потребность въ которомъ сильнѣе ощущается въ промышленныхъ мѣстностяхъ сѣвера губерніи, чѣмъ на черноземномъ югѣ, гласный, крестьянинъ Раненбургскаго уѣзда, Есаковъ заявилъ, что крестьяне желаютъ учиться не только на пескахъ, но и на черноземѣ, благодарилъ Дашкова за его сочувствіе народному образованію и предложилъ, напечатавъ его отчетъ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, разослать его во всѣ волостныя правленія губерніи. Гласные тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ затраты на народное образованіе были особенно малы, возражали, стараясь оправдать свои собранія, но ихъ возраженія носили скорѣе характеръ извиненій, чѣмъ оспариванія.

Всѣ предложенія Дашкова были приняты собраніемъ. Было постановлено ходатайствовать передъ правительствомъ объ освобожденіи окончившихъ курсъ въ народныхъ училищахъ отъ тѣлесныхъ наказаній, разрѣшены всѣ награды, о которыхъ ходатайствовалось въ докладѣ, и, наконецъ, когда въ отвѣтъ на указаніе Дашкова на недостаточность помощи, оказываемой населенію, желающему учиться, земствомъ Михайловскаго уѣзда, нѣкоторые гласные того уѣзда сосла-

лись на затруднительное положеніе Михайловскаго земства въ этомъ году вслѣдствіе неурожая: разрѣшено членомъ губернскаго училищнаго совѣта отъ земства: „въ виду совершенной безпомощности крестьянскаго населенія этого уѣзда и бѣдности, засвидѣтельствованной его управою, чтобы не дать населенію этого уѣзда слишкомъ далеко отставать отъ прочихъ въ дѣлѣ народнаго образованія“ израсходовать на помощь школамъ Михайловскаго уѣзда 760 рублей изъ запаснаго капитала — сумму, указанную Дашковымъ. День этотъ былъ вѣроятно однимъ изъ лучшихъ дней въ жизни Дмитрія Дмитріевича.

Послѣ этого отчета въ собраніи всѣмъ стало ясно, какую крупную силу пріобрѣло Рязанское земство въ своемъ новомъ гласномъ.

Въ слѣдующемъ году Дашковъ уже былъ членомъ комиссій ревизіонной, оцѣночной и податной, однимъ словомъ, избирался всюду, гдѣ была работа и требовались способные люди. Въ качествѣ члена ревизіонной комиссіи онъ, между прочимъ, внесъ предложеніе объ измѣненіи порядка ревизій земскихъ суммъ, которое впослѣдствіе навело къ установленію постоянныхъ въ теченіе года ревизіи земскихъ суммъ, вмѣсто прежнихъ кратковременныхъ передъ собраніемъ. Онъ вносилъ также вмѣстѣ съ другимъ гласнымъ предложеніе о совмѣстномъ печатаніи журналовъ всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраній губерніи вмѣстѣ съ докладами при губернской управѣ. Предложеніе это не было принято собраніемъ, иначе Рязанское земство вѣроятно давно имѣло бы свой органъ въ Рязани. Но главнымъ дѣломъ Дашкова оставалось народное образованіе.

Докладывая о положеніи школьнаго дѣла въ 1870 году, онъ отмѣчаетъ, что въ этомъ году всѣ уѣзды сдѣлали въ своихъ смѣтахъ ассигнованія на училищное дѣло, и число какъ училищъ, такъ и учащихся въ нихъ прибавилось. Дашковъ окончилъ этотъ свой отчетъ двумя предметами: во первыхъ, оказывать изъ губернскихъ средствъ ссуды уѣздамъ на школьные расходы въ тѣхъ случаяхъ, когда земство уѣзда не будетъ въ состояніи произвесть ихъ изъ собственной кассы; во вторыхъ, обязать уѣзды устроить на земскій счетъ по образцовому училищу на каждые 30000 душъ населенія обоего пола. Ни то, ни другое предложеніе не было принято земскимъ собраніемъ, такъ какъ они не согласовались съ установившимся въ Рязанской губерніи распредѣленіемъ обязанностей между губернскимъ земствомъ и уѣздными. Но второе изъ этихъ предложеній, имѣвшее цѣлью ознакомить насе-

леніе съ хорошею школою, на чемъ особенно настаивалъ Дашковъ, было передано губернскимъ собраніемъ въ уѣзды, изъ которыхъ нѣкоторые привели его въ исполненіе, напр. Рязанскій уѣздъ.

Въ отчетѣ, доложенномъ въ 1871 году, Дашковъ могъ указать уже на существенныя перемѣны въ отношеніи земства различныхъ уѣздовъ къ этому дѣлу. Въ двухъ уѣздахъ, Раненбургскомъ и Данковскомъ, произведенъ осмотръ всѣхъ училищъ членами уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ. Въ двухъ другихъ заведена рѣчь объ обязательномъ посѣщеніи школъ для крестьянскихъ дѣтей въ мѣстностяхъ, гдѣ школы имѣются. Къ сожалѣнію, оба эти уѣзда относятся къ числу тѣхъ, которые мало ассигновали на народное образованіе. Докладчикъ отмѣчаетъ случаи крупныхъ пожертвованій на школы изъ среды населенія. Въ двухъ случаяхъ крестьяне пожертвовали подъ училища принадлежавшіе имъ дома. Смѣты вездѣ почти увеличены противъ прежняго. Останавливаясь на докладѣ князя С. В. Волконскаго уѣздному собранію о произведенномъ имъ осмотрѣ училищъ Раненбургскаго уѣзда, Дашковъ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ этого доклада и, возвращаясь къ любимой своей идеѣ о необходимости познакомить населеніе съ хорошею школою, онъ говоритъ, ссылаясь на факты, приведенные въ этомъ докладѣ: „покажите населенію хорошую школу, и оно само устремится въ нее; но развѣ можно любить школы въ родѣ описанныхъ княземъ Волконскимъ“! Но онъ рѣшительно возстаетъ противъ ходатайства о понудительной отправкѣ дѣтей въ школы, особенно когда школъ почти нѣтъ и ничего серьезнаго не дѣлается для того, чтобы онѣ были.

Отклоняя высказанную ему собраніемъ по предложенію Кошелева благодарность за этотъ докладъ, Дмитрій Дмитріевичъ повторилъ слова, уже сказанныя имъ раньше по такому же случаю: „если въ комъ нибудь зашевелится любовь къ дѣлу народнаго образованія, то пускай онъ ее выкажетъ на дѣлѣ, а не на словахъ—это будетъ для него лучшею наградою и лучшею благодарностью“.

Съ 1871 года, съ котораго начинается второе трехлѣтіе участія Дашкова въ дѣлахъ Рязанскаго земства и третье въ дѣятельности земскихъ учрежденій, происходитъ перемѣна въ Рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Собраніе это, дававшее до тѣхъ поръ значительное и довольно дружное большинство, поддерживавшее управу,

во главѣ которой стоялъ князь С. В. Волконскій, раздѣлилось на двѣ почти равносильныя партіи, смотрѣвшія на многіе коренные вопросы совершенно противоположно, такъ что постановленія стали проходить большинствомъ одного, двухъ голосовъ, а иногда и голосомъ предсѣдателя. Послѣдствіемъ такого положенія явилась извѣстная шаткость постановленій, возможность перерѣшеній и даже противорѣчивыхъ постановленій по одному и тому же вопросу и необходимость для гласныхъ, дорожившихъ успѣхомъ земскаго дѣла, внимательно слѣдить за ходомъ дѣла, чтобы не упустить уже достигнутаго. Тѣмъ не менѣе (а можетъ быть и потому именно), по замѣчанію автора обзора дѣятельности Рязанскаго земства за первое девятилѣтіе, князя С. В. Волконскаго, число поставленныхъ и разрѣшенныхъ вопросовъ въ это трехлѣтіе было больше, нежели въ предыдущія.

Это раздѣленіе собранія на двѣ, упорно боровшіяся между собою, партіи, проявилось въ первый разъ уже въ концѣ предшествующаго трехлѣтія на чрезвычайномъ собраніи 1871 года, созванномъ для отвѣта на предложенный правительствомъ вопросъ, признается-ли по мѣстнымъ условіямъ губерніи желательною замѣна взымавшихся съ крестьянъ подушной подати и государственнаго земскаго сбора другими, предположенными для того налогами. Губернская управа, исполняя возложенное на нее собраніемъ порученіе, собрала необходимый для выясненія этого вопроса матеріалъ и вмѣстѣ съ избранной для того собраніемъ комиссіей приготовила обстоятельный докладъ, въ которомъ на основаніи собранныхъ данныхъ приходила къ заключенію, что облегчить тяготы податныхъ сословій невозможно иначе, какъ посредствомъ разложенія сборовъ на имущество всѣхъ плательщиковъ земскихъ налоговъ безъ различія сословій. Необходимость высказаться по такому вопросу, который, казалось, такъ сильно задѣвалъ интересы различныхъ группъ земскихъ плательщиковъ, заставила гласныхъ строже провѣрить свои симпатіи и стремленія. Хотя собраніе въ чрезвычайномъ засѣданіи 1871 г. послѣ продолжительныхъ преній и остановилась на формулѣ отвѣта, признававшаго необходимость распространить обязанность платежа податей на всѣ имущественныя и личныя силы губерніи (трудъ), но когда надо было перейти къ обсужденію составленныхъ управою совмѣстно съ комиссіею проектовъ налоговъ, введеніемъ которыхъ взамѣнъ подушной подати и государственнаго земскаго сбора предполагалось осуществить это, гласные не

собрались, и собраніе оказалось не въ составѣ. Когда собралось слѣдующее, очередное, собраніе 1871 года, обѣ партіи уже образовались и стояли другъ противъ друга, готовыя къ борьбѣ. Тѣ, кто считали, что гласному дворянину слѣдуетъ и въ земскомъ собраніи имѣть въ виду главнымъ образомъ интересы лицъ своего сословія, стали именовать партію, къ которой они себя причисляли, дворянской; противная партія, къ которой принадлежала и тогдашняя губернская управа, стала называться въ отличіе отъ нихъ земскою партіей. Не принадлежать къ одной изъ этихъ партій стало скоро совершенно невозможно. Дашковъ, принимавшій дѣятельное участіе въ трудахъ податной комиссіи, само собой разумѣется, былъ отнесенъ къ земской партіи.

Въ тотъ-же 1871 годъ Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ баллотировался и былъ избранъ въ члены губернской земской управы безъ жалованья.

Такимъ образомъ Дмитрій Дмитріевичъ сразу сдѣлался и сторонникомъ партіи, къ чему онъ никогда не имѣлъ ни стремленія, ни наклонности, и отвѣтственнымъ должностнымъ лицомъ губернскаго земства.

Служба въ губернской управѣ вмѣстѣ съ княземъ С. В. Волконскимъ имѣла для Дашкова до нѣкоторой степени ту выгоду, что это давало ему возможность пополнить запасъ правительственнаго опыта въ хозяйственныхъ дѣлахъ, недостатокъ котораго онъ въ себѣ сознавалъ. Но это была въ общемъ очень не легкая служба. Нѣтъ надобности говорить, что служа и безъ жалованья, Дашковъ исполнялъ свои обязанности, какъ члена управы, совершенно такъ же, какъ если-бы онъ и получалъ жалованье. Одинаково съ остальными членами губернской управы онъ несъ дежурства, наблюдалъ за заведеніями земства, участвовалъ въ засѣданіяхъ управы. Разница между его службою и службою другихъ членовъ управы заключалась лишь въ томъ, что Дашковъ могъ сдѣлать многое такое, чего другіе сдѣлать не могли.

Само собою разумѣется, что все, что касалось дѣятельности управы по народному образованію, какъ то—завѣдываніе земскою учительскою семинаріей, учительскими курсами и проч. лежало на немъ же и сдѣлалось предметомъ его особенныхъ заботъ. Въ бумагахъ князя

С. В. Волконскаго сохранились нѣкоторыя письма Дашкова и одно И. П. Бибикова, относящіяся къ тому времени и касающіяся приглашенія учителей для учительской семинаріи и учениковъ этой семинаріи. По этимъ письмамъ видно, насколько такіе руководители училищнымъ дѣломъ, какъ Дашковъ и Бибиковъ, входили въ то время во всѣ подробности, касавшіяся учителей. Воспитанники учительской семинаріи и многіе слушатели курсовъ имъ извѣстны лично. Они знаютъ характеръ и успѣхи каждаго, ихъ семейныя обстоятельства, ихъ виды на будущее. Они находятся въ перепискѣ съ учителями, слѣдятъ за ними, пользуясь всѣми способами извлечь изъ каждаго все, чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ земству. И Дашковъ слѣдилъ такимъ образомъ за своими знакомцами по всей губерніи. Что касается пріисканія преподавателей для земской учительской семинаріи, то, какъ и можно было ожидать, эта обязанность лежала главнымъ образомъ на Дмитріѣ Дмитріевичѣ.

Учительская семинарія была, конечно, предметомъ особыхъ попеченій новаго члена управы. Онъ являлся въ нее и днемъ, и ночью, во всякое время, присутствовалъ на урокахъ, велъ бесѣды съ преподавателями, разговаривалъ съ воспитанниками, не оставлялъ безъ вниманія ни одной мелочи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ не соглашался съ управою и еще болѣе съ собраніемъ, которое было довольно таки скуповато къ нуждамъ заведенія, хотя и любило говорить, что оно дорожитъ имъ. Но въ общемъ направленія съ предсѣдателемъ управы княземъ Волконскимъ они были согласны. Свои взгляды на задачи учительскихъ семинарій Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ изложилъ въ брошюрѣ, изданной имъ въ 1872 году въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: *„Какихъ училищныхъ семинарій намъ не нужно“*, въ которой проводится та общая мысль, что задача учительскихъ семинарій должна быть воспитывать людей, а не приготовлять ризличныхъ учительскихъ и другихъ дѣлъ мастеровъ. Съ этой точки зрѣнія программа нашихъ учительскихъ семинарій (въ томъ числѣ и Рязанской) ему представлялась недостаточной: и онъ ясно представлялъ себѣ, какою должна быть эта программа. Онъ также возстаетъ въ этой брошюрѣ противъ державшагося въ то время взгляда у многихъ Рязанскихъ дѣятелей, что надо стремиться брать учителей непремѣнно изъ крестьянъ, которые будто-бы лучше учителей изъ другихъ сословій могутъ проводить задачи просвѣщенія въ крестьянскомъ населеніи. Мелкое дво-

рянство и дѣти дьячковъ, по его мнѣнію, не худшій матеріалъ. Онъ высказываетъ по этому случаю ту вѣрную мысль, что и учитель изъ крестьянъ, побывавъ въ семинаріи, легко перестаетъ быть крестьяниномъ; но заканчиваетъ это сужденіе все-таки такими словами: „и всетаки подъ конецъ не могу не признаться: особенная симпатія привязываетъ меня къ молодому сельскому учителю изъ крестьянъ. Въ тѣхъ изъ нихъ, съ которыми мнѣ случалось встрѣчаться, такая мягкость въ обращеніи съ дѣтьми, такое добродушіе и спокойствіе, и въ тоже время такая опредѣленность требованій и ясность цѣли, какихъ не встрѣчалъ я ни у болѣе, ни у менѣе развитыхъ учителей изъ другихъ сословій. Во всей атмосферѣ его школою чувствуется, что учитель знаетъ своихъ и что свои его знаютъ; въ немъ самомъ такъ много дѣтскаго, его обращеніе такъ бархатно и женственно нѣжно, что, въ какомъ расположеніи ни войдетъ въ школу, глубокое спокойствіе обхватитъ душу; сидишь и любуешься и любишь, замѣтишь промахъ, иногда грубый, а всетаки любишь и любуешься. И не могутъ дѣти не отдыхать душой и не крѣпнуть духомъ подъ этимъ вліяніемъ“. Сколько идеализаціи въ этомъ замѣчаніи и въ тоже время сколько вѣрнаго! Дмитрій Дмитріевичъ возстаетъ также противъ стремленія дать крестьянскому населенію въ лицѣ учителя руководителя на всякія случаи, требующіе спеціальныхъ знаній — сельско-хозяйственныхъ и т. п., стремленія, которое въ Рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи впрочемъ никогда сильно не было.

Наклонность углубляться во всѣ подробности дѣла было свойствомъ Дашкова, проявлявшаяся не въ одномъ дѣлѣ народнаго образованія. Онъ вносилъ его всюду. Такъ, еще будучи членомъ ревизіонной комиссіи, онъ имѣлъ терпѣніе провѣрить наличность всего бѣлья въ губернской больницѣ, тогда какъ обыкновенно даже члены управы довольствуются повѣркою его на выдержку. Въ больницу и другія заведенія губернскаго земства онъ являлся и днемъ и ночью, во всякое время, такъ что служащіе никогда не могли быть увѣренными, что членъ управы вдругъ не явится въ любомъ изъ нихъ. Въ архивѣ же Рязанской губернской управы и сейчасъ можно найти книги съ замѣтками въ родѣ такой: Такого-то года и числа пробылъ въ губернской больницѣ съ 7 до $8^1/_2$ часовъ по полуночи. Никого изъ врачей за это время въ больницѣ не было. Д. Дашковъ.

Впрочемъ, отдавать свой трудъ всецѣло занятіямъ въ губернской

управѣ Дашкову пришлось не долго. Въ январѣ 1872 года онъ былъ избранъ въ Спасскіе уѣздные предводители дворянства. Теперь ему нужно было дѣлить свое время и трудъ между Рязанью и Спасскомъ, переѣзжая изъ одного города въ другой. Такое раздвоеніе труда, конечно, не могло не отразиться на работѣ. Въ очередномъ собраніи 1872 былъ выбранъ поэтому пятый членъ управы, такъ что всѣхъ членовъ управы, получавшихъ содержаніе, стало опять четыре, какъ было прежде. Дашковъ однако по просьбѣ предсѣдателя управы остался въ составѣ управы и дослужилъ трехлѣтіе до конца, занимаясь, на сколько могъ.

Дѣятельность Дмитрія Дмитріевича въ качествѣ члена губернскаго училищнаго совѣта продолжалась все это время по прежнему. Каждый годъ губернское земское собраніе заслушивало подробный отчетъ его о состояніи народныхъ училищъ въ губерніи. Но, по мѣрѣ того, какъ свѣдѣнія его и знакомство съ учителями росли, отчеты эти пріобрѣтали все большее значеніе. Ихъ ждали, къ нимъ прислушивались. Изъ докладчика о состояніи школьнаго дѣла и ходатая за него передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ Дашковъ постепенно обращался въ учителя уѣздовъ и руководителя земства въ этомъ дѣлѣ. Отчеты, доложенные собранію въ 1872 и 1873 году носятъ уже вполнѣ этотъ характеръ.

Въ 1874 году случилось совершенно особенное происшествіе. Дашковъ вдругъ отказался отъ должности члена губернскаго училищнаго совѣта отъ земства; поэтому докладъ за этотъ годъ составленъ другимъ лицомъ. Причина, вызвавшая такой отказъ, заключалась въ постановленіи совѣта, которымъ совѣтъ обратился къ попечителю Московскаго учебнаго округа за разъясненіемъ вопроса, въ правѣ-ли его члены посѣщать народныя училища губерніи. Такъ какъ другіе члены совѣта, въ случаѣ если-бы ихъ вѣдомство потребовало посѣщенія какихъ либо школъ, обязаны-бы были исполнить это требованіе независимо отъ того, какого-бы мнѣнія ни былъ о томъ совѣтъ, то Дашковъ нашелъ, что возбужденный вопросъ касался собственно членовъ училищнаго совѣта отъ земства, остался въ совѣтѣ при особомъ мнѣніи по состоявшемуся постановленію, и, находя, что положеніе, при которомъ члены училищнаго совѣта были-бы осуждены на чисто формальное отношеніе къ дѣлу и ограничены въ своей дѣятельности разсмотрѣніемъ восходящихъ до совѣта бумагъ, не соотвѣтствуетъ намѣ-

ніямъ земскаго собранія, предпочелъ отказаться отъ этого званія вовсе.

Собраніе, выслушавъ докладъ объ этомъ отказѣ, постановило: вмѣнить въ обязанность будущимъ членамъ губернскаго училищнаго совѣта отъ земства осматривать начальныя школы и о результатахъ осмотра представлять докладъ собранію. Когда послѣ этого постановленія произведены были выборы новаго члена совѣта на мѣсто выбывшаго Дашкова, то выбраннымъ оказался опять Дашковъ, на этотъ разъ принявшій избраніе. Черезъ нѣсколько времени послѣдовало и министерское разъясненіе, признавшее за всѣми членами училищнаго совѣта это право. Такимъ образомъ для Рязанскаго земства происшествіе это имѣло лишь то послѣдствіе, что въ 1874 году собраніе осталось безъ Дашковскаго отчета [1]).

Въ 1874 году окончилась служба Дашкова въ качествѣ члена Рязанской губернской управы. Уходя, онъ баллотировался и былъ избранъ въ попечители больницы и другихъ заведеній общественнаго призрѣнія губернскаго земства, сохраняя такимъ образомъ связь съ ними, которая не осталась только на страницахъ журнала земскаго собранія. Въ качествѣ гласнаго губернскаго собранія его вліяніе не только не убавилось, но даже еще возросло противъ прежняго. Въ партіи, къ которой принадлежалъ Дашковъ, онъ былъ безспорно одною изъ самыхъ крупныхъ силъ, хотя принадлежать къ какой либо партіи было ему совсѣмъ не по натурѣ, и онъ всегда любилъ и умѣлъ держать себя самостоятельно. За три года, въ продолженіи которыхъ онъ состоялъ членомъ управы, точно также, какъ и за оба послѣдующіе года, его имя встрѣчается въ спискахъ членовъ всѣхъ почти комиссій, которыя избирались собраніемъ, и на всѣхъ почти страницахъ журнала. Въ числѣ внесенныхъ имъ предложеній, оставившихъ

---

[1]) Чтобы объяснить, какъ все это произошло, надо разсказать слѣдующее. Въ одинъ изъ первыхъ годовъ службы Дашкова членомъ губернскаго училищнаго совѣта, объѣзжая школы, онъ заѣхалъ въ двухкласное министерское училище, нашелъ тамъ безпорядокъ и сообщилъ объ этомъ инспектору народныхъ училищъ Трескину. Послѣдній довелъ объ этомъ до свѣдѣнія своего начальства, сославшись на Дашкова. Въ этомъ было усмотрѣно посягательство члена училищнаго совѣта отъ земства на вмѣшательство не въ свое дѣло. Вопросъ разрѣшился тѣмъ, что право за членами училищнаго совѣта посѣщать школы было признано, но министерскія училища признаны состоящими въ вѣдѣніи непосредственно дирекціи народныхъ училищъ.

прочный слѣдъ въ жизни и хозяйствѣ Рязанскаго земства, слѣдуетъ указать на устройство эмеритальной кассы для служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, съ которою онъ много возился. Слѣдуетъ также упомянуть о предложенномъ имъ проектѣ мѣръ къ лѣсохраненію, который долго обсуждался въ собраніи уже послѣ оставленія Дашковымъ Рязанской губерніи, и хотя не былъ принятъ, но въ значительной степени осуществился въ законѣ о лѣсохраненіи. Онъ также много потрудился надъ выроботкою первыхъ правилъ о мѣрахъ предосторожности отъ огня въ селеніяхъ, былъ изъ числа горячихъ сторонниковъ мелкой земской единицы, и былъ первымъ дебатеромъ собранія.

Характеризуя его дѣятельность, какъ гласнаго, невозможно отдѣлить отъ его личности въ особенности этого послѣдняго свойства. Уже раньше было сказано о его умѣньи вести пренія и о его замѣчательной находчивости и остроуміи. Къ тому надо прибавить, что онъ не пользовался этими средствами для дешеваго торжества надъ противникомъ, а всегда въ интересахъ дѣла. Его остроты не оскорбляли, а имѣли либо характеръ шутки, либо призыва образумиться: посмотри, дескать, самъ, что ты говоришь! Приведу для примѣра два случая, которые происходили при мнѣ. Гласный А, оспаривая чье то мнѣніе, прочелъ ошибочно статью не изъ того закона, на который сослался. Желая его поправить, Дашковъ разыскиваетъ и прочитываетъ настоящую статью, въ которой говорится совсѣмъ не то. „Да у васъ какое изданіе“? спрашиваетъ А [1]). Дашковъ смотритъ на первую страницу своей книжки и отвѣчаетъ: „кажется... да! Анисимовское“! „Ну, вотъ видите, у васъ этого нѣтъ. А у меня послѣднее изданіе Мышъ. Оно вѣрное. „Здѣсь написано—быть по сему“! Дмитрій Дмитріевичъ преспокойно смотритъ въ свою книжку и отвѣчаетъ: „Вообразите, и у меня—быть по сему“!—А впослѣдствіи любилъ вспоминать это случившееся съ нимъ приключеніе. Другой случай нѣсколько другого характера. Въ 1875 году двое гласныхъ изъ членовъ ревизіонной комиссіи Егорьевскаго уѣзднаго земскаго собранія обратились въ губернское собраніе съ жалобой на дѣйствія предсѣдателя Егорьевской земской управы, вліятельнаго въ

---

[1]) Для поясненія этого вопроса слѣдуетъ замѣтить, что при внесеніи земскаго положенія въ сводъ законовъ нумерація статей была измѣнена, такъ что въ различныхъ изданіяхъ дѣйствительно могли быть разные номера для той-же статьи.

въ то время гласнаго губернскаго земскаго собранія, Е. М. Афанасьева, не допустившаго ихъ до ревизіи земскихъ суммъ, которыхъ онъ былъ въ тоже время и казначеемъ. Когда же они хотѣли доложить о злоупотребленіяхъ въ Егорьевской управѣ уѣздному земскому собранію, то Афанасьевъ, бывшій въ то время, въ качествѣ уѣзднаго предводителя дворянства, и предсѣдателемъ этого собранія, закрылъ собраніе, не давъ ему такимъ образомъ возможности обсудить сдѣланное заявленіе. Губернское собраніе, усмотрѣвъ въ этомъ заявленіи Егорьевскихъ гласныхъ жалобу на дѣйствія предсѣдателя земскаго собранія, признало его не подлежащимъ своему разсмотрѣнію. Въ тоже собраніе разсматривался вопросъ о растратѣ земскихъ суммъ бывшею Пронскою управою, предсѣдатель которой, тоже одновременно съ тѣмъ, исполнялъ и должности казначея управы и, въ качествѣ предводителя дворянства, предсѣдателя уѣзднаго земскаго собранія, не допускалъ до ревизіи земскихъ суммъ членовъ губернской управы, вслѣдствіе чего губернское земское собраніе и постановило о привлеченіи Пронской управы къ судебной отвѣтственности. Гласный Офросимовъ, сопоставивъ оба эти случая, внесъ предложеніе ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы должности предсѣдателя управы, казначея управы и предсѣдателя земскаго собранія, были признаны несовмѣстимыми въ одномъ и томъ же лицѣ. Предложеніе это, сдѣланное въ выраженіяхъ, очень не двухсмысленныхъ по отношенію къ Егорьевскому предсѣдателю, вызвало въ собраніи цѣлую бурю. Афанасьевъ защищался горячо. Многіе гласные негодовали на дерзость Офросимова, дозволившаго себѣ тавое сопоставленіе, и выразили предсѣдателю желаніе, чтобы оно было взято имъ обратно, такъ что предсѣдатель счелъ нужнымъ извиниться передъ собраніемъ, что допустилъ прочтеніе этого предложенія, не ознакомившись съ нимъ заранѣе. Гласный Г. выпрямившись во весь свой огромный ростъ, ударялъ рукою по столу, объясняя возбужденнымъ голосомъ, что онъ не проситъ, а требуетъ, чтобы предложеніе Офросимова было взято обратно, такъ какъ оно оскорбительно для собранія. Онъ оскорбленъ имъ!—„лично“? спокойно спрашиваетъ Дашковъ, „потому что собраніе не уполномочивало Г. оскорбляться за него“. И огромная фигура Г. медленно опускается на свое мѣсто, а пренія продолжаются уже въ болѣе спокойномъ тонѣ.

Скоро пришлось однако и губернской управѣ временъ князя С. В. Волконскаго и Дашкову, тѣсно связанному съ ней по своей земской

дѣятельности, испытать тяжелыя минуты въ земскомъ собраніи. Направленіе собранія начало все болѣе мѣняться. Приближалась пора перемѣны и въ дѣятельности земства.

Выборы 1874 года дали незначительное большинство въ пользу партіи губернской управы, но такъ какъ не всѣ гласные обыкновенно присутствуютъ въ засѣданіяхъ собранія, и такъ какъ сторонники противоположной „дворянской“ партіи, связанные общностью противника, дѣйствовали обыкновенно дружнѣе и согласнѣе между собою, то перевѣсъ голосовъ въ собраніи могъ часто склоняться на ихъ сторону. Лично управа, и въ особенности предсѣдатель, продолжали еще пользоваться большимъ довѣріемъ и по этому всякій разъ, когда дѣло доходило до баллотировокъ въ ящикъ, т. е. по вопросамъ личнымъ, на ея сторонѣ оказывалось значительное большинство, но въ вопросахъ общественнаго значенія управѣ и ея единомышленникамъ становилось все труднѣе отстаивать свои начинанія. Къ этому присоединялась еще перемѣна въ настроеніи правящихъ сферъ въ Петербургѣ, становившемся все менѣе благопріятнымъ для широкаго проявленія земской самостоятельности, перемѣна, которая не могла остаться безъ вліянія и на мѣстную жизнь губерній.

Столкновеніе произошло по поводу близкаго Дмитрію Дмитріевичу учрежденія, земской учительской семинаріи, столь хорошо ему извѣстной и дорогой, въ 1875 году и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Надо объяснить, что земская учительская семинарія того времени дѣйствовала по уставу, утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія еще въ 1869 году, и, будучи чуть ли не первымъ по времени основанія заведеніемъ этого рода въ Россіи, пользовалась правами, отличными отъ тѣхъ, которыя были предоставляемы земству при открытіи подобныхъ заведеній впослѣдствіи. Уставъ заведенія настолько же отличался отъ устава правительственныхъ семинарій, которому оно подчинено съ 1878 года, насколько привила о народныхъ училищахъ, изданныя въ министерство Головнина, отличались отъ правилъ, утвержденныхъ въ министерство графа Толстого. Земству предоставлялось по этому уставу не только завѣдываніе хозяйственною, но и учебно-воспитательною частью училища, конечно подъ надзоромъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Приглашеніе и увольненіе учителей зависѣло отъ губернской управы. Такое положеніе, само собою разумѣется, не могло долго оставаться въ силѣ при тѣхъ взглядахъ,

которые стали господствовать въ министерствѣ народнаго просвѣщенія при графѣ Толстомъ, и рано или поздно учительская семинарія должна была быть подчинена общему порядку, установленному министерствомъ для всѣхъ вообще заведеній подобнаго рода. Можетъ быть, это случилось бы гораздо раньше и земству было бы сразу предложено или принять правительственный уставъ, или закрыть семинарію, какъ это потомъ и было сдѣлано въ 1877 году, если-бы самъ министръ не принадлежалъ къ числу дворянъ Рязанской губерніи, не имѣлъ знакомствъ среди другихъ дворянъ этой губерніи, и не имѣлъ можетъ быть, повода ожидать, что земское собраніе само пойдетъ навстрѣчу желаніямъ министерства и передастъ содержимое имъ заведеніе, въ учебно-воспитательномъ по крайней мѣрѣ отношеніи, въ завѣдываніе правительства вмѣстѣ съ средствами на его содержаніе. Такое ожиданіе было при тогдашнемъ дѣленіи партій въ собраніи вполнѣ естественно. Какъ бы то ни было, только въ отношеніи Рязанской семинаріи министерство графа Толстого долго медлило, прежде чѣмъ предъявить земству рѣшительное требованіе ввести правительственный уставъ или закрыть заведеніе. Первый намекъ объ этомъ со стороны министерства былъ сдѣланъ уже давно, съ самого того времени, когда, вслѣдствіе изданія устава о воинской повинности, зашелъ вопросъ о льготахъ, на которыя имѣли право воспитанники земской учительской семинаріи по отбыванію воинской повинности. Графъ Толстой выхлопоталъ тогда для учениковъ, окончившихъ курсъ училища, тѣ-же льготы, какими пользовались воспитанники правительственныхъ семинарій, но въ тоже время губернской управѣ дано было знать, что ежели земство желаетъ, чтобы воспитанники его заведенія пользовались такими же правами въ будущемъ, то оно должно подчинить учебно-воспитательную часть уставу правительственныхъ семинарій, т. е. отказаться отъ той доли самостоятельности (приглашенія учителей и проч.), которая была предоставлена земству уставомъ 1869 года. Управа, а за нею и собраніе не поняли намека. Отказаться отъ тѣхъ правъ, которыми земство пользовалось по прежнему уставу, было не легко. Времена могли перемѣниться, съ ними и взглядъ правительствующихъ лицъ. Ученики земской семинаріи получали права на льготу по отбываніи воинской повинности, подвергаясь испытанію при казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а семинарія велась по прежнему уставу въ то время, какъ новый, составленіе котораго

и представленія на его утвержденіе министерство потребовало, вырабатывался. Всѣ посѣщавшіе заведеніе ревизоры, какъ земскіе, такъ и начальствующія лица различныхъ вѣдомствъ, оставались довольны ея порядкомъ, какъ съ хозяйственной, такъ и съ учебно-воспитательной стороны.

Такъ продолжалось до 1875 года. Осенью этого года одинъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ губерніи, Епинатьевъ, сообщилъ предсѣдателю губернской управы, что въ заведеніи, о которомъ до того времени получались одни хорошіе отзывы, учебная часть хотя и хороша, но воспитательная хромаетъ. Въ доказательство г. инспекторъ сослался на то, какъ онъ самъ однажды видѣлъ 3-хъ учениковъ семинаріи входящими въ трактиръ; что крестьяне Троицкой слободы, гдѣ находится земская семинарія, жаловались на учениковъ ея старшинѣ, будто тѣ не даютъ имъ покоя. Недостатки воспитанія отразились и на учителяхъ, вышедшихъ изъ семинаріи: одинъ изъ нихъ будто-бы былъ удаленъ отъ должности за неприличное поведеніе въ присутствіи губернатора, другой довелъ неуваженіе къ церкви до того, что кормилъ собаку просфорой, третій разсказывалъ члену уѣзднаго училищнаго совѣта, что въ семинаріи имъ давали читать сочиненія Фейербаха и Молешота. Выводъ инспектора былъ тотъ, что необходимо пригласить для завѣдыванія заведеніемъ особое лице. На вопросъ же предсѣдателя управы: „изъ семинаріи“? инспекторъ отвѣчалъ: „нѣтъ, священника“. Все это было сообщено предсѣдателю управы въ устной бесѣдѣ; когда же онъ попросилъ сообщить объ этомъ письменно, то такого сообщенія не послѣдовало. Сообщенные факты были провѣрены княземъ С. В. Волконскимъ частнымъ образомъ, но не подтвердились.

Въ декабрѣ того же 1875 года Рязанское губернское земское собраніе слушало докладъ своей ревизіонной комиссіи, пришедшей къ такому же заключенію, какъ и инспекторъ. И она тоже находила, что воспитательная часть заведенія неудовлетворительна, но основанія ея заключенія были изложены гороздо рѣзче и рѣшительнѣе.

И она видѣла недостатокъ въ излишнемъ пользованіи свободой учениками, злоупотреблявшими ею, посѣщая кабаки и т. п. заведенія, пользуясь отпускомъ во всякое время подъ благовиднымъ предлогомъ свиданія съ родителями. Обязательнаго посѣщенія церкви въ праздничные дни воспитанниками нѣтъ, а ходятъ они къ обѣднѣ, куда кто

хочетъ, при чемъ остается неизвѣстнымъ, гдѣ кто изъ нихъ былъ. Между тѣмъ, по слухамъ религіозныя убѣжденія воспитанниковъ таковы, какихъ нежелательно видѣть въ будущихъ сельскихъ учителяхъ. Посты соблюдаются въ училищѣ лишь внѣшнимъ образомъ, безъ сознанія святости постовъ. Неразвитость нравственныхъ началъ замѣчается въ воспитанникахъ и въ стѣнахъ заведенія: первыя правила вѣжливости для нихъ видимо незнакомы, а если и соблюдаютъ ихъ, то какъ то нехотя, при разговорѣ съ посѣтителями училища, внѣ класса, отвѣты на предложенные вопросы грубы и манерны, какъ то предвзято—безцеремонны. Все это яснѣй и рельефнѣй выражается при полученіи воспитанниками учительскихъ мѣстъ, когда, полагая себя уже чѣмъ-то особеннымъ, они съ особеннымъ нахальствомъ и невозможными ужимками относятся къ своимъ прямымъ начальникамъ. Самая наружность воспитанниковъ представляетъ нѣчто особенное, нѣчто анормальное, что не замѣчается ни въ одномъ другомъ заведеніи. Очевидно, что на внѣшнее ихъ содержаніе не обращено ни малѣйшаго вниманія. Носятъ они, напр., волосы такой длины (воспитанниковъ стригли по крестьянски въ кружокъ) и въ такомъ безпорядкѣ, что они придаютъ имъ невзрачный и нечистоплотный видъ, и мѣшаютъ даже при занятіяхъ, закрывая лицо и книги, и т. д.

„Изъ всего сказаннаго", заключала комиссія, „явствуетъ, что образованіе въ Александровскомъ земскомъ училищѣ совершенно сгладило въ воспитанникахъ присущій русскому крестьянину отпечатокъ врожденной религіозности и непритворной вѣжливости, а потому создало изъ воспитанниковъ Александровскаго училища что то недодѣланное, не обѣщающее желаемыхъ результатовъ, т. е. достойныхъ распространителей народнаго образованія на прочныхъ нравственно-религіозныхъ началахъ". Недовольна осталась комиссія и хозяйственной частью въ заведеніи. Она стоитъ, по выраженію доклада, на одной степени съ дѣломъ воспитанія и настоящаго хозяина въ училищѣ нѣтъ. Изъ за каждой пустой вещи, необходимой для училища, завѣдующій училищемъ долженъ обращаться въ губернскую управу и хлопотать иногда продолжительно, чтобы вещь эта была пріобрѣтена. Внутренность училища весьма неопрятна. Полы и стѣны грязны, штукатурка на на стѣнахъ и потолкахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обвалилась, у классныхъ досокъ висятъ весьма грязныя тряпки для стиранія написаннаго; на лѣстницахъ и въ корридорахъ постланы половики, оборванные и неопрятные, классные столы покрыты слоемъ пыли, въ библіотечной

комнатѣ валялись оборванныя книги и изломанныя инструменты, въ мастерскихъ все было разбросано въ безпорядкѣ, и вещи и инструменты, и все было покрыто желтымъ слоемъ пыли. Инвентаря училищнаго имущества въ училищѣ нѣтъ. Температура въ различныхъ комнатахъ крайне неравномѣрна и т. д. Выводъ отсюда тотъ, что относительно мелочная отрасль хозяйства Александровскаго училища по своей незначительности не можетъ лежать на губернской земской управѣ, на которую возложены крупные хозяйственные интересы всей губерніи, и что ей, при всемъ желаніи, немыслимо услѣдить за всѣми нуждами заведенія.

Въ устраненіе такихъ недостатковъ ревизіонная комиссія предлагала: въ воспитательномъ отношеніи пригласить особаго воспитателя, уже опытнаго, прослужившаго извѣстное время на таковой должности по министерству народнаго просвѣщенія или по военно-учебнымъ заведеніямъ, привыкшаго къ строгому порядку казенныхъ заведеній, порядокъ которыхъ, по ея мнѣнію, всегда можетъ служить хорошимъ примѣромъ; въ хозяйственномъ: поручить завѣдываніе этой частью какому нибудь одному отвѣтственному члену губернской управы. Указать подходящее для должности такого воспитателя лицо комиссія предлагала также попросить вѣдомство народнаго просвѣщенія или военно-учебное. Кромѣ того, она предлагала избрать особую комиссію для выработки правилъ дисциплины и порядка въ училищѣ, вмѣнивъ ей въ обязанность руководствоваться правилами существующими въ германскихъ семинаріяхъ, причемъ комиссія указывала и гдѣ взять свѣдѣнія объ этихъ семинаріяхъ, именно: въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за октябрь мѣсяцъ того же (1875 г.). Для руководства предполагаемому воспитателю комиссія выработала и проэктъ инструкціи, отвѣчавшей тому взгляду, который приводился въ докладѣ. По этой инструкціи воспитатель долженъ былъ одинаково слѣдить за развитіемъ въ нихъ религіозно-нравственнаго чувства и „стараться удалять отъ всякой мысли, недостойной святого назначенія, къ которому они стремятся“, и за внѣшнею опрятностью, вѣжливымъ обращеніемъ, правильною стрижкою волосъ и хожденіемъ въ баню; вводилось попарное хожденіе въ церковь въ праздничные дни подъ присмотромъ наблюдателя и возвращеніе въ томъ же порядкѣ и т. д.

Не трудно понять, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвесть этотъ докладъ на лицъ, отъ которыхъ зависѣло заведеніе, которые

участвовали въ установленіи его порядковъ, дорожили имъ и видѣли въ немъ одно изъ главныхъ средствъ, открытыхъ земству для содѣйствія народному образованію. Теперь имъ говорили, что всѣ ихъ старанія чуть-ли не повели еще къ худому.

Если-бы вопросъ заключался только въ невѣрно переданныхъ фактахъ, было-бы еще съ пола-горя. Трудно было и ожидать вѣрной оцѣнки фактовъ отъ лицъ, незнакомыхъ съ заведеніемъ, при томъ порядкѣ, котораго сочла нужнымъ держаться ревизіонная комиссія, хранившая свои занятія по ревизіи заведенія втайнѣ и не обращавшаяся за разъясненіемъ возникшихъ въ ея членахъ сомнѣній ни къ управѣ, ни къ учителямъ семинаріи. Ошибки при такомъ порядкѣ были совершенно неизбѣжны.

Большой бѣды не было-бы даже и отъ невѣрнаго освѣщенія фактовъ. Члены комиссіи, производившіе ревизію семинаріи, педагогами не были ни по своему образованію, ни по позднѣйшимъ занятіямъ, и даже едва-ли когда нибудь до того времени интересовались вопросами воспитанія. Смѣшеніе понятій о внѣшней опрятности съ нравственностью, о дисциплинѣ съ религіознымъ чувствомъ и т. п. которымъ изобиловалъ докладъ, лучше всего показывало, насколько непривычно имъ было разбираться въ подобныхъ вопросахъ. Что-же касается степени безпристрастія лицъ, производившихъ ревизію семинаріи, то о ней достаточно свидѣтельствовали такіе выводы, какъ заключеніе объ отсутствіи религіознаго чувства у воспитанниковъ на томъ основаніи, что посты ими хотя и соблюдаются, но совершенно машинально, безсознательно [1]), или замѣчаніе о крайней неравномѣрности температуры въ различныхъ комнатахъ училища, что ставилось въ вину управѣ, безъ объясненія, въ какихъ именно комнатахъ была найдена низкая температура — въ цейхгаузѣ, умывальной, клозетѣ и комнатѣ для совѣщанія учителей, и т. п. Впрочемъ, внося свой докладъ, члены ревизіонной комиссіи, пробывшіе въ заведеніи отъ 5 до $5^1/_2$ часовъ въ

---

[1]) Случай, на основаніи котораго было выведено это заключеніе по объясненію присутствовавшаго при разборѣ съ предсѣдателемъ комиссіи учителя семинаріи былъ такой: воспитанника спросили, почему они ѣдятъ постное (былъ постный день). Воспитанникъ отвѣтилъ: потому, что намъ даютъ постное. Это послужило поводомъ къ выводу о непризнаніи воспитанниками святыхъ постовъ.

совокупности [1]), оговаривались, что ревизія учительской семинаріи была собственно поручена предсѣдателю комиссіи Рюмину и произведена имъ, изъ членовъ же двое совсѣмъ въ ней не участвовали, а третій, Лукинскій, заявилъ, что хотя онъ и былъ въ заведеніи вмѣстѣ съ предсѣдателемъ комиссіи и убѣдился въ вѣрности нѣкоторыхъ обвиненій—онъ не сказалъ, какихъ именно—но за весь докладъ не ручается.

Но противъ заведенія выставлялось обвиненіе въ приготовленіи учителей, лишенныхъ религіознаго чувства и неспособныхъ распространять образованіе на религіозно-нравственныхъ началахъ, а въ выработанныхъ предложеніяхъ послѣдовательно проводилась мысль о необходимости устранить это явленіе; т. е. обвиненіе было такого рода, что уже одна возможность появленія котораго создавала затрудненія для веденія самого дѣла. Чѣмъ менѣе было поводовъ для возникновенія такого обвиненія, тѣмъ болѣе слѣдовало опасаться, что оно всетаки появилось. Нельзя было также не понять, что выработка всѣхъ внесенныхъ въ собраніе предложеній не могла быть послѣдствіемъ только пяти часового посѣщенія земской семинаріи членами ревизіонной комиссіи, даже если-бы они и всѣ въ томъ случаи дѣйствовали за одно съ предсѣдателемъ комиссіи. Не надо было обладать особенной проницательностью, чтобы понять дѣло. Наконецъ, каковы-бы ни были педагогическія воззрѣнія Рюмина, все таки же онъ былъ въ качествѣ губернскаго предводителя избранникомъ того самого дворянства, которое призывалось съ высоты престола стать на стражу народной школы. Если-бы собраніе оставило безъ вниманія его заявленія, учебное вѣдомство не могло-бы этого сдѣлать.

Никто лучше Дашкова не былъ въ состояніи оцѣнить серьезность положенія. Онъ былъ слишкомъ близко знакомъ съ заведеніемъ, чтобы не видѣть настоящаго значенія тѣхъ фактовъ, на которыхъ остано-

---

[1]) Именно: во время ревизіи заведеніе посѣтили и пробыли въ немъ: предсѣдатель комиссіи Рюминъ вмѣстѣ съ инспекторомъ народныхъ училищъ Епинатьевымъ 20 октября отъ $10^1/_2$ до начала 2-го часа=$2^1/_2$ часа; онъ-же Рюминъ вмѣстѣ съ членомъ комиссіи Лукинскимъ 27 ноября и пробылъ на одномъ урокѣ 1 часъ; членъ комиссіи Базинъ и другой инспекторъ Бужинскій 28 ноября отъ 2 до 3 часовъ по полудни=1 часъ, Ж. Р. Г. З. С. XI оч. жур. стр. 131—132.

вилось вниманіе комиссіи. Заведеніе не было такимъ, какимъ его представляла себѣ комиссія. Правда, воспитанниковъ семинаріи не стригли подъ гребенку, какъ принято въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а стригли въ кружокъ, на подобіе того, какъ носятъ волосы крестьяне, одѣвали въ костюмъ, напоминавшій собой родъ блузъ, водили въ смазныхъ сапогахъ безъ калошъ, что не могло конечно содѣйствовать особой чистотѣ половиковъ, кормили изъ общей чашки и т. д. Все это дѣлалось вслѣдствіе господствовавшаго среди первыхъ дѣятелей Рязанскаго земства взгляда, что слѣдуетъ держать учениковъ семинаріи въ обстановкѣ, возможно близкой къ той, среди которой, предполагалось, имъ придется жить и дѣйствовать въ будущемъ, и не отрывать ихъ отъ той крестьянской среды, изъ которой они въ большинствѣ случаевъ вышли и въ которую должны были вернуться. Все это могло не понравиться лицамъ, привыкшимъ къ чистотѣ и единообразію казенныхъ заведеній. Самъ Дашковъ оспаривалъ правильность и практичность такого взгляда. Но собраніе его раздѣляло и утѣшалось тѣмъ, что содержаніе учениковъ обходилось въ содержимой земствомъ семинаріи дешевле, нежели во всѣхъ другихъ заведеніяхъ этого рода. Той подтянутости, вскакиванія передъ посѣтителями, хожденія воспитанниковъ по звонку и попарно, какъ въ церковь въ праздничные дни, такъ и вообще въ заведеніи, на прогулкахъ и проч., которыя ожидаетъ встрѣтить въ закрытомъ заведеніи глазъ, привыкшій къ порядкамъ казенныхъ пансіоновъ, особенно военно-учебныхъ заведеній, въ семинаріи тоже не было, что тоже могло не нравиться какъ чиновникамъ министерства такъ и лицамъ, составившимъ себѣ понятіе о требованіяхъ, которымъ должны отвѣчать такія заведенія на образцахъ казенныхъ заведеній,—но вѣжливость всегда была и требовалась отъ воспитанниковъ. Вообще же держаніе учениковъ было нѣсколько вольнѣе въ семинаріи. Устраивая свое заведеніе, земство, собственно говоря, вовсе и не имѣло въ виду открывать что нибудь вродѣ учебнаго пансіона. Содержимое имъ заведеніе было закрытымъ лишь по имени, вслѣдствіе необходимости гдѣ нибудь жить воспитанникамъ. Поступали туда парни не моложе 18 лѣтъ, т. е. такіе, которые въ крестьянскомъ быту обыкновенно живутъ самостоятельно. Ихъ свободно отпускали изъ стѣнъ заведенія въ опредѣленные часы (отъ 3 до 6) съ разрѣшенія дежурнаго учителя для свиданія съ родителями и даже безъ того, при чемъ, конечно, они могли

иногда попадать и въ трактиры. Даже наказаній въ заведеніи не было, кромѣ одного исключенія, которое за то примѣнялось гораздо чаще, нежели въ какомъ бы то ни было казенномъ заведеніи. Если не было въ заведеніи особаго воспитателя, то обязанность эта была возложена на старшаго учителя, которую однако раздѣляли съ нимъ и всѣ учителя семинаріи, по очередно дежурившіе при воспитанникахъ. Ничего дурного въ такомъ веденіи дѣла лица, завѣдовавшія земскою семинаріею, не видѣли. Такъ смотрѣлъ на это дѣло чисто съ практической точки зрѣнія первый предсѣдатель губернской земской управы, князь Волконскій, и такъ, можно было думать, посмотритъ на него и собраніе, когда ему вполнѣ объяснятъ, въ чемъ дѣло. Дашковъ знаетъ и старшаго учителя земской семинаріи, Морозова, о прямомъ довѣрчивомъ отношеніи къ которому и до сихъ поръ сохранились у всѣхъ воспитанниковъ того времени самыя лучшія воспоминанія, и, зная его, понималъ, чего можно было ожидать отъ училища и чего нѣтъ, и по существу за него не боялся. Но Дашковъ зналъ также и министерство народнаго просвѣщенія, зналъ ту настойчивость, съ которою тогдашній министръ проводилъ свои взгляды, имѣлъ понятія и о требованіяхъ министерства, и потому былъ въ состояніи судить о томъ, какъ министерство могло отнестись къ подобнымъ обвиненіямъ. Дорожа выше всего судьбою народной школы, онъ давно въ своихъ отчетахъ и рѣчахъ старался примирить земство съ тѣми условіями, среди которыхъ ему предстояло дѣйствовать въ своихъ попеченіяхъ о народныхъ школахъ. Народное образованіе, говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, слишкомъ серьезное дѣло, чтобы правительство могло видѣть его въ чьихъ либо другихъ рукахъ, кромѣ своихъ, и старался убѣдить земскихъ дѣятелей въ необходимости работать, сколько хватитъ силъ и при завѣдываніи училищами дирекціи народныхъ училищъ. Когда были учреждены инспекторы народныхъ училищъ, онъ привѣтствовалъ это учрежденіе, указывая земству на ту пользу, какую оно могло извлечь изъ дѣятельности инспекторовъ на пользу населенія. Съ инспекторами онъ всѣми силами старался быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, считая это необходимымъ условіемъ успѣха, и это ему удавалось. Съ первымъ инспекторомъ, Трескинымъ, у него установились самыя дружскія отношенія. Онъ былъ хорошъ и съ Епинатьевымъ, въ которомъ цѣнилъ умнаго и опытнаго педагога. Нѣтъ сомнѣнія, онъ сдѣлалъ бы все возможное для того, чтобы

уладить и вопросъ о земской учительской семинаріи, примиривъ требованія министерства съ желаніями и интересами земства. Но въ докладѣ ревизіонной комиссіи 1875 года вопросъ ставился въ такомъ видѣ, съ такимъ искаженіемъ истины, что на почвѣ его не могло быть никакого соглашенія. Предлагалось не только подчиниться требованіямъ крайне сомнительнаго достоинства въ педагогическомъ отношеніи, но и признать свою неспособность вести дѣло и повиниться въ грѣхахъ и ошибкахъ, какихъ на самомъ дѣлѣ сдѣлано не было, т. е. сдѣлать явную несправедливость въ отношеніи къ цѣлому ряду лицъ, отдавшихъ земству свой трудъ, свою дѣятельность. Если собраніе не желало закрывать себѣ возможность вести свое заведенье на дѣлѣ, для него не оставалось другого исхода, какъ отвергнуть весь докладъ, признавъ содержавшіяся въ немъ свѣдѣнія невѣрными.

Коммиссія давала возможность Дмитрію Дмитріевичу Дашкову остаться въ сторонѣ во всемъ этомъ дѣлѣ. Она утверждала, что заведеніе испортилось за послѣдній годъ, т. е. въ такое время, когда Дашкова уже не было въ составѣ Губернской Управы, въ прежнее время по его словамъ, воспитательная часть была хороша. Дашковъ не принялъ „этого комплимента", какъ онъ выразился, но объяснилъ, что онъ былъ въ заведеніи, видѣлъ его порядки, убѣдился, что они тѣ же, какіе были и при немъ, а потому на немъ лежитъ такая же отвѣтственность за нихъ, какъ и на Управѣ.

Пренія, возникшія по поводу этого доклада, были одни изъ самыхъ бурныхъ, какія приходилось когда либо переживать Рязанскому Губернскому Земскому Собранію.

Предсѣдатель Управы Князь Волконскій и Дашковъ потребовали отъ ревизіонной комиссіи указать тѣ факты, на основаніи которыхъ ею было выведено заключеніе объ отсутствіи у воспитанниковъ земской семинаріи религіознаго и нравственнаго чувства, такъ какъ то, что они слышали въ докладѣ, по ихъ мнѣнію не давало еще права для такого вывода.

Рюминъ обѣщался представить факты черезъ два дня.

Тогда стали собирать факты. Съ этою цѣлью предсѣдателемъ ревизіонной комиссіи—онъ же губернскій предводитель дворянства,—въ присутствіи двухъ членовъ комиссіи были спрошены волостной старшина Троицкой волости, сельскій староста Троицкой слободы, становой при-

ставъ, тутъ же присутствовавшій, и священникъ церкви Николы Высокаго въ Троицкой слободѣ, въ приходѣ которой находилось училище, о. Алякровъ, духовникъ многихъ воспитанниковъ. Эти лица подтвердили, что воспитанники заведенія, находясь внѣ стѣнъ онаго, ведутъ себя часто безчинно, посѣщаютъ трактиры и кабаки, производятъ шумъ и проч., причемъ указали и нѣкоторые факты въ подвержденіе того. Такъ, напр. два ученика семинаріи были будто бы однажды задержаны за буйство и провели ночь подъ арестомъ—это подтвердилъ становой приставъ; за дурное поведеніе воспитанниковъ перестали пускать въ архіерейскій садъ, гдѣ прежде имъ позволялось гулять и т. п. Священникъ же Алякровъ удостовѣрилъ и неприличное поведеніе учениковъ въ церкви, между прочимъ во время говѣнья, о чемъ однако какъ и вообще о предосудительномъ поведеніи учениковъ семинаріи онъ не счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія ни управы, ни начальства заведенія, хотя въ качествѣ преподавателя закона Божія въ состоящей при семинаріи начальной школѣ онъ постоянно съ ними видѣлся.

Кромѣ этихъ объясненій собранію были также доложены письма двухъ инспекторовъ народныхъ училищъ, Епинатьева и Бужинскаго, написанныя ими къ предводителю дворянства въ отвѣтъ на его приглашеніе, что имъ извѣстно объ Александровскомъ земскомъ училищѣ.

Въ обстоятельномъ подробномъ письмѣ инспекторъ Епинатьевъ объяснялъ, что учебная часть въ заведеніи поставлена очень хорошо, но воспитательная неудовлетворительна, да и не можетъ быть иного при отсутствіи особаго лица, на котораго бы она была возложена. Дисциплина училища недостаточна. Онъ подтвердилъ свое заявленіе предсѣдателю управы, что видѣлъ однажды вмѣстѣ съ инспекторомъ Бужинскимъ нѣсколько учениковъ этого училища, выходящими изъ трактира. Что касается учителей, вышедшихъ изъ заведенія, то они въ общемъ, по словамъ Епинатьева, по нравственности не отличаются отъ другихъ ни въ порочную, ни въ дурную сторону. Изъ 21 человѣка такихъ учителей въ его участкѣ въ худую сторону выдѣляются трое, изъ которыхъ одинъ крайне легкомысленъ и не соблюдаетъ постовъ, другой заводитъ ссоры съ крестьянами и больше заботится о себѣ и своемъ семействѣ, чѣмъ о школѣ, а третій запиваетъ. О случаяхъ, сообщенныхъ имъ осенью предсѣдателю губернской управы,

кромѣ упомянутаго выше посѣщенія нѣкоторыми учениками трактира, въ этомъ письмѣ не упоминается.

Отзывъ инспектора Бужинскаго болѣе рѣзокъ. Подтвердивъ, что онъ вмѣстѣ съ инспекторомъ Епинатьевымъ однажды видѣлъ нѣсколько молодыхъ людей, въ которыхъ Епинатьевъ призналъ учениковъ семинаріи, входящими въ трактиръ, притомъ въ учебное время, относительно учителей, бывшихъ питомцевъ семинаріи, онъ отзывается, что большинство изъ нихъ отличается неумѣніемъ держать себя передъ посѣтителями. Двое изъ такихъ учителей въ его участкѣ отнеслись неуважительно къ церковнымъ обрядамъ, за что одному изъ нихъ онъ сдѣлалъ выговоръ, а другого, по заявленію мѣстныхъ дворянъ и и благочиннаго, счелъ нужнымъ даже уволить отъ должности.

Представляя эти факты, комиссія дѣлала въ сущности совсѣмъ не то, о чемъ ее просили; у нея просили не собиранія фактовъ путемъ дознанія въ подтвержденіе сдѣланныхъ ею выводовъ, а указать лишь тѣ, на основаніи которыхъ эти выводы были сдѣланы, такъ какъ раньше она не ознакомила съ ними управы, какъ обыкновенно дѣлается, а изъ самого доклада такихъ фактовъ не было видно. Но заявленіе комиссіи, что именно тѣ самые факты, которые она имѣла въ виду, дѣлая свое заключеніе, и что другихъ фактовъ у нихъ въ виду нѣтъ, давало возможность приступить къ обсужденію вопроса.

Объясненія предсѣдателя управы кн. С. В. Волконскаго и Дашкова были даны подробно.

Остановившись главнымъ образомъ на фактической сторонѣ дѣла, князь Волконскій шагъ за шагомъ отвѣчалъ на всѣ пункты обвиненій комиссіи, доказывая неосновательность ея выводовъ. Какъ и слѣдовало ожидать отъ людей, схватившихъ на лету неблагопріятные заведенію слухи и чужія мнѣнія и поспѣшившихъ обобщить ихъ, члены ревизіонной комиссіи надѣлали массу ошибокъ въ своихъ выводахъ. Ихъ разсужденія одно за другимъ таяли и разрушались при соприкосновеніи съ дѣйствительнымъ знаніемъ. Оказалось, что они не имѣли понятія ни о порядкахъ училища, ни объ устройствѣ зданія семинаріи, ни о постановленіяхъ собранія, касавшихся затронутаго ими вопроса, ни объ отношеніяхъ лицъ, на мнѣнія которыхъ положились, словомъ о цѣломъ рядѣ фактовъ и обстоятельствъ, безъ которыхъ составить себѣ вѣрнаго представленія о дѣлѣ было невозможно.

Не будучи въ состояніи высказаться прямо о фактахъ, полученныхъ посредствомъ новаго дознанія, по невозможности немедленной повѣрки сообщеннаго, [1]) князь Волконскій вынужденъ былъ ограничиться сообщеніемъ собранію о томъ, что имъ было сдѣлано для выясненія тѣхъ случаевъ, о которыхъ инспекторъ Епинатьевъ сообщалъ ему еще осенью. Ни одного изъ этихъ случаевъ онъ не оставилъ безъ вниманія и ни одинъ изъ нихъ не подтвердился. Сообщалось, что одинъ учитель изъ бывшихъ воспитанниковъ семинаріи былъ уволенъ за не приличное поведеніе въ присутствіи губернатора. Но губернаторъ отрицалъ фактъ такого поведенія при немъ, и названный учитель оказался не только не уволеннымъ, но получилъ награду. Что бы узнать дѣйствительное мнѣніе Троицкаго старшины о воспитанникахъ, къ нему было подослано лицо, посторонее и училищу и управѣ, сказавшее ему, что оно желало бы помѣстить своего родственника въ Троицкое училище, но боится какъ бы парень не избаловался: объ училищѣ ходятъ худые слухи. Старшина отвѣтилъ, что ему никогда жалобъ на воспитанниковъ не приносили, что онъ видѣлъ ихъ въ трактирахъ, но не пьяными и не бунтующими, и совѣтовалъ помѣстить родственника, такъ какъ „тамъ учатъ хорошо". Для выясненія поступка учителя Касимовскаго уѣзда, который будто бы кощунствовалъ, князь Волконскій обращался къ члену Касимовскаго училищнаго совѣта А. П. Мансурову, при разслѣдованіи дѣла которымъ этотъ фактъ тоже не подтвердился и т. д. очевидно, что инспекторъ имѣлъ объ этихъ случаяхъ невѣрныя или не точныя свѣдѣнія.

Съ своей стороны не ограничиваясь разборомъ, сообщенныхъ фактовъ, Даниковъ остановился и на разсмотрѣніи принципіальныхъ требованій комиссіи, ея воззрѣній и идеаловъ, въ связи съ указанными ею

---

[1]) Такая повѣрка произведена была впослѣдствіи, при чемъ всѣ случаи, допускавшіе повѣрку, оказались либо невѣрными, либо не вѣрно истолкованными тѣми, кто передавалъ о нихъ комиссіи. Такъ, относительно запрещенія воспитанникамъ посѣщать архіерейскій садъ высокопреосвященный Алексій объяснилъ, что онъ не только не дѣлалъ такого распоряженія, но даже удивлялся, почему ихъ болѣе не видно, такъ какъ любилъ встрѣчать ихъ въ саду, гдѣ они всегда вели себя при немъ прилично. По вопросу объ арестѣ двухъ воспитанниковъ оказалось, что, дѣйствительно, двое молодыхъ людей были задержаны въ Троицкой слободѣ за буйство и провели ночь въ арестанткѣ, но они ничего общаго съ земской семинаріей не имѣли, почему и не могли быть доставлены въ училище, — сезоной перепугалъ; и т. д.

недостатками въ учебно-воспитательной части заведенія. Ему пришлось объяснять разницу, существующую между ревизіей и дознаніемъ, благодаря смѣшенію понятій о которыхъ собранію приходилось вмѣсто мнѣнія о заведеніи гласныхъ земскаго собранія, изучившихъ дѣло, обсуждать мнѣнія Троицкихъ волостного старшины и сельскаго старосты, между религіознымъ чувствомъ и хожденіемъ въ церковъ попарно, между нравственностью и вѣжливостью, между направленіемъ училища и дисциплиною и проч. Мнѣнія комиссіи по всѣмъ этимъ вопросамъ были подвергнуты тщательной критикѣ и объяснены взгляды лицъ, завѣдовавшихъ заведеніемъ; и, разумѣется, если въ докладѣ комиссіи были невѣрно переданы факты, то путанницы въ представленіяхъ по всѣмъ этимъ вопросамъ оказалось еще гораздо больше. Все это было выяснено съ обычною талантливостью и ясностью мысли Дашкова. Но нескрываемая грусть слышалась въ его рѣчи. Я не имѣю возможности даже вкратцѣ передавать содержаніе всѣхъ объясненій и рѣчей, сказанныхъ въ это „злополучное", по выраженію Дашкова, засѣданіе собранія и отсылаю желающихъ съ ними ознакомиться къ отлично составленному изложенію этихъ преній въ журналахъ Рязанскаго губернскаго земскаго собранія очередной сессіи 1875 года.

Мнѣ вопросъ представлялся совершенно выясненнымъ въ собраніи и думаю, что такимъ онъ долженъ былъ представляться всякому непредубѣжденному человѣку. Но того отпора, котораго можно бы было ожидать, судя по тому, къ чему свелись сообщенные въ докладѣ ревизіонной комиссіей факты, докладу этому дано не было. Собраніе, правда, единогласно признало объясненія предсѣдателя управы князя Волконскаго и члена губернскаго училищнаго совѣта Дашкова о религіозно-нравственномъ направленіи училища вполнѣ удовлетворительными. Отъ обвиненія въ недостаткѣ такого направленія отказалась сама комиссія, заявившая устами члена своего Лукинскаго, что она вовсе не желала обвинять училища въ такомъ недостаткѣ, а только указать лишь на то, что за учениками недостаточно смотрѣли. Но тоже собраніе высказалось и также единогласно за желательность сдѣлать въ дисциплинарномъ отношеніи нѣкоторыя дополненія и измѣненія, и поручило разработку дисциплинарныхъ правилъ заведенія губернской управѣ вмѣстѣ съ особою комиссіей изъ 5 гласныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, заведеніе было вверено особому наблюденію пред-

сѣдателя управы князя С. В. Волконскаго, согласно сдѣланному имъ самимъ предложенію.

Вопроса о признаніи взведенныхъ на семинарію обвиненій въ недостаткѣ религіозности и безнравственности несправедливымъ, на постановкѣ котораго настаивалъ гласный Офросимовъ, постановлено не было.

Такимъ компромиссомъ, составлявшимъ нѣкоторую уступку требованіямъ комиссіи, можетъ быть, было спасено существованіе земской семинаріи, но вопросъ о дальнѣйшей его судьбѣ, какъ и понималъ Дашковъ, разрѣшенъ не былъ, а только отсроченъ. Мало того, состоявшееся постановленіе даже предрѣшало его. Въ самомъ дѣлѣ, если собраніе не признавало невѣрнымъ все взведенное на заведеніе обвиненіе, то какое значеніе могло имѣть оставленіе его въ тѣхъ же рукахъ, въ какихъ оно находилось? И къ чему могъ привесть особый надзоръ предсѣдателя управы за дисциплинарною частью, отъ котораго и прежде онъ устраненъ не былъ? Было больше чѣмъ вѣроятно, что этимъ путемъ нельзя было улучшить положенія и возстановить добрыя отношенія къ учебному вѣдомству, воззрѣнія котораго слишкомъ ясно выяснились въ собраніи. И какія правила дисциплинарнаго порядка могла выработать вмѣстѣ съ управою комиссія, выбранная собраніемъ изъ гласныхъ послѣ всѣхъ тѣхъ разнорѣчащихъ мнѣній, которыя были высказаны тѣми же гласными въ собраніи и въ которую одинаково вошли представители противоположныхъ воззрѣній, Дашковъ и Лукинскій и т. д.? Если собраніе желало послѣ всего происшедшаго непремѣнно удержать свое заведеніе, для него оставался очевидно, уже и тогда только одинъ исходъ — тотъ самый, къ которому оно и пришло черезъ полтора года, т. е. передать заведеніе въ вѣдѣніе министерства.

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла былъ тотъ, котораго и слѣдовало ожидать. Довѣрія къ училищу со стороны дирекціи не установилось, а скорѣе, напротивъ, еще убавилось. Если въ 1875 году, по заявленію инспектора Епинатьева, учебная часть въ заведеніи была превосходно поставлена, и только воспитательная хромала, то черезъ годъ признавалась плохою и учебная. Изъ лицъ, экзаменовавшихся въ 1876 г., только троимъ были выданы свидѣтельства на право преподаванія въ народныхъ школахъ, и то, по выраженію инспектора Кормилицына, изъ снисхожденія, остальнымъ пришлось добывать учительскія права

посредствомъ экзамена при гимназіи, что, впрочемъ, кажется, не особенно ихъ затруднило [1]). Наконецъ, уровень познаній долженъ былъ и дѣйствительно понизиться въ училищѣ, въ которомъ въ послѣдній годъ его состоянія въ вѣдѣніи земства смѣнилось не менѣе 5 учителей, а пріискать новыхъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ приходилось дѣйствовать училищу, было настолько трудно, что во избѣжаніе пріостановки преподаванія предсѣдателю управы пришлось просить у собранія разрѣшенія приглашать учителей гимназіи.

Все это было естественно. Но переносить то, что пришлось перенести лицамъ, завѣдывавшимъ заведеніемъ, вынужденнымъ уступая силѣ выслушивать напраслины и даже терпѣть матеріально (напр., учителямъ заведенія), не могло быть легко, въ особенности при тѣхъ пріемахъ, которые примѣнялись для доказательства ихъ несостоятельности вести дѣло, образчикомъ которыхъ можетъ служить ревизія 1875 года. Насколько все это волновало Дашкова, можно судить по письму, полученному мною болѣе двадцати лѣтъ спустя, всего за годъ до его смерти, въ отвѣтъ на посланную мною къ нему на просмотръ рукопись А. Д. Повалишина, въ которой излагались обстоятельства этого времени. Отвѣчая, Дмитрій Дмитріевичъ сперва въ полушутливомъ тонѣ сравниваетъ свое положеніе съ положеніемъ одного англійскаго филолога, который будучи представленъ королевѣ Викторіи и спрошенъ ею, много ли разъ онъ былъ сѣченъ, отвѣчалъ стихами Виргилія: „infandum, regina, jubes renovare dolorem“! „Ужасно много горькихъ воспоминаній“, пишетъ онъ далѣе, „пробудила въ немъ посланная рукопись и сообщила за тѣмъ нѣсколько обстоятельствъ этого дѣла, которыя мнѣ оставались до того времени неизвѣстными. Оказывается, что Дашковъ не оставилъ вопросовъ поднятыхъ въ собраніи 1875 года въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ по неволѣ пришлось оставить въ собраніи, но со свойственною ему тщательностью изслѣдовалъ ихъ до мелочей и выяснилъ для себя многое, что и мнѣ до того времени, и ему оставалось неизвѣстнымъ. Въ настоящее время, когда у меня въ рукахъ и сообщенія Дашкова, освѣтившія для меня нѣкоторыя стороны этого дѣла, и письма бывшихъ учителей Александровской семинаріи, вынужденныхъ одинъ за другимъ отказаться отъ преподаванія въ ней, по невозможности въ ней оставаться, бережно сохраненныя въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти князя С. В. Вол-

[1]) Всѣ экзаменовавшіеся, если не ошибаюсь, получали свидѣтельства.

конскаго вмѣстѣ съ другими документами, касающимися заведенія, и письма бывшаго инспектора Епинатьева, написаннаго къ моему покойному отцу уже послѣ оставленія Епинатьевымъ службы по министерству народнаго просвѣщенія, объясняющее его положеніе въ этомъ дѣлѣ: когда меня не удивляетъ болѣе и отношеніе различныхъ гласныхъ тогдашняго земскаго собранія къ этому вопросу, не вполнѣ понятное для меня прежде, и время, наконецъ, успѣло произнесть свой вѣскій приговоръ подъ бывшими питомцами земской семинаріи — между ними не было ни крамольниковъ ни мятежниковъ, ни особенно порочныхъ людей, а вышло не мало полезныхъ дѣятелей, потрудившихся на нивѣ народнаго образованія — я спрашиваю себя объ одномъ: отчего было не сказать прямо: семинарія не можетъ болѣе оставаться на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ она существовала до сего времени, и мы согласны передать ее въ вѣдѣніе министерства? Но видно на все есть свое время. Въ сущности, въ 1875 году Рязанское губернское земское собраніе уже на столько перемѣнилось, что вести земское дѣло въ духѣ князя С. В. Волконскаго и Дашкова становилось невозможнымъ.

Когда въ томъ же 1875 году послѣ всѣхъ этихъ преній и непріятностей члену губернскаго училищнаго совѣта Дашкову пришлось докладывать собранію свой обычный отчетъ о состояніи народнаго образованія въ Рязанской губерніи, которому суждено было сдѣлаться его послѣднимъ отчетомъ, естественно, рядъ накопившихся за это время мыслей нашелъ себѣ въ немъ выраженіе. Дашковъ сгруппировалъ въ этомъ отчетѣ подробныя свѣдѣнія по школьному дѣлу, какъ до того времени ему еще ни разу не удавалось сгруппировать, и обрисовать на основаніи ихъ состояніе училищъ въ губерніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ощущалъ потребность изложить свой взглядъ на значеніе той службы народному образованію, къ которой призывалось Высочайшею волею дворянство, на то, что такое религіозно нравственное направленіе въ школѣ, что главное вѣра, что такое нравственность. Отъ чего его послѣдній листъ получилъ характеръ исповѣди своихъ убѣжденій. Я былъ въ это время въ числѣ секретарей собранія и имѣлъ въ рукахъ конспектъ, по которому Дашковъ по обыкновенію дѣлалъ свой докладъ изустно. Сказанная имъ рѣчь значительно отступила отъ наброска.

Собраніе, въ которомъ такъ недавно еще говорилось и дѣлалось совершенно другое, опять аплодировало словамъ оратора.

Послѣ этого собранія Дмитрій Дмитріевичъ провелъ еще около года въ Рязанской губерніи и участвовалъ въ губернскомъ земскомъ собраніи. Былъ онъ и въ составѣ комиссіи, избранной для выработки правилъ новаго дисциплинарнаго порядка въ земской семинаріи, занимался по прежнему училищнымъ дѣломъ, но доклада его собранію о состояніи училищъ въ губерніи больше не было. Собраніе 1876 года собиралось въ неурожайное время въ половинѣ ноября, когда на очереди стояли вопросы, вызванные потребностями военнаго положенія. Очень вѣроятно, что Дашковъ не имѣлъ времени приготовить своего доклада. Въ 1877 году его уже болѣе не было въ Рязанской губерніи. Его звалъ братъ къ себѣ въ Уфу, гдѣ занимая сразу и должность предсѣдателя губернской земской управы и должность директора распорядителя городского общественнаго банка, онъ не имѣлъ возможности заниматься еще и сложнымъ дѣломъ управленія принадлежавшимъ Дашковымъ заводомъ. Только въ Спасскомъ уѣздѣ долго еще продолжали считать Дмитрія Дмитріевича своимъ и выбирать въ почетные мировые судьи.

Осенью того же 1877 года отказался отъ занимаемой имъ должности и предсѣдатель Рязанской губернской земской управы князь С. В. Волконскій Въ Рязанскомъ губернскомъ земствѣ скоро наступили другіе порядки. Работа по народному образованію надолго перешла въ уѣзды. Но въ уѣздахъ дѣло Дашкова продолжалось. Одинъ за другимъ различные уѣзды приставали къ тѣмъ началамъ, которыя онъ первый проповѣдывалъ въ Рязанской губерніи и понемногу направленіе, провозвѣстникомъ котораго онъ былъ, дѣлалось всеобщимъ достояніемъ.

Само собою разумѣется, что и въ Уфѣ Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ не остался вдали отъ общественной дѣятельности. Благовѣщенскій механическій заводъ не приносилъ братьямъ Дашковымъ дохода и поддерживался ими исключительно для того, чтобы не лишить мѣстнаго заводскаго населенія привычнаго заработка. Доходность ихъ крупнаго имѣнія, за продажей значительной части земли крестьянамъ при посредствѣ крестьянскаго банка, состояла въ лѣсѣ и лугахъ. При такомъ положеніи, хотя было и не мало хлопотъ съ заводомъ, но всетаки онъ не лишалъ владѣльцевъ возможности удѣлять часть времени и на общественныя дѣла. Скоро Дмитрій Дмитріевичъ весь окунулся въ эти дѣла, участвовалъ въ Уфимскомъ земскомъ собраніи, гдѣ вмѣстѣ съ братомъ отстаивалъ интересы дорого ему просвѣщенія,

а потомъ, по происшедшемъ вскорѣ введеніи въ Уфимской губерніи судебныхъ установъ Императора Александра II былъ выбранъ въ почетные мировые судьи и сдѣлался первымъ предсѣдателемъ мирового съѣзда въ мѣстѣ своего новаго жительства. Впрочемъ, въ этой должности онъ оставался не долго, одно только трехлѣтіе. Необходимость рѣшать многія дѣла формально тяготила его и не давала удовлетворенія его душѣ. Онъ вышелъ изъ предсѣдателей съѣзда, считавшись только почетнымъ мировымъ судьею и гласнымъ земскихъ собраній, и поселился окончательно на заводѣ. Онъ излѣчился наконецъ и отъ своей болѣзни, по крайней мѣрѣ думалъ такъ, хотя, какъ было сказано выше, хорошаго здоровья всетаки не пріобрѣлъ.

Не прерывалъ Дмитрій Дмитріевичъ вполнѣ связи и съ Рязанью, по крайней мѣрѣ въ первые годы своего пребыванія въ Уфимской губерніи. Пока жива была его мать Елисавета Васильевна Дашкова, онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Рязань повидаться съ нею. Не были забыты имъ и его знакомые между учителями Рязанской губерніи. Со многими изъ нихъ онъ переписывался, а нѣкоторымъ доставилъ даже лучшія мѣста въ Уфимской губерніи.

Въ 1889 году Елисавета Васильевна Дашкова скончалась, Дмитрій Дмитріевивичъ пріѣзжалъ ее хоронить и отвезъ ея тѣло въ Петербургъ. Въ послѣдній разъ я его видѣлъ въ Рязани въ 1891 году въ трудное для меня время, когда въ качествѣ члена губернской земской управы я завѣдывалъ продовольственнымъ дѣломъ. Я нашелъ его, хотя и постарѣвшимъ, но бодрѣе и повидимому здоровѣе того, какимъ онъ былъ въ 70 годахъ. Онъ зашелъ въ земское собраніе, просидѣлъ въ немъ цѣлое засѣданіе среди публики за колонами и сдѣлалъ нѣсколько наблюденій за это время. По крайней мѣрѣ данные мнѣ имъ совѣты, на основаніи выведенныхъ имъ за это время наблюденій, были мнѣ очень полезны. Таково уже было свойство этого человѣка, что всюду, гдѣ онъ ни появлялся, онъ оставлялъ по себѣ слѣдъ въ цѣломъ рядѣ поступковъ, полезныхъ для его ближнихъ.

Послѣдніе годы своей жизни Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ провелъ въ Уфѣ на Благовѣщенскомъ заводѣ. Въ 1900 году онъ сильно простудился, получилъ ревматизмъ и долго лѣчился въ Уфѣ. Лѣтомъ 1901 года онъ снова перебрался къ себѣ на заводъ, гдѣ незамѣтно для всѣхъ и подкралась къ нему болѣзнь, положившая конецъ его

жизни—діабетъ. 1 Октября того же года днемъ во время сна онъ тихо скончался, оставивъ по себѣ во всемъ окрестномъ населеніи память, какъ о благодѣтелѣ мѣстности, безконечно добромъ и выдающемся человѣкѣ.

Въ Рязани въ числѣ памятниковъ, оставленныхъ имъ о своемъ существованіи, слѣдуетъ еще упомянуть объ устраненномъ по его почину, хотя открытомъ уже послѣ его отѣзда въ Уфимскую губернію, пріютѣ для малолѣтнихъ преступниковъ.

III.

Въ 1900 году, перебирая бумаги, оставшіяся послѣ смерти покойнаго Александра Дмитріевича Повалишина, я нашелъ въ нихъ начисто переписанные всѣ 6 отчетовъ Дмитрія Дмитріевича Дашкова по народному образованію въ Рязанской губерніи и при нихъ статью, озаглавленную „Дворянство и народъ (идиллія)", писанную рукою Дашкова. Я тогда же списался объ этомъ съ авторомъ и отъ него узналъ, что по просьбѣ Повалишина онъ далъ свое согласіе на напечатаніе текста его отчетовъ въ Трудахъ Рязанской Архивной Комиссіи, но съ условіемъ, чтобы вмѣстѣ съ отчетами была напечатана и эта статья. Въ статьѣ этой излагался взглядъ автора на значеніе и роль, которую должно бы выполнить наше поземельное дворянство въ дѣлѣ общественнаго развитія русскаго народа, и желаніе Дмитрія Дмитріевича видѣть ее напечатанною вмѣстѣ съ текстомъ своихъ отчетовъ станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, какъ многіе у насъ смотрѣли на него, какъ на человѣка прямого противника дворянства. Хотя я и просилъ Дашкова дозволить исполнить желаніе Повалишина, но Дмитрій Дмитріевичъ просилъ меня переслать рукопись къ нему: онъ желалъ пересмотрѣть свои отчеты и издать ихъ самъ. Выполнить этого ему однако не довелось.

Въ настоящее время, съ разрѣшенія его брата, Андрея Дмитріевича Дашкова, я рѣшился исполнить, какъ сумѣю, прежнее предположеніе, хотя по необходимости мнѣ приходится держаться текста отчетовъ такъ, какъ онъ изложенъ въ журналахъ Рязанскаго губернскаго земскаго собранія. Тѣхъ исправленій, которыя могъ сдѣлать авторъ, у котораго могли уцѣлѣть и конспекты его докладовъ, разумѣется, теперь не можетъ и не вправѣ сдѣлать никто.

Разсматривая отчеты Дмитрія Дмитріевича Дашкова о состояніи народныхъ училищъ въ Рязанской губерніи въ настоящее время въ ихъ совокупности, нельзя не замѣтить, что въ нихъ запечатлѣлось еще очень раннее время въ заботахъ земскихъ учрежденій о народной школѣ. Это еще первые шаги земскихъ учрежденій на поприщѣ попеченій о народномъ образованіи.

Въ 1867 году, всего за годъ до избранія Дашкова въ должность члена губернскаго училищнаго совѣта отъ земства, всего только 7 уѣздовъ въ Рязанской губерніи дѣлали какое либо назначеніе на нужды народнаго образованія, именно: Данковскій уѣздъ, асигновавшій въ этотъ годъ на этотъ предметъ 800 рублей, Егорьевскій, назначившій 1500 р., Зарайскій и Касимовскій, ассигновавшіе, первый 1790, а второй 1720 руб., Ряжскій съ неизмѣнной цифрой смѣтнаго расхода въ 1745 руб., Сапожковскій, расходовавшій всѣхъ больше, 4500 р., изъ которыхъ однако 3000 руб. шли въ пособіе мѣстному уѣздному училищу, и Скопинскій — назначившій 300 руб. Итогъ всѣхъ ассигнованій на народное образованіе (кромѣ цифры губернской смѣты на Александровскую учительскую семинарію) составилъ скромную цифру 12355 рублей.

Въ 1869 году, первомъ, за который представилъ свой отчетъ Дашковъ, смѣта была уже значительно больше. Дашковъ опредѣляетъ общую сумму всѣхъ асигнованій по уѣзднымъ смѣтамъ, сдѣланныя въ этомъ году, въ 28679 р. 26 коп., но онъ ошибся, просмотрѣвъ 2200 руб., опредѣленныхъ на этотъ предметъ Сапожковскимъ земскимъ собраніемъ, такъ какъ собраніе этого уѣзда, разрѣшивъ расходъ, не внесло этой суммы въ смѣту, а отнесло его на остатки отъ того же назначенія за предыдущіе годы, которые были — неправильно, но это тогда дѣлалось. Если прибавить эту цифру, то общая сумма расходовъ на нужды народнаго образованія одиннадцати уѣздовъ губерніи (Михайловскій уѣздъ и въ этомъ году никакого назначенія на этотъ предметъ не сдѣлалъ) опредѣлить въ 30879 руб. 26 коп.

Вотъ распредѣленіе этого назначенія по различнымъ уѣздамъ въ сопоставленіи съ расходами тѣхъ же уѣздовъ по смѣтѣ на 1876 годъ, означенной отчетности Дашкова:

Назначено къ расходу:

Въ уѣздахъ:	На 1870 годъ. На народное образованіе вообще.	На 1876 годъ. На народное образованіе вообще.	Изъ нихъ на начальныя училища.
Данковскомъ .	4500 р.	10042 р. 58 к.	10042 р. 58 к.
Егорьевскомъ .	1550 р.	2900 р.	2900 р.
Зарайскомъ .	4323 р. 32 к.	5444 р.	5444 р.
Касимовскомъ.	4500 р.	11620 р.	6800 р.
Михайлов. .	—	800 р.	800 р.
Пронскомъ .	760 р. (кромѣ 0|0 съ капитала А. Головнина.	10180 р.	9980 р.
Раненбург. .	1000 р.	7412 р.	3912 р. 40 к.
Ряжскомъ . .	1745 р. 94 к.	1400 р.	1400 р.
Рязанскомъ .	1100 р.	4775 р.	4775 р.
Сапожков. .	4900 р. (въ то число 3000 р. на уѣздное училище).	6250 р.	3330 р.
Скопинскомъ .	2200 р.	5000 р.	5000 р.
Спасскомъ .	4000 р.	7235 р.	6235 р.
Всего. .	30879 р.	76058 р. 98 к.	60580 р. 98 к.

Такимъ образомъ смѣтныя назначенія уѣздовъ на народное образованіе увеличились за время, прошедшее между первымъ и послѣднимъ отчетами Дашкова слишкомъ въ двое, въ дѣйствительности же расходы увеличились еще больше, такъ какъ въ первые годы разсматриваемаго времени назначенія на народное образованіе не представляли устойчивыхъ строго опредѣленныхъ цифръ, но часто назначенныя деньги только числились на счетахъ, а не расходовались, такъ что одни и тѣже деньги переносились изъ смѣты въ смѣту, оставаясь въ недоимкахъ, какъ это случилось напр. въ 1869 г. въ Скопинскомъ уѣздѣ. Такимъ образомъ изъ назначенныхъ по смѣтамъ на 1870 г. 30879 р. 66 к., какъ видно изъ Дашковскаго отчета за этотъ годъ, въ дѣйствительности было израсходовано лишь 26000 руб. Впослѣдствіи Дашковъ докладывалъ также о значительной недоимкѣ въ Зарайскомъ уѣздѣ, задолжавшемъ училищному счету 5000 руб.

Въ 1868—69 учебномъ году всѣхъ народныхъ училищъ въ губерніи числилось 390 съ 15280 учащимися, а въ 1874—75 году

было, какъ значится въ послѣднемъ отчетѣ Дашкова 397, училищъ съ 20939 учащимися. Именно: учениковъ и учащихся значилось:

	въ 1868—69 году		въ 1874 - 75 году	
ВЪ УѢЗДАХЪ:	училищъ:	учащихся въ нихъ:	училищъ:	учащихся въ нихъ:
Данковскомъ . . .	16	623	49	2400
Егорьевскомъ . .	27	1082	36	1836
Зарайскомъ . . .	56	2134	35	1971
Касимовскомъ . .	67	2763	57	2443
Михайловскомъ . .	17	609	15	753
Пронскомъ . . .	21	929	27	1434
Раненбургскомъ . .	12	458	23	1258
Ряжскомъ . . .	57	2059	23	1303
Рязанскомъ . . .	17	658	35	1490
Сапожковскомъ . .	31	1234	27	1584
Скопинскомъ . . .	29	1004	25	1353
Спасскомъ . . .	40	1727	45	3014
Всего . .	390	15280	397	20839

Такимъ образомъ общее число училищъ увеличилось всего на 7 школъ, а учащихся прибавилось на $^1/_4$ ихъ общаго числа въ послѣдній годъ или на $^1/_3$ начала семилѣтія. Успѣхъ, повидимому, не блестящій. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ число училищъ даже уменьшилось противъ прежняго. Но дѣло въ томъ, что въ то время задачей земскихъ дѣятелей по народному образованію было не столько устройство новыхъ училищъ, сколько приведеніе въ извѣстность и правильная постановка старыхъ. Всѣ отчеты того времени лицъ, въ первый разъ объѣхавшихъ училища для осмотра ихъ на мѣстѣ, удостовѣряютъ подобно отчетамъ князя С. В. Волконскаго въ 1870 г. по Раненбургскому уѣзду или отчетамъ А. П. Мансурова и А. А. Алянчикова по Касимовскому, невозможное положеніе этихъ числившихся школъ прежняго времени. Однѣ изъ нихъ существовали только на бумагѣ и ученія въ нихъ вовсе не происходило; въ другихъ оно было постановлено въ такія условія, что успѣхъ былъ положительно невоз-

моженъ. Неумѣлые учителя, классныя комнаты, въ которыхъ чернила мерзли отъ холода, отсутствіе учебныхъ пособій или такое снабженіе ими училища, что каждый ученикъ, напр., учился по собственной, отличной отъ книжекъ другихъ учениковъ книжкѣ; въ видѣ понудительной мѣрѣ побои и т. д.—вотъ тѣ явленія, которыя встрѣчались въ такихъ школахъ на каждомъ шагу. При такихъ условіямъ надо было прежде всего найти школу и сдѣлать ее въ дѣйствительности школою, т. е. мѣстомъ, гдѣ ученики выучиваются. Въ такихъ условіяхъ встрѣтить въ отчетахъ уменьшившуюся цифру училищъ было иногда даже признакомъ улучшенія дѣла: это значило, что школы были осмотрѣны и теперь числятся только тѣ, которыхъ дѣйствительно идетъ ученіе.

Если разсматривать приведенныя въ отчетахъ Дашкова цифры съ этой точки зрѣнія, то можно указать на разницы въ числѣ школъ даже за самые послѣдніе годы охваченнаго этими отчетами періода. Такъ, напр., если-бы вмѣсто данныхъ за послѣдній 1874—1875 г. нами было взято число училищъ за предшествующій учебный годъ, то мы бы встрѣтились съ цыфрою 423 училищъ вмѣсто 397 послѣдняго года, что касается качества училищъ, то конечно 397 училищъ 1874—75 года были совсѣмъ другія, чѣмъ 390 школъ 1868—69 г. Уже болѣе чѣмъ удвоенная цифра земскаго расхода на каждую школу свидѣтельствуетъ объ этомъ. Въ значительномъ большинствѣ уѣздовъ теперь школы были уже дѣйствительныя, въ которыхъ преподавали учителя, семь не прошедшіе черезъ учительскую семинарію, то по крайней мѣрѣ прослушавшіе учительскіе курсы. Учебными пособіями училища эти снабжались уже отъ земства и по опредѣленному плану. Въ большинствѣ уѣздовъ были, наконецъ, свои дѣятели, которые заботились о школьномъ дѣлѣ и его нуждахъ, знали его, и умѣли его отстаивать и направлять. Если въ 1868 году, вначалѣ дѣятельности Дмитрія Дмитріевича Дашкова въ качествѣ члена губернскаго училищнаго совѣта, едва-ли не въ одномъ Данковскомъ уѣздѣ были такіе поборники народнаго образованія въ лицѣ Бибиковыхъ, то теперь ихъ много въ различныхъ уѣздахъ. Кромѣ И. П. Бибикова въ Данковѣ—были князь С. В. Волконскій въ Раненбургѣ, Н. П. Ржавскій въ Пронскомъ уѣздѣ, А. П. Мансуровъ и А. В. Алянчиковъ въ Касимовскомъ и многіе другіе, не говоря уже о самомъ Дмитріи Дмитріевичѣ въ Спасскомъ. Всѣ эти люди были до нѣкоторой степени

послѣдователями Дашкова въ училищномъ дѣлѣ и проводили въ жизнь тѣ самыя начала, которыя онъ первой проповѣдовалъ въ Рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, и за такими людьми можно было надѣяться, что дѣло народнаго образованія станетъ прочно въ губерніи. Чтобы вызвать такую дѣятельность, стать главнымъ сосредоточіемъ ея въ губерніи, надо было показать осуществимость завѣтныхъ желаній всѣхъ такихъ лицъ на практикѣ, вселить вѣру въ успѣхъ. Въ этомъ и заключалось главное дѣло Дашкова. Кто желаетъ узнать, какъ это было достигнуто, пусть прочтетъ по внимательнѣе его отчеты.

Я же съ своей стороны, перечитавъ ихъ теперь, кладу перо въ глубокомъ уваженіи передъ памятью этого человѣка:

„Deines geistes hab ich einen Hauch verspürt“.

Князь *Николай Волконскій.*

ДОКЛАДЫ

РЯЗАНСКОМУ ГУБЕРНСКОМУ ЗЕМСКОМУ СОБРАНІЮ

ЧЛЕНА ЕГО ВЪ ГУБЕРНСКОМЪ УЧИЛИЩНОМЪ СОВѢТѢ

Д. Д. ДАШКОВА

о состояніи народныхъ училищъ въ Рязанской губерніи

въ 1869—1875 г.г.

1869 годъ *).

На вопросъ, мм. гг., почему я являюсь утомлять ваше вниманіе довольно пространнымъ докладомъ, я могъ бы отвѣчать ссылкой на 21 стат. полож. о начал. народ. уч.—Буду откровеннѣе.—Удостоенный вашего выбора въ губернскій училищный совѣтъ, я долженъ былъ уяснить себѣ характеръ своей дѣятельности. Собственно въ занятіяхъ совѣта ея было не много. Но положеніе члена губернскаго совѣта указывало мнѣ иную задачу. Много говорено было о гласности, объ общественномъ мнѣніи какъ о силѣ къ пресѣченію зла; слишкомъ мало, можетъ быть, какъ о средствѣ къ поддержанію и развитію добрыхъ началъ. Но всегда говорили о ней съ нѣкоторымъ опасеніемъ передъ увлеченіями, которыхъ она можетъ невольно становиться проводникомъ. Здѣсь, г.г., въ собраніи лучшихъ людей въ губерніи, которымъ она довѣрила свои интересы, которые сходятся для основательнаго обсужденія положительныхъ и опредѣленныхъ вопросовъ,—здѣсь менѣе всего можно опасаться такихъ увлеченій; здѣсь настоящее горнило общественнаго мнѣнія; здѣсь должно оно вырабатываться, если когда нибудь суждено ему быть на Руси. По тѣмъ вопросамъ, гдѣ Губернскому Собранію не предстоитъ положительной работы въ видѣ постановленій, его ожидаетъ, какъ мнѣ

*) Докладъ прочитанъ въ засѣданіи собранія 13 декабря 1869 года.

кажется, неменѣе важная задача—нравственной оцѣнки того, что дѣлается въ кругу излюбившаго его земства. Выраженіемъ своего сочувствія или порицаніемъ оно можетъ направить дѣятельность земскихъ людей, усугубить ихъ усилія.

У губернскаго училищнаго совѣта подъ руками, хотя не полныя и не всегда точныя, но единственныя данныя о ходѣ народнаго образованія въ губерніи. Сообщеніе вамъ имѣющихся данныхъ прольетъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. А гдѣ свѣтъ,—тамъ и жизнь.

Губернскій училищный совѣтъ получилъ за истекшій учебный годъ отчеты шести уѣздныхъ совѣтовъ: Егорьевскаго, Михайловскаго, Пронскаго, Скопинскаго, Данковскаго и Сапожковскаго. Отчетъ Касимовскаго училищнаго совѣта представленъ уѣздному собранію и напечатанъ вмѣстѣ съ отчетомъ управы. Такъ какъ эти уѣзды, составляя болѣе половины губерніи, обнимаютъ самыя разнообразныя въ ней мѣстности, то едва-ли мы ошибемся, обобщивъ выводы изъ означенныхъ отчетовъ и приложивъ ихъ къ къ цѣлой губерніи.

Вотъ эти выводы:

Семь уѣздовъ истратили дѣйствительно въ истекшемъ учебномъ году на народное образованіе 18,745 руб. На ревизскую душу приходится по $4^1/_2$ коп.; съ десятины менѣе 1 коп. (0,83). Учащихся 7.423, что, при населеніи въ 794.000 душъ обоего пола, составляетъ одного учащагося на 107 душъ. Между тѣмъ средняя пропорція дѣтей, могущихъ посѣщать школу (несущихъ, по нѣмецкому выраженію, „училищную повинность"), составляетъ около $^1/_6$ населенія, или на 794 т. душъ приходится дѣтей среднимъ числомъ 132.000, изъ коихъ учатся только 7.423, т. е. среднимъ числомъ 1 дитя изъ 18. Каждый учащійся обходится въ годъ въ 2 руб. 52 коп. На одну школу приходится почти 36 учащихся. Каждая школа стоитъ около 90 руб. съ полтиной. Одна школа приходится на 105 квадр. верстъ; въ Скопинскомъ уѣздѣ 1 на 70, и въ Данковскомъ уѣздѣ 1 на 160 кв. верстъ. Таковъ средній выводъ по 7 уѣздамъ взятымъ сплошь; но не вездѣ школы; слѣдовательно есть мѣстности, гдѣ никто не учится, а тамъ, гдѣ учатся, тамъ отношеніе явится другое.

Ограничимся тѣми мѣстностями, гдѣ открыты школы и ближайшими ихъ окрѣстностями, откуда можно пользоваться школой. Эту, такъ сказать, училищную полосу, по примѣру данныхъ взятыхъ изъ Данковскаго уѣзда, я полагаю въ полтора раза больше,

по числительности населенія, тѣхъ мѣстностей, гдѣ собственно школы находятся. Въ нихъ приблизительно до 307 т. жителей; слѣдовательно школами пользуется менѣе $1/2$ всего населенія этихъ 7 уѣздовъ. Для того, чтобы прочія мѣстности могли столько же воспользоваться обученіемъ, сколько эта полоса, надо число школъ по крайней мѣрѣ удвоить, удвоить и сборы на училища; тогда вездѣ распространится благодать, кокой осѣнены эти избранныя мѣстности. Каково же имъ приходится? Вмѣсто требуемой пропорціи одного на шесть, учится 1 на 42, слѣдовательно изъ 7 дѣтей учится 1, а шесть не слышатъ о грамотѣ. Содержаніе школъ падаетъ на это число душъ сборомъ (6 коп. съ души обоего пола) въ 12 коп. на ревизскую душу. Цифра эта не совсѣмъ точная и въ дѣйствительности представляется нѣсколько ниже, такъ какъ тутъ входитъ пособіе отъ земства, собираемое со всего уѣзда въ пользу училищной полосы. Собственно же въ ней населеніе облагаетъ себя сборомъ въ 11.260 рублей, т. е. на 307 т. душъ по $3^3/_4$ коп. или по $7^1/_2$ коп. съ ревизской души.

Каковы эти школы? По довольно поверхностной характеристикѣ, сообщаемой отчетами, можно считать хорошими и порядочными около 110 школъ съ нѣсколько болѣе чѣмъ 4.000 учениковъ, т. е. нѣсколько болѣе половины всего числа.

Средняя стоимость ихъ приализительно остается таже.

Если предположить, что другія школы ни куда не годятся или и вовсе не существуютъ, и что въ этихъ 110 школахъ заключается весь полезный результатъ отъ затратъ семи уѣздовъ на училищную часть, то получимъ, что эти школы съ 4.000 учащихся стоятъ всего 18.000 руб., или каждая школа не много свыше 170 рублей, а каждый учащійся въ нихъ почти 4 руб. 70 к.

Если каждый крестьянскій мальчикъ пробудетъ въ школѣ 5 лѣтъ, его обученіе обойдется земству и обществу въ 23 руб. 50 коп. Мы доходимъ до этой цифры, не принимая въ расчетъ остальныхъ 97 школъ въ этихъ уѣздахъ, какъ будто бы тѣхъ школъ вовсе не было и въ нихъ ни кто не учился; такимъ предположеніемъ исправляется вся неточность, какая можетъ быть въ показаніи числа учениковъ по школамъ. Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что рѣшительно всѣ эти школы при дѣйствительномъ надзорѣ и не большомъ пособіи, могутъ стать порядочными, и тогда стоимость воспитанія каждаго крестьянскаго мальчика значительно понизится. Но приманимая ее, какъ сказано, въ 2 руб. 50 коп., велика ли она? Для скорѣйшаго погашенія этой суммы

а потомъ, по происшедшемъ вскорѣ введеніи въ Уфимской губерніи судебныхъ уставовъ Императора Александра II былъ выбранъ въ почетные мировые судьи и сдѣлался первымъ предсѣдателемъ мирового съѣзда въ мѣстѣ своего новаго жительства. Впрочемъ, въ этой должности онъ оставался не долго, одно только трехлѣтіе. Необходимость рѣшать многія дѣла формально тяготила его и не давала удовлетворенія его душѣ. Онъ вышелъ изъ предсѣдателей съѣзда, считавшись только почетнымъ мировымъ судьею и гласнымъ земскихъ собраній, и поселился окончательно на заводѣ. Онъ излѣчился наконецъ и отъ своей болѣзни, по крайней мѣрѣ думалъ такъ, хотя, какъ было сказано выше, хорошаго здоровья всетаки не пріобрѣлъ.

Не прерывалъ Дмитрій Дмитріевичъ вполнѣ связи и съ Рязанью, по крайней мѣрѣ въ первые годы своего пребыванія въ Уфимской губерніи. Пока жива была его мать Елисавета Васильевна Дашкова, онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Рязань повидаться съ нею. Не были забыты имъ и его знакомые между учителями Рязанской губерніи. Со многими изъ нихъ онъ переписывался, а нѣкоторымъ доставилъ даже лучшія мѣста въ Уфимской губерніи.

Въ 1889 году Елисавета Васильевна Дашкова скончалась, Дмитрій Дмитріевивичъ пріѣзжалъ ее хоронить и отвезъ ея тѣло въ Петербургъ. Въ послѣдній разъ я его видѣлъ въ Рязани въ 1891 году въ трудное для меня время, когда въ качествѣ члена губернской земской управы я завѣдывалъ продовольственнымъ дѣломъ. Я нашелъ его, хотя и постарѣвшимъ, но бодрѣе и повидимому здоровѣе того, какимъ онъ былъ въ 70 годахъ. Онъ зашелъ въ земское собраніе, просидѣлъ въ немъ цѣлое засѣданіе среди публики за колонами и сдѣлалъ нѣсколько наблюденій за это время. По крайней мѣрѣ данные мнѣ имъ совѣты, на основаніи выведенныхъ имъ за это время наблюденій, были мнѣ очень полезны. Таково уже было свойство этого человѣка, что всюду, гдѣ онъ ни появлялся, онъ оставлялъ по себѣ слѣдъ въ цѣломъ рядѣ поступковъ, полезныхъ для его ближнихъ.

Послѣдніе годы своей жизни Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ провелъ въ Уфѣ на Благовѣщенскомъ заводѣ. Въ 1900 году онъ сильно простудился, получилъ ревматизмъ и долго лѣчился въ Уфѣ. Лѣтомъ 1901 года онъ снова перебрался къ себѣ на заводъ, гдѣ незамѣтно для всѣхъ и подкралась къ нему болѣзнь, положившая конецъ его

жизни—діабетъ. 1 Октября того же года днемъ во время сна онъ тихо скончался, оставивъ по себѣ во всемъ окрестномъ населеніи память, какъ о благодѣтелѣ мѣстности, безконечно добромъ и выдающемся человѣкѣ.

Въ Рязани въ числѣ памятниковъ, оставленныхъ имъ о своемъ существованіи, слѣдуетъ еще упомянуть объ устраненномъ по его почину, хотя открытомъ уже послѣ его отѣзда въ Уфимскую губернію, пріютѣ для малолѣтнихъ преступниковъ.

III.

Въ 1900 году, перебирая бумаги, оставшіяся послѣ смерти покойнаго Александра Дмитріевича Повалишина, я нашелъ въ нихъ начисто переписанные всѣ 6 отчетовъ Дмитрія Дмитріевича Дашкова по народному образованію въ Рязанской губерніи и при нихъ статью, озаглавленную „Дворянство и народъ (идиллія)", писанную рукою Дашкова. Я тогда же списался объ этомъ съ авторомъ и отъ него узналъ, что по просьбѣ Повалишина онъ далъ свое согласіе на напечатаніе текста его отчетовъ въ Трудахъ Рязанской Архивной Комиссіи, но съ условіемъ, чтобы вмѣстѣ съ отчетами была напечатана и эта статья. Въ статьѣ этой излагался взглядъ автора на значеніе и роль, которую должно бы выполнить наше поземельное дворянство въ дѣлѣ общественнаго развитія русскаго народа, и желаніе Дмитрія Дмитріевича видѣть ее напечатанною вмѣстѣ съ текстомъ своихъ отчетовъ станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, какъ многіе у насъ смотрѣли на него, какъ на человѣка прямого противника дворянства. Хотя я и просилъ Дашкова дозволить исполнить желаніе Повалишина, но Дмитрій Дмитріевичъ просилъ меня переслать рукопись къ нему: онъ желалъ пересмотрѣть свои отчеты и издать ихъ самъ. Выполнить этого ему однако не довелось.

Въ настоящее время, съ разрѣшенія его брата, Андрея Дмитріевича Дашкова, я рѣшился исполнить, какъ сумѣю, прежнее предположеніе, хотя по необходимости мнѣ приходится держаться текста отчетовъ такъ, какъ онъ изложенъ въ журналахъ Рязанскаго губернскаго земскаго собранія. Тѣхъ исправленій, которыя могъ сдѣлать авторъ, у котораго могли уцѣлѣть и конспекты его докладовъ, разумѣется, теперь не можетъ и не вправѣ сдѣлать никто.

Разсматривая отчеты Дмитрія Дмитріевича Дашкова о состояніи народныхъ училищъ въ Рязанской губерніи въ настоящее время въ ихъ совокупности, нельзя не замѣтить, что въ нихъ запечатлѣлось еще очень раннее время въ заботахъ земскихъ учрежденій о народной школѣ. Это еще первые шаги земскихъ учрежденій на поприщѣ попеченій о народномъ образованіи.

Въ 1867 году, всего за годъ до избранія Дашкова въ должность члена губернскаго училищнаго совѣта отъ земства, всего только 7 уѣздовъ въ Рязанской губерніи дѣлали какое либо назначеніе на нужды народнаго образованія, именно: Данковскій уѣздъ, асигновавшій въ этотъ годъ на этотъ предметъ 800 рублей, Егорьевскій, назначившій 1500 р., Зарайскій и Касимовскій, ассигновавшіе, первый 1790, а второй 1720 руб., Ряжскій съ неизмѣнной цифрой смѣтнаго расхода въ 1745 руб., Сапожковскій, расходовавшій всѣхъ больше, 4500 р., изъ которыхъ однако 3000 руб. шли въ пособіе мѣстному уѣздному училищу, и Скопинскій — назначившій 300 руб. Итогъ всѣхъ ассигнованій на народное образованіе (кромѣ цифры губернской смѣты на Александровскую учительскую семинарію) составилъ скромную цифру 12355 рублей.

Въ 1869 году, первомъ, за который представилъ свой отчетъ Дашковъ, смѣта была уже значительно больше. Дашковъ опредѣляетъ общую сумму всѣхъ асигнованій по уѣзднымъ смѣтамъ, сдѣланныя въ этомъ году, въ 28679 р. 26 коп., но онъ ошибся, просмотрѣвъ 2200 руб., опредѣленныхъ на этотъ предметъ Сапожковскимъ земскимъ собраніемъ, такъ какъ собраніе этого уѣзда, разрѣшивъ расходъ, не внесло этой суммы въ смѣту, а отнесло его на остатки отъ того же назначенія за предыдущіе годы, которые были — неправильно, но это тогда дѣлалось. Если прибавить эту цифру, то общая сумма расходовъ на нужды народнаго образованія одиннадцати уѣздовъ губерніи (Михайловскій уѣздъ и въ этомъ году никакого назначенія на этотъ предметъ не сдѣлалъ) опредѣлить въ 30879 руб. 26 коп.

Вотъ распредѣленіе этого назначенія по различнымъ уѣздамъ въ сопоставленіи съ расходами тѣхъ же уѣздовъ по смѣтѣ на 1876 годъ, означенной отчетности Дашкова.

Назначено къ расходу:

Въ уѣздахъ:	На 1870 годъ. На народное образованіе вообще.	На 1876 годъ. На народное образованіе вообще.	Изъ нихъ на начальныя училища.
Данковскомъ .	4500 р.	10042 р. 58 к.	10042 р. 58 к.
Егорьевскомъ .	1550 р.	2900 р.	2900 р.
Зарайскомъ .	4323 р. 32 к.	5444 р.	5444 р.
Касимовскомъ.	4500 р.	11620 р.	6800 р.
Михайлов. .	—	800 р.	800 р.
Пронскомъ .	760 р. (кромѣ 0/0 съ капитала А. Головнина.	10180 р.	9980 р.
Раненбург. .	1000 р.	7412 р.	3912 р. 40 к.
Ряжскомъ. .	1745 р. 94 к.	1400 р.	1400 р.
Рязанскомъ .	1100 р.	4775 р.	4775 р.
Сапожков. .	4900 р. (въ то число 3000 р. на уѣздное училище).	6250 р.	3330 р.
Скопинскомъ .	2200 р.	5000 р.	5000 р.
Спасскомъ .	4000 р.	7235 р.	6235 р.
Всего. .	30879 р.	76058 р. 98 к.	60580 р. 98 к.

Такимъ образомъ смѣтныя назначенія уѣздовъ на народное образованіе увеличились за время, прошедшее между первымъ и послѣднимъ отчетами Дашкова слишкомъ въ двое, въ дѣйствительности же расходы увеличились еще больше, такъ какъ въ первые годы разсматриваемаго времени назначенія на народное образованіе не представляли устойчивыхъ строго опредѣленныхъ цифръ, но часто назначенныя деньги только числились на счетахъ, а не расходовались, такъ что одни и тѣже деньги переносились изъ смѣты въ смѣту, оставаясь въ недоимкахъ, какъ это случилось напр. въ 1869 г. въ Скопинскомъ уѣздѣ. Такимъ образомъ изъ назначенныхъ по смѣтамъ на 1870 г. 30879 р. 66 к., какъ видно изъ Дашковскаго отчета за этотъ годъ, въ дѣйствительности было израсходовано лишь 26000 руб. Впослѣдствіи Дашковъ докладывалъ также о значительной недоимкѣ въ Зарайскомъ уѣздѣ, задолжавшемъ училищному счету 5000 руб.

Въ 1868—69 учебномъ году всѣхъ народныхъ училищъ въ губерніи числилось 390 съ 15280 учащимися, а въ 1874—75 году

было, какъ значится въ послѣднемъ отчетѣ Дашкова 397, училищъ съ 20939 учащимися. Именно: учениковъ и учащихся значилось:

	въ 1868—69 году		въ 1874 - 75 году	
ВЪ УѢЗДАХЪ:	училищъ:	учащихся въ нихъ:	училищъ:	учащихся въ нихъ:
Данковскомъ . . .	16	623	49	2400
Егорьевскомъ . .	27	1082	36	1836
Зарайскомъ . . .	56	2134	35	1971
Касимовскомъ . .	67	2763	57	2443
Михайловскомъ . .	17	609	15	753
Пронскомъ . . .	21	929	27	1434
Раненбургскомъ . .	12	458	23	1258
Ряжскомъ . . .	57	2059	23	1303
Рязанскомъ . . .	17	658	35	1490
Сапожковскомъ . .	31	1234	27	1584
Скопинскомъ . . .	29	1004	25	1353
Спасскомъ . . .	40	1727	45	3014
Всего . .	390	15280	397	20839

Такимъ образомъ общее число училищъ увеличилось всего на 7 школъ, а учащихся прибавилось на $^1/_4$ ихъ общаго числа въ послѣдній годъ или на $^1/_3$ начала семилѣтія. Успѣхъ, повидимому, не блестящій. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ число училищъ даже уменьшилось противъ прежняго. Но дѣло въ томъ, что въ то время задачей земскихъ дѣятелей по народному образованію было не столько устройство новыхъ училищъ, сколько приведеніе въ извѣстность и правильная постановка старыхъ. Всѣ отчеты того времени лицъ, въ первый разъ объѣхавшихъ училища для осмотра ихъ на мѣстѣ, удостовѣряютъ подобно отчетамъ князя С. В. Волконскаго въ 1870 г. по Раненбургскому уѣзду или отчетамъ А. П. Мансурова и А. А. Алянчикова по Касимовскому, невозможное положеніе этихъ числившихся школъ прежняго времени. Однѣ изъ нихъ существовали только на бумагѣ и ученія въ нихъ вовсе не происходило; въ другихъ оно было постановлено въ такія условія, что успѣхъ былъ положительно невоз-

моженъ. Неумѣлые учителя, классныя комнаты, въ которыхъ чернила мерзли отъ холода, отсутствіе учебныхъ пособій или такое снабженіе ими училища, что каждый ученикъ, напр., учился по собственной, отличной отъ книжекъ другихъ учениковъ книжкѣ; въ видѣ понудительной мѣрѣ побои и т. д.—вотъ тѣ явленія, которыя встрѣчались въ такихъ школахъ на каждомъ шагу. При такихъ условіямъ надо было прежде всего найти школу и сдѣлать ее въ дѣйствительности школою, т. е. мѣстомъ, гдѣ ученики выучиваются. Въ такихъ условіяхъ встрѣтить въ отчетахъ уменьшившуюся цифру училищъ было иногда даже признакомъ улучшенія дѣла: это значило, что школы были осмотрѣны и теперь числятся только тѣ, которыхъ дѣйствительно идетъ ученіе.

Если разсматривать приведенныя въ отчетахъ Дашкова цифры съ этой точки зрѣнія, то можно указать на разницы въ числѣ школъ даже за самые послѣдніе годы охваченнаго этими отчетами періода. Такъ, напр., если-бы вмѣсто данныхъ за послѣдній 1874—1875 г. нами было взято число училищъ за предшествующій учебный годъ, то мы бы встрѣтились съ цыфрою 423 училищъ вмѣсто 397 послѣдняго года, что касается качества училищъ, то конечно 397 училищъ 1874—75 года были совсѣмъ другія, чѣмъ 390 школъ 1868—69 г. Уже болѣе чѣмъ удвоенная цифра земскаго расхода на каждую школу свидѣтельствуетъ объ этомъ. Въ значительномъ большинствѣ уѣздовъ теперь школы были уже дѣйствительныя, въ которыхъ преподавали учителя, семь не прошедшіе черезъ учительскую семинарію, то по крайней мѣрѣ прослушавшіе учительскіе курсы. Учебными пособіями училища эти снабжались уже отъ земства и по опредѣленному плану. Въ большинствѣ уѣздовъ были, наконецъ, свои дѣятели, которые заботились о школьномъ дѣлѣ и его нуждахъ, знали его, и умѣли его отстаивать и направлять. Если въ 1868 году, вначалѣ дѣятельности Дмитрія Дмитріевича Дашкова въ качествѣ члена губернскаго училищнаго совѣта, едва-ли не въ одномъ Данковскомъ уѣздѣ были такіе поборники народнаго образованія въ лицѣ Бибиковыхъ, то теперь ихъ много въ различныхъ уѣздахъ. Кромѣ И. П. Бибикова въ Данковѣ—были князь С. В. Волконскій въ Раненбургѣ, Н. П. Ржавскій въ Пронскомъ уѣздѣ, А. П. Мансуровъ и А. В. Алянчиковъ въ Касимовскомъ и многіе другіе, не говоря уже о самомъ Дмитріи Дмитріевичѣ въ Спасскомъ. Всѣ эти люди были до нѣкоторой степени

послѣдователями Дашкова въ училищномъ дѣлѣ и проводили въ жизнь тѣ самыя начала, которыя онъ первой проповѣдовалъ въ Рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, и за такими людьми можно было надѣяться, что дѣло народнаго образованія станетъ прочно въ губерніи. Чтобы вызвать такую дѣятельность, стать главнымъ сосредоточіемъ ея въ губерніи, надо было показать осуществимость заѣтныхъ желаній всѣхъ такихъ лицъ на практикѣ, вселить вѣру въ успѣхъ. Въ этомъ и заключалось главное дѣло Дашкова. Кто желаетъ узнать, какъ это было достигнуто, пусть прочтетъ по внимательнѣе его отчеты.

Я же съ своей стороны, перечитавъ ихъ теперь, кладу перо въ глубокомъ уваженіи передъ памятью этого человѣка:

„Deines geistes hab ich einen Hauch verspürt“.

Князь *Николай Волконскій.*

ДОКЛАДЫ

РЯЗАНСКОМУ ГУБЕРНСКОМУ ЗЕМСКОМУ СОБРАНІЮ

ЧЛЕНА ЕГО ВЪ ГУБЕРНСКОМЪ УЧИЛИЩНОМЪ СОВѢТѢ

Д. Д. ДАШКОВА

о состояніи народныхъ училищъ въ Рязанской губерніи

въ 1869—1875 г.г.

---

1 8 6 $^{8}/_{9}$ годъ *).

На вопросъ, мм. гг., почему я являюсь утомлять ваше вниманіе довольно пространнымъ докладомъ, я могъ бы отвѣчать ссылкой на 21 стат. полож. о начал. народ. уч.—Буду откровеннѣе.—Удостоенный вашего выбора въ губернскій училищный совѣтъ, я долженъ былъ уяснить себѣ характеръ своей дѣятельности. Собственно въ занятіяхъ совѣта ея было не много. Но положеніе члена губернскаго совѣта указывало мнѣ иную задачу. Много говорено было о гласности, объ общественномъ мнѣніи какъ о силѣ къ пресѣченію зла; слишкомъ мало, можетъ быть, какъ о средствѣ къ поддержанію и развитію добрыхъ началъ. Но всегда говорили о ней съ нѣкоторымъ опасеніемъ передъ увлеченіями, которыхъ она можетъ невольно становиться проводникомъ. Здѣсь, г.г., въ собраніи лучшихъ людей въ губерніи, которымъ она довѣрила свои интересы, которые сходятся для основательнаго обсужденія положительныхъ и опредѣленныхъ вопросовъ,—здѣсь менѣе всего можно опасаться такихъ увлеченій; здѣсь настоящее горнило общественнаго мнѣнія; здѣсь должно оно выработываться, если когда нибудь суждено ему быть на Руси. По тѣмъ вопросамъ, гдѣ Губернскому Собранію не предстоитъ положительной работы въ видѣ постановленій, его ожидаетъ, какъ мнѣ

---

*) Докладъ прочитанъ въ засѣданіи собранія 13 декабря 1869 года.

кажется, неменѣе важная задача—нравственной оцѣнки того, что дѣлается въ кругу излюбившаго его земства. Выраженіемъ своего сочувствія или порицаніемъ оно можетъ направить дѣятельность земскихъ людей, усугубить ихъ усилія.

У губернскаго училищнаго совѣта подъ руками, хотя не полныя и не всегда точныя, но единственныя данныя о ходѣ народнаго образованія въ губерніи. Сообщеніе вамъ имѣющихся данныхъ прольетъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. А гдѣ свѣтъ,—тамъ и жизнь.

Губернскій училищный совѣтъ получилъ за истекшій учебный годъ отчеты шести уѣздныхъ совѣтовъ: Егорьевскаго, Михайловскаго, Пронскаго, Скопинскаго, Данковскаго и Сапожковскаго. Отчетъ Касимовскаго училищнаго совѣта представленъ уѣздному собранію и напечатанъ вмѣстѣ съ отчетомъ управы. Такъ какъ эти уѣзды, составляя болѣе половины губерніи, обнимаютъ самыя разнообразныя въ ней мѣстности, то едва-ли мы ошибемся, обобщивъ выводы изъ означенныхъ отчетовъ и приложивъ ихъ къ къ цѣлой губерніи.

Вотъ эти выводы:

Семь уѣздовъ истратили дѣйствительно въ истекшемъ учебномъ году на народное образованіе 18,745 руб. На ревизскую душу приходится по $4^1/_2$ коп.; съ десятины менѣе 1 коп. (0,83). Учащихся 7.423, что, при населеніи въ 794.000 душъ обоего пола, составляетъ одного учащагося на 107 душъ. Между тѣмъ средняя пропорція дѣтей, могущихъ посѣщать школу (несущихъ, по нѣмецкому выраженію, „училищную повинность"), составляетъ около $^1/_6$ населенія, или на 794 т. душъ приходится дѣтей среднимъ числомъ 132.000, изъ коихъ учатся только 7.423, т. е. среднимъ числомъ 1 дитя изъ 18. Каждый учащійся обходится въ годъ въ 2 руб. 52 коп. На одну школу приходится почти 36 учащихся. Каждая школа стоитъ около 90 руб. съ полтиной. Одна школа приходится на 105 квадр. верстъ; въ Скопинскомъ уѣздѣ 1 на 70, и въ Данковскомъ уѣздѣ 1 на 160 кв. верстъ. Таковъ средній выводъ по 7 уѣздамъ взятымъ сплошь; но не вездѣ школы; слѣдовательно есть мѣстности, гдѣ никто не учится, а тамъ, гдѣ учатся, тамъ отношеніе явится другое.

Ограничимся тѣми мѣстностями, гдѣ открыты школы и ближайшими ихъ окрѣстностями, откуда можно пользоваться школой. Эту, такъ сказать, училищную полосу, по примѣру данныхъ взятыхъ изъ Данковскаго уѣзда, я полагаю въ полтора раза больше,

по числительности населенія, тѣхъ мѣстностей, гдѣ собственно школы находятся. Въ нихъ приблизительно до 307 т. жителей; слѣдовательно школами пользуется менѣе $1/2$ всего населенія этихъ 7 уѣздовъ. Для того, чтобы прочія мѣстности могли столько же воспользоваться обученіемъ, сколько эта полоса, надо число школъ по крайней мѣрѣ удвоить, удвоить и сборы на училища; тогда вездѣ распространится благодать, кокой осѣнены эти избранныя мѣстности. Каково же имъ приходится? Вмѣсто требуемой пропорціи одного на шесть, учится 1 на 42, слѣдовательно изъ 7 дѣтей учится 1, а шесть не слышатъ о грамотѣ. Содержаніе школъ падаетъ на это число душъ сборомъ (6 коп. съ души обоего пола) въ 12 коп. на ревизскую душу. Цифра эта не совсѣмъ точная и въ дѣйствительности представляется нѣсколько ниже, такъ какъ тутъ входитъ пособіе отъ земства, собираемое со всего уѣзда въ пользу училищной полосы. Собственно же въ ней населеніе облагаетъ себя сборомъ въ 11.260 рублей, т. е. на 307 т. душъ по $3^3/_4$ коп. или по $7^1/_2$ коп. съ ревизской души.

Каковы эти школы? По довольно поверхностной характеристикѣ, сообщаемой отчетами, можно считать хорошими и порядочными около 110 школъ съ нѣсколько болѣе чѣмъ 4.000 учениковъ, т. е. нѣсколько болѣе половины всего числа.

Средняя стоимость ихъ приализительно остается таже.

Если предположить, что другія школы ни куда не годятся или и вовсе не существуютъ, и что въ этихъ 110 школахъ заключается весь полезный результатъ отъ затратъ семи уѣздовъ на училищную часть, то получимъ, что эти школы съ 4.000 учащихся стоятъ всего 18.000 руб., или каждая школа не много свыше 170 рублей, а каждый учащійся въ нихъ почти 4 руб. 70 к.

Если каждый крестьянскій мальчикъ пробудетъ въ школѣ 5 лѣтъ, его обученіе обойдется земству и обществу въ 23 руб. 50 коп. Мы доходимъ до этой цифры, не принимая въ расчетъ остальныхъ 97 школъ въ этихъ уѣздахъ, какъ будто бы тѣхъ школъ вовсе не было и въ нихъ ни кто не учился; такимъ предположеніемъ исправляется вся неточность, какая можетъ быть въ показаніи числа учениковъ по школамъ. Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что рѣшительно всѣ эти школы при дѣйствительномъ надзорѣ и не большомъ пособіи, могутъ стать порядочными, и тогда стоимость воспитанія каждаго крестьянскаго мальчика значительно понизится. Но приманимая ее, какъ сказано, въ 2 руб. 50 коп., велика ли она? Для скорѣйшаго погашенія этой суммы

положимъ съ нея хоть 10%—2 руб. 35 коп. въ годъ. Представляютъ ли эти 2 руб. 35 коп. разницу между годовыми заработками грамотнаго и развитаго работника и заработками неумѣлаго? А если потредствомъ ученія удается—и это должно быть нашей главной цѣлью—если удается дать молодому поколѣнію нѣкоторую нравственную основу, умѣрить пьянство и научить бережливости и труду, прибудетъ ли на 2 руб. 35 коп. пользы отъ такого работника, и ему самому и его рядчику? То есть охотно ли добавите вы, м.м. г.г., 2 руб. 35 коп. лишнихъ въ годъ а каждаго работника, чтобы имѣть людей трезвыхъ, трудолюбивыхъ и развитыхъ?—Перейдемъ къ сравненію уѣздовъ между собой

По общему числу учащихся, Егорьевскій, Сапожковскій и Касимовскій, то есть восточная полоса губерніи, стоятъ выше прочихъ. Въ Касимовскомъ—учится 1 на 52, въ Сапожковскомъ 1 на 80, въ Егорьевскомъ 1 на 125 душъ; слѣдовательно въ первомъ одно дитя изъ 9, во второмъ 1 изъ 13, въ третьемъ 1 илъ 21. Западъ и центръ губерніи,—черноземная, земледѣльческая полоса,—представляетъ отношеніе отъ 1-го до 150 и до 1-го на 171 (Михайлов. уѣлдъ). Училищный сборъ колебался между 2 к. (въ Скопин.) и 6½ коп. (въ Сапожков. уѣздѣ). Особнякомъ стоитъ Данковскій уѣздъ, гдѣ сборъ свыше 8½ коп. съ ревизской души. Еще большую разницу найдемъ мы, обращаясь поуѣздно къ училищной полосѣ каждаго. Тутъ Егорьевскій уѣздъ занимаетъ безспорно первое мѣсто, какъ по пожертвованіямъ, такъ и по умѣнью пользоваться учисищами. Школы въ немъ полны: въ нихъ, среднимъ числомъ по 40 учениковъ; населеніе добровольно обложило себя сборомъ, среднимъ числомъ, по 21 коп. съ души м. п., доходящимъ слѣдовательно мѣстами до горазда высшей нормы; гдѣ школы есть,—тамъ учится 1 на 17 душъ, то есть изъ трехъ дѣтей одно. Между тѣмъ общій сборъ съ души по уѣзду, общее число учащихся не велико. Что это значитъ? Что школа составляетъ дѣйствительную потребность, что она принялась хорошо и полюбилась народу; есть желаніе учиться,—да не хватаетъ духа или умѣнія приступить къ дѣлу, и негдѣ достать указанія, негдѣ добыть учителя. А какъ найдется рьяный человѣкъ для почина, какъ попадется учитель, любящій дѣло, тамъ общество радо поддерживать школу своимъ рублемъ. Этотъ же уѣздъ отличается и большимъ разнообразіемъ въ учителяхъ и большимъ числомъ такихъ, которые по собственному желанію открываютъ частныя школы. Учителями: двое священниковъ, четверо діаконовъ, вдова діаконица г. Богородская въ селѣ Дере-

ховѣ, дьячиха г. Боголюбова въ селѣ Шейнѣ, двое дьячковъ, шестеро семинаристовъ, пятеро свѣтскихъ лицъ. По отзывамъ объ нихъ ревизовавшихъ ихъ священниковъ—членовъ училищнаго совѣта—мы можемъ быть увѣрены въ добромъ и религіозномъ направленіи ихъ преподованія. Появленіе въ рядахъ учителей для мальчиковъ двухъ женщинъ, заслужившихъ отличный отзывъ отъ ревизовавшихъ членовъ совѣта и кончившихъ курсъ въ Рязанскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія,—какъ нельзя болѣе утѣшительно. Женщина всегда лучше умѣетъ обращаться съ дѣтьми и съумѣетъ особенно воспитать въ нихъ, въ нѣжномъ возрастѣ, болѣе добрыхъ привычекъ; она привлечетъ въ школу дѣвочекъ, которыхъ чрезвычайно мало вообще учится (изъ 7.423—всего 239). Наконецъ это открываетъ женщинѣ дорогу къ почетному, полезному и свойственному ей труду, а обществу даетъ новый притокъ честныхъ—говорю это съ полнымъ уваженіемъ къ нимъ—и дешевыхъ силъ. Я особенно радуюсь тому, что первый примѣръ добровольнаго учительства въ нашей губерніи подаютъ матери семействъ, для которыхъ воспитаніе—когда онѣ имъ занимаются—всегда уже дѣло серьозное и святое. Для поощренія къ послѣдованію ихъ примѣру, я просилъ-бы Губернское Собраніе назначить имъ награду изъ губернскихъ суммъ, хотя бы по 50 рублей. Въ Егорьевскомъ-же уѣздѣ встрѣчаемъ мы простого дьячка, который давно уже, предавшись душой обученію дѣтей, содержитъ свою собственную школу, въ которой онъ работаетъ безвозмездно. Живя въ немноголюдномъ Архангельскомъ погостѣ, онъ пріютилъ у себя нѣсколько дѣтей изъ сосѣднихъ деревень. Наконецъ онъ копитъ послѣднія средства, чтобъ на свой же счетъ построить порядочное помѣщеніе для своей школы. Твердость его правилъ, заслужившая ему уже разъ на этомъ поприщѣ благословеніе преосвященнаго Смарагда, ручается за доброе вліяніе его на призрѣнныхъ имъ мальчиковъ. Такое безкорыстіе, такая любовь къ дѣлу отличаетъ, надѣюсь, и не одного дьячка Ѳедора Волынскаго въ нашей губерніи, но это единственный примѣръ, дошедшій до свѣдѣнія губернскаго училищнаго совѣта, единственный, о которомъ могу доложить Собранію. А подобная преданность дѣлу народнаго оаразованія при столь ограниченныхъ средствахъ, не должна по моему пройти незамѣченной. Губернское Собраніе призвано, по крайнему моему разумѣнію, отмѣчать своимъ одобрѣніемъ и своей наградой тѣхъ людей, чья дѣятельность заслуживаетъ не только поощренія, но которые могутъ, какъ по достигнутымъ результатамъ, такъ и потрудностямъ, съ которыми имъ и приходилось бороться, могутъ быть

поставлены примѣромъ передъ цѣлой губерніей. Постоянство, съ которымъ онъ посвятилъ этому дѣлу всю свою жизнь и способности, даютъ мнѣ право ходатайствовать предъ Собраніемъ о назначеніи денежнаго вспомоществованія, рублей въ полтораста, въ награду дьячку Архангельскаго погоста, Федору Ивановичу Волынскому.

Я позволяю себѣ выразить сожалѣніе, что училищный совѣтъ находитъ возможность приходить на помощь только ничтожной суммою двухъ или трехъ сотъ рублей изъ полутора тысячь, ассигнуемыхъ собраніемъ на этотъ предметъ.

Касимовскій уѣздъ одинъ сталъ сразу на твердую почву и пошелъ не колеблясь. Дѣло училищъ съ перваго дня попало въ искусныя и усердныя руки. Когда училища государственныхъ имуществъ переданы были земству, Касимовскій уѣздъ ихъ принялъ и постановилъ, что ни одно изъ нихъ не должно быть закрыто. Ихъ было 12, теперь ихъ 11, потому что два слиты въ одно. Земство сдержало слово. Можно, пожалуй, возражать противъ справедливости обезпеченія этихъ училищъ на средства цѣлаго земства; но дѣло шло о томъ, чтобы спасти эти училища, чтозы не давать преданію о грамотности прерываться въ этихъ селеніяхъ. Прочимъ училищамъ земство стало немедленно оказывать пособія, легко распредѣляемыя при частомъ обзорѣ ихъ членами училищнаго совѣта, такъ что смѣтная цифра Касимовскаго уѣзда на начальное образованіе скоро достигла приблизительно настоящихъ размѣровъ; она теперь 4.500 руб. и составляетъ 10% всей смѣты уѣзда. Училища были постепенно раздѣлены на три разряда, какъ по числу учениковъ, такъ и (хотя къ сожалѣнію не всегда) по успѣху ученія. Теперь училища прежнихъ государственныхъ имуществъ сравнены съ прочими и вошли въ эти разряды, изъ коихъ въ первомъ выдается отъ земства учителю жалованья 100, во второмъ 70, въ третьемъ 30 руб. при небольшихъ почти повсемѣстнымъ пособіяхъ отъ обществъ, которыя сверхъ того доставляютъ помѣщеніе и отопленіе. Цифра 30 рублей мала и очень мала; но если вспомнить, что Касимовское земство, принимало училища, въ которыхъ наставники, невѣсть какіе получали по 5 рублей въ зиму, отдавая за туже сумму о трудъ, и квартиру, то и за эти 30 рублей можно благодарить, особенно когда вся сумма пособій достигаетъ 10% годовой смѣты уѣзда. Касимовское земство пришло, кажется, къ убѣжденію. что оно довольно открыло теперь школъ (ихъ теперь 65,—одна на 1.930 душъ; учится 1 на 22 души, а въ самыхъ

мѣстностяхъ, гдѣ школы, 1 на 30, т. е. пятый мальчикъ); оно теперь намѣрено обратить преимущественно вниманіе на качество преподаванія и привлекать общество къ большимъ пожертвованіямъ на улучшеніе обстановки учителей. Мы слишкомъ уважаемъ авторитетъ Касимовскаго училищнаго совѣта, чтобы возражать ему безъ положительныхъ данныхъ; но позволимъ себѣ замѣтить, что по видимому, судя по картѣ, школы расположены не довольно равномѣрно по уѣзду, и нѣкоторыя мѣстности на сѣверо-западѣ и востокѣ будто обижены противъ остальныхъ. Этому горю, еслибъ оно и оказалось, легко помочь слитіемъ близкихъ школъ въ одну. Но мы съ удовольствіемъ нашли въ цифрафъ учащихся Касимовскаго уѣзда подтвержденіе нашихъ убѣжденій, что у школы, гдѣ обученіе хорошо и которую часто посѣщаетъ просвѣщенный руководитель, не будетъ повода жаловаться, что родители неохотно посылаютъ въ нее дѣтей своихъ.

Выбирая вездѣ самый простой путь, Касимовскій училищный совѣтъ обратился за учителями въ уѣздное училище и содержитъ тамъ стипендіатовъ, до 18 человѣкъ, на сумму 500 рублей. Для доставленія книгъ училищамъ, открытъ предсѣдателемъ управы частный книжный складъ въ Касимовѣ. Такимъ образомъ весь расходъ идетъ прямо на народное образованіе въ тѣсномъ смыслѣ, и эта самая высшая цифра по губерніи. Касимовскій уѣздъ началъ съ фундамента и закладываетъ его широко и глубоко. Пока онъ достигъ слѣдующей прогрессіи въ числѣ училищъ съ 1867 по 1869 годъ: 40 - 54—65, въ числѣ учащихся 1.350—1460—2.400. Школа обходится тамъ въ 67 руб. 60 коп., учащійся въ 1 руб. 82 коп. на душу ревизскую падаетъ 7 коп.

Въ Ряжскомъ уѣздѣ встрѣчаемъ снова не полное употребленіе ассигнованныхъ суммъ. Задумавъ сперва сельско-хозяйственное ремесленное заведеніе, Ряжское земство ограничилось болѣе скромнымъ удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей, поддержкой сельскихъ училищъ, и постепенно возвысило свою смѣту отъ 900 рублей до 1.450 рублей, къ которымъ предсѣдатель управы прибавляетъ ежегодно 300 рублей изъ своего содержанія. Но и съ употребленіемъ этихъ суммъ управа и училищный совѣтъ сладить не могутъ. То выдавались пособія безконтрольно, то слишкомъ дробно. Когда собраніе высказало свое неодобреніе, бросились въ противуположную крайность и оказали въ прошломъ году пособіе только одной школѣ, Мостьинской, (въ 150 рублей) да и то такой, которая уже отъ общества и отъ мѣстнаго земледѣльца получила почти вдвое противъ этой сум-

мы, слѣдовательно далеко не нуждалась въ оной. Успѣхъ былъ блестящій, но чтожъ онъ указываетъ? Что при деньгахъ можно хорошо учить и учиться—опытъ давно извѣстный всему свѣту. Между тѣмъ отсутствіе всякаго отчета отъ Ряжскаго училищнаго совѣта вводитъ насъ въ искушеніе предполагать, что грамотность въ остальной части уѣзда въ самомъ жалкомъ положеніи. Одно только открытіе въ Ухловомъ двухкласнаго училища въ 1868 году нѣсколько утѣшительно. Неизрасходованныя деньги откладываются и оставляются въ распоряженіи управы на тотъ-же предметъ народнаго образованія, а собраніе ежегодно вноситъ вновь туже сумму въ свою смѣту, чая лучшаго впереди. Будемъ надѣяться, что ряжское земство скоро перестанетъ колебаться и дастъ производительное и вполнѣ разумное употребленіе своимъ средствамъ.

Къ этимъ уѣздамъ близко подходитъ Пронскій. Въ немъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ школы, учится 1 на 36 душъ, т. е. изъ 6 дѣтей 1; сборъ на училища среднимъ числомъ 8 коп. съ ревизской души Между тѣмъ изъ Пронскаго училищнаго совѣта раздаются громкія жалобы на то, что, существуя уже 30 лѣтъ въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, училища нѣкогда вполнѣ обезпеченныя, не могли доселѣ пріобрѣсти довѣрія народа. Виною къ тому конечно недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ и слѣдовательно заботы Губернскаго Собранія о подготовленіи оныхъ вполнѣ соотвѣтствуютъ потребности населенія. Но затѣмъ сдѣлаемъ и другой выводъ: если крестьянская сходка, для удовлетворенія только въ половину потребности учиться, облагаетъ себя по 7 коп. и болѣе съ ревизской души, что же дастъ она хорошему учителю, знающему дѣло, внушающему къ себѣ уваженіе и довѣріе?

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, узнали мы на дняхъ, что волости, окружающія гулынскую школу, вызвались обложить себя 20 копѣечнымъ сборомъ, чтобы пособить земству поддерживать это превосходное училище. Существованіе онаго было уже впрочемъ обезпечено его основателемъ, членомъ Государственнаго Совѣта, А. В. Головнинымъ, передавшимъ это училище въ нынѣшнемъ году въ вѣдѣніе Пронскаго Земства, вмѣстѣ съ капиталомъ въ 6.000 руб., на % съ котораго училище должно содержаться. Мнѣ удалось познакомиться съ этимъ заведеніемъ только по нѣсколькимъ ученикамъ, явившимся оттуда на пріемный экзаменъ въ Александровское училище; всѣ присутствовавшіе поражены были отчетливымъ знаніемъ, развитіемъ и свѣжестью

этихъ мальчиковъ. Снабженное богатымъ запасомъ училищныхъ пособій и великолѣпной библіотекою (800 названій), Гулынское училище стало уже разсадникомъ учителей для всей окрестности; оно будетъ очагомъ, котораго лучи согрѣютъ и освѣтятъ ее все далѣе и все болѣе, выработывая сочувствіе народа къ грамотности. Побольше такихъ училищъ,—и дѣло народнаго образованія выиграно. Слава и честь А. В. Головнину! Жертвуя не отъ излишковъ своихъ, онъ поставилъ себѣ на родинѣ памятникъ, по истинѣ достойный Министра народнаго просвѣщенія.

Самая передача Гулынскаго училища земству не осталась безъ благихъ послѣдствій. Принимая это училище въ свое вѣдѣніе, земство поторопилось пополнить старый пробѣлъ на своихъ смѣтахъ и впервые назначило сумму на пособіе народнымъ училищамъ, и въ одной половинѣ уѣзда, какъ уже намъ стало извѣстно, дается пособіе на открытіе съ новаго года семи училищъ.

Въ Данковскомъ уѣздѣ дѣло поставлено иначе. Еще въ прошломъ году Данковское земство пришло къ убѣжденію, что судьбу такого важнаго дѣла нельзя представлять всѣмъ случайностямъ рѣшенія мірскихъ сходовъ, которые могутъ ежедневно мѣнять свои постановленія, подчиняясь самымъ разнороднымъ вліяніямъ. Одна возможность частыхъ перемѣнъ въ учителяхъ, въ правилахъ, въ условіяхъ, въ которыя поставлена школа, убиваетъ усердіе наставника и напередъ уничтожаетъ всю пользу училища. Чтобы упрочить существованіе школъ и ввести хорошее обученіе, Данковское земство постановило: взять дѣло въ свои руки, и поручило управѣ открывать земскія училища, гдѣ она найдетъ нужнымъ, и содержать ихъ сполна на счетъ земства, ассигновавъ на каждое отъ 300 до 400 рублей. Для поощренія прочихъ училищъ, открываемыхъ обществами или частными лицами, собраніе назначило особую сумму въ 800 рублей въ годъ. Затѣмъ оно обязало управу открывать земскія училища во всѣхъ поселеніяхъ, гдѣ общество того пожелаетъ и поставитъ приговоръ объ участіи своемъ въ содержаніи училища годовымъ взносомъ 120 рублей въ теченіи 8 лѣтъ. На такихъ основаніяхъ, т. е. по усмотрѣнію управы и по требованію обществъ, открыто всего въ Данковскомъ уѣздѣ 9-ть земскихъ училищъ, и съ начала наступающаго 1870 года откроются еще 3. Управа старалась поддержать лучшія изъ прежнихъ училищъ государственныхъ крестьянъ; отъ этого и отъ открытія училищъ по желанію обществъ вышло, что въ западной части уѣзда, при населеніи, приблизительно, тысячь въ 60, открыто 7 училищъ, въ восточной на 30.000 жителей только 2. Ка-

кія бы ни были обстоятельства, мы не считаемъ такого употребленія земскихъ суммъ вполнѣ справедливымъ, и надѣемся, что дальнѣйшее открытіе училищъ уравняетъ это отношеніе и поставитъ грамотность близко ко всему населенію уѣзда.

Напрасно также мечтаетъ Данковское земство переносить училище изъ села въ село по истеченіи 8-ми лѣтняго срока, на которое нѣкоторыя общества назначили пособіе своимъ училищамъ. Очередное, такъ сказать, исполненіе постойной училищной повинности уравняетъ можетъ быть ея тягости, но приравняетъ ея пользу нулю. Грамотность полезна только тогда, когда она пускаетъ глубокіе корни. Училище хорошо только тогда, когда оно не переводится и прирастаетъ къ землѣ; когда въ немъ запевелится свое преданіе, когда отцы посылаютъ дѣтей учиться на тѣ же скамьи, гдѣ сами высидѣли свою грамотность. До 8-ми лѣтняго срока однако много воды утечетъ, и Данковское земство успѣетъ перемѣнить свое намѣреніе; а главное—быстрое увеличеніе числа училищъ въ небольшомъ и богатомъ уѣздѣ сдѣлаетъ излишнимъ и невозможнымъ всякое перемѣщеніе ихъ. Не только земство, духовенство открываютъ свои училища въ Данковскомъ уѣздѣ; двое крестьянъ, изъ слушателей Ряжскихъ лѣтнихъ курсовъ, берутся за преподаваніе на собственныя средства—о чемъ конечно они несмѣли бы и подумать, еслибъ не ожидали себѣ отъ того пользы, слѣдовательно еслибъ населеніе неизъявило потребности въ томъ. Замѣчательно, что первый такой примѣръ является въ уѣздѣ, гдѣ земство стало открывать хорошія училища на свой счетъ, по своему усмотрѣнію. Поэтому, не ссорясь съ Данковскимъ уѣздомъ за его предначертанія въ будущемъ, скажемъ ему теплое спасибо за доброе сѣмя, которое сѣетъ онъ такой щедрой рукой на свою богатую почву. Не стану скрывать однако, что успѣхъ на первый разъ не соотвѣтствуетъ вполнѣ пожертвованіямъ земства. Еслибъ въ другомъ уѣздѣ сказать, что половина училищъ хороша, мы могли бы радоваться результату. Но гдѣ кладутся такія деньги на это дѣло, можно было бы ожидать болѣе, а судя по откровенному отчету Данковскаго училищнаго совѣта, едвали можно считать болѣе половины земскихъ училищъ вполнѣ удовлетворительными. Звуковой методъ, введенный тамъ ранѣе лѣтнихъ курсовъ, принялся только въ двухъ училищахъ. Самыя училища немноголюднѣе чѣмъ въ прочихъ уѣздахъ, между тѣмъ какъ прихорошемъ помѣщеніи, даровомъ обученіи и готовыхъ книгахъ и пособіяхъ всѣ дѣти должны были бы учиться въ селеніяхъ, гдѣ открыты земскія школы. Но

безъ ошибокъ и неудачъ ни какое дѣло недѣлается. Неудачи сглаживаются, ошибки исправляются. Непоправимо только бездѣйствіе, хотя оно конечно и непогрѣшимо. Данковскій уѣздъ далъ намъ всѣмъ прекрасный примѣръ. Пожелаемъ ему не опускать рукъ передъ неудачами, какія могутъ еще встрѣтиться ему на первыхъ шагахъ, и продолжать начатый трудъ не останавливаясь и не охладѣвая къ своей великой задачѣ.

Я желалъ бы еще остановить вниманіе Собранія на Михайловскомъ уѣздѣ, котораго грустная лѣтопись во многомъ для насъ поучительна. Земское собраніе пришло тамъ еще въ 1867 году къ убѣжденію, что участіе его въ дѣлѣ народнаго образованія преждевременно. Въ 1868 году, докладывая о томъ, что въ уѣздѣ 19 школъ съ 644 учащимися, управа находила, что обученіе грамотности идетъ довольно удовлетворительно и что болѣе успѣшнаго хода этого дѣла пока ожидать не возможна, по причинамъ которыя управа, вникая въ нихъ глубже въ теченіи цѣлаго года, изложила полнѣе въ своемъ докладѣ собранію уже въ прошломъ сентябрѣ. Преданное земледѣльческимъ занятіямъ, населеніе не чувствуетъ потребности въ грамотности; таково положеніе, которое съ легкой руки бывшаго предсѣдателя Михайловской управы почти стереотипно повторяется каждый годъ въ ея докладахъ. Почему же, спрашивается, населеніе Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, вѣроятно также чисто земледѣльческое, не только требуетъ грамотности, но еще облагаетъ себя для того сборомъ въ 40 коп. съ ревизской души? Вслѣдствіе дробности раздѣловъ, продолжаетъ управа, мало семействъ могутъ отпускать въ школы дѣтей, нужныхъ для домашнихъ работъ; такъ что недостатокъ не въ учителяхъ, а въ учащихся. Учителей управа находитъ довольно въ рядахъ духовенства, и мы съ своей стороны должны добавить, что въ этомъ Михайловская управа, кажется, неошиблась. Затѣмъ, видя, что число школъ убавилось въ теченіи года на 4, число учениковъ на 60, находя; что у временно-обязанныхъ крестьянъ школы поддерживаются искуственно пособіемъ частныхъ лицъ, управа предлагала и на будущій годъ отложить попеченіе объ этомъ предметѣ, что собраніемъ и принято къ свѣдѣнію.

Рядомъ съ этимъ шелъ докладъ управы по продовольственной части. Рисуя яркими красками обѣдненіе народа, управа приписываетъ это горестное вообще, ужасающее въ экономическомъ отношеніи, явленіе не только частнымъ раздѣламъ, круговой порукѣ и пожарамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ „невоздержности

„крестьянъ, отсутствію въ нихъ расчетливости и сознанія необ-„ходимости сбереженій, въ надеждѣ на внѣшнюю помощь, и на-„конецъ безпорядочности и не расчетливости въ употребленіи „труда и въ потерѣ времени на праздники". Психологическій анализъ управы и глубокъ, и вѣренъ. Невоздержность, нерасчетливость, безсознательное упованіе на чужой трудъ и привычка управлять своими побужденіями и распоряжаться временемъ—вотъ дѣйствительно недостатки современнаго русскаго человѣка, не только простолюдина, и причина его бѣдности. Но указавъ причину народной нищеты, въ народной нравственности, Михайловская управа не можетъ теперь уклониться отъ логическаго вывода изъ ея положенія: нравственное зло, неразвитость, невыработанность можно лѣчить только нравственными средствами, развитіемъ, школой. Только ею внесешь въ народъ трудолюбіе, бережливость и самообладаніе. Ожидать, чтобы человѣкъ самъ принялся за исправленіе не сознанныхъ имъ еще недостатковъ своихъ, по меньшей мѣрѣ, непрактично. Тѣмъ болѣе, если такое исправленіе требуетъ денежныхъ средствъ, а у него, по собственному нашему свидѣтельству, ихъ нѣтъ. Михайловское земство совершенно право. Передъ нами обѣдненіе народа, намъ угрожаетъ страшная нищета, если мы не возмемся горячо за его воспитаніе. Расходъ на школы—страховая премія, которую мы платимъ теперь, чтобъ избавить дѣтей нашихъ отъ тѣхъ громадныхъ налоговъ въ пользу нищеты, достигшихъ напр. въ Англіи среднимъ числомъ размѣра 20%, т. е. одной пятой чистаго дохода.

Михайловская управа находитъ, что одна изъ главныхъ причинъ народной бѣдности въ его нравственной и умственной неразвитости (въ чемъ она совершенно права), и за тѣмъ она разсуждаетъ: народъ неразвитъ потому, что онъ не учится; онъ не учится потому, что не чувствуетъ потребности учиться; онъ не чувствуетъ этой потребности потому, что онъ не развитъ; не развитъ-же онъ потому, что онъ не учиться, и опять таки не учится потому, что не чувствуетъ потребности учится, и т. д. до безконечности.—Изъ этого ложнаго круга она не выйдетъ, и Богъ съ ней! Но горе, если она запретъ въ этотъ ложный кругъ земледѣльческое населеніе своего уѣзда! Есть простая истина; нельзя чувствовать потребности въ томъ, чего не знаешь. Чтобъ желать вещи, надо хоть разъ сперва увидать ее. Чтобъ крестьянинъ почувствовалъ потребность въ грамотѣ, покажите ему хорошую школу съ хорошимъ ученіемъ, съ добрымъ плодомъ. По

плоду онъ узналъ дерево, по плоду—полюбитъ его. Вотъ почему грѣхъ великій принимаютъ на свою душу земскіе люди, отказывая въ расходѣ на народное образованіе.

Но прежде всего—право-ли Михайловское земство въ томъ, что населеніе не чувствуетъ потребности учиться, что нѣтъ училищъ, которыхъ стоило-бы земству поддерживать, что у временно-обязанныхъ крестьянъ школы искуственно поддерживаются помѣщиками.—Покончимъ сперва съ послѣднимъ замѣчаніемъ. Упомянемъ съ благодарностью и уваженіемъ имена нѣсколькихъ Михайловскихъ помѣщиковъ, г.г. Гольдерекера и Сѣкириныхъ, которые поняли, что въ ознакомленіи крестьянъ съ хорошей школой нѣтъ ничего искуственнаго, а есть честное исполненіе прямого долга, лежащаго на всякомъ образованномъ человѣкѣ. Что касается населенія, то само собой понятно, что нѣкотораго рода потребность въ умѣньи читать, писать и считать сильнѣе и раньше проявляется тамъ, гдѣ промышленность живѣе и столкновеніе съ чужими людьми чаще. И такъ, вдоль по почтовымъ трактамъ отъ Рязани къ Михайлову и отъ Михайлова къ Скопину и Данкову разбросаны тѣ полтора десятка школъ, которыя успокоиваютъ совѣсть Михайловской управы. Большей частью тутъ трудятся священники, получая отъ крестьянъ весьма порядочное вознагражденіе за ученье и квартиру, мѣстами около 200 рублей. Но при отсутствіи руководства, при пассивности училищнаго совѣта,—школы безъ книгъ и пособій; чтобъ учить грамотѣ по звуковому методу, о которомъ онъ гдѣ то читалъ въ вѣдомостяхъ, молодой священникъ, въ ожиданіи учебныхъ пособій, вырѣзываетъ заглавныя буквы изъ попадающихся ему газетъ. Собравъ въ школу дѣтей съ самыми разнообразными знаніями, изъ коихъ многіе учились по азамъ и дошли каждый до своей буквы, онъ раздѣляетъ ихъ на 6 кучекъ, и поочередно занимаясь каждый изъ нихъ, убивая на это болѣе шести часовъ ежедневно и не упуская при томъ прочихъ своихъ обязанностей, онъ въ три недѣли подравниваетъ мальчиковъ до того, что можетъ составится изъ нихъ одинъ классъ съ двумя отдѣленіями, обученный по звуковому методу, разрѣшивъ такимъ образомъ, безъ всякой педагогической подготовки, чутьемъ и любовью, одну изъ труднѣйшихъ училищныхъ задачъ. Общество большаго села, въ которомъ издавна распространена грамотность, отправляетъ своихъ выборныхъ и волостное начальство въ сосѣднее село, собираетъ тамъ сходку, убѣждаетъ тамошнихъ крестьянъ открыть школу и обложить себя на это по 30 коп. съ ревизской души.

Еще въ одномъ селѣ, гдѣ крестьяне недовольны своимъ учителемъ, небрежно занимающимся обученіемъ дѣтей, просятъ дать имъ хорошаго наставника и обязываются, если только онъ будетъ обучать и церковному пѣнію, безпрекословно подчинится всѣмъ нововведѣніямъ школы и аккуратно посылать въ нее дѣтей своихъ; боязливо спрашиваютъ они наконецъ, не ужели начальство непозволитъ обучать и дѣвочекъ? Въ двухъ селахъ, гдѣ священники образовали при церквахъ хоры, они пользуются съ тѣхъ поръ огромнымъ вліяніемъ на общество, и въ обоихъ селахъ возникли уже нынѣшней осенью школы. Когда одна изъ нихъ недавно открылась, привели священнику столько дѣтей, что онъ долженъ былъ отказать всѣмъ моложе 8 лѣтъ, и то набралось у него въ классѣ 115 мальчиковъ и нѣсколько дѣвочекъ, при населеніи въ 2.500 душъ. Вообще въ Михайловскомъ уѣздѣ церковное пѣніе и служба легли въ основаніе грамотности и разсказъ изъ житій святыхъ лучшій подарокъ, который сынишка можетъ принести въ родительскую избу. И едвали тотъ же рычагъ не поможетъ намъ поднять по всей губерніи уровень народнаго образованія, примкнувъ его къ церкви Божіей, въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія единственной утѣхѣ въ опорѣ многострадальнаго нашего отечества.

Но на одномъ примѣрѣ я считаю прямымъ своимъ долгомъ остановить благосклонное вниманіе Собранія. Священникъ не большого села Позднаго (въ 270 ревизскихъ душъ) съ 1861 года заведъ школу и съ тѣхъ поръ обучаетъ въ ней безвозмездно. Сколько мальчиковъ, столько и разныхъ букварей—вотъ какъ велики его средства. Въ 1867 году, г. мировой посредникъ 1-го участка довелъ до свѣдѣнія губернскаго начальства, что до 17 лѣтняго возраста въ селѣ Поздномъ *нѣтъ* неграмотныхъ, т. е. съ тѣхъ поръ какъ школа открыта, всѣ дѣти въ ней учатся, все населеніе проходитъ чрезъ нее. Если бы это было повсюду половина нашей цѣли была бы достигнута.

Но каковы эти дѣти? Привлеченные къ школѣ устройствомъ церковнаго хора и толковыми разсказами изъ Священнаго писанія и житія святыхъ, они знаютъ теперь обычныя молитвы и понимаютъ ихъ; имъ извѣстно значеніе таинствъ, они знаютъ священную исторію, они читаютъ толково и всегда могутъ разсказать прочитанное. Слѣдовательно и умственное и религіозное образованіе дано, и бѣдный священникъ, безъ помощи, безъ поощреній и руководства, разрѣшилъ всю нашу задачу, разрѣшилъ ее самымъ широкимъ образомъ, просвѣтивъ религіей и грамотой

цѣлое населеніе. Дай Богъ, чтобы это не было исключеніемъ, чтобы много другихъ подобныхъ дѣятелей нашлось въ Рязанской губерніи. Но пока мы ихъ не знаемъ, пока этотъ одинъ извѣстенъ намъ, я не считаю Собраніе вправѣ проходить мимо такого факта равнодушно. Смѣло ходатайствую о назначеніи священнику, Михайловскаго уѣзда, села Позднаго, отцу Городцову, награды отъ Губернскаго Собранія; размѣръ оной я опредѣлялъ бы въ 300 рублей.

Я сдѣлалъ краткій очеркъ положенія народнаго образованія въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, о коихъ были у меня подъ руками болѣе подробныя свѣдѣнія.

Мнѣ осталось доложить о послѣднихъ постановленіяхъ сентябрскихъ уѣздныхъ собраній.

Остались при старыхъ цифрахъ въ своихъ смѣтахъ на народное образованіе уѣзды: Зарайскій 4.323 р. 32 к., Егорьевскій 1.550 р., (50 руб. прибавлено на канцелярію училищнаго совѣта), Касимовскій 4.500 руб., Сапожковскій 4.900 р., Ряжскій 1.745 р., 94 коп. и Данковскій 4.500 руб. Вновь назначили суммы на дѣло народнаго образованія:—Ряжскій уѣздъ 1.100 руб., что съ неупотребленными остатками отъ смѣты 1868 года (900 руб.) составитъ на 1870 годъ 2.000; Пронскій 760 руб. (и сверхъ того 300 руб., внесенныхъ въ смѣту на Гулынское училище), Спасскій 4.000 руб. и Раненбургскій 1.000 руб. Скопинскій уѣздъ, дававшій прежде на этотъ предметъ до 2.000 руб., похерилъ эту статью расхода изъ своей смѣты на 1870 годъ. Михайловскій конечно ничего не назначилъ. Такимъ образомъ ассигнованіе земскихъ собраній на 1870 годъ составляетъ 28.679 руб. 26 к.—на 5.210 руб. болѣе противъ смѣты 1869 года, по 4 коп. съ ревизской души, или менѣе $^3/_4$ коп., съ десятины. Прибавимъ къ этимъ суммамъ $^1/_4$ коп. съ десятины по губернской смѣтѣ на Александровское училище, да пожалуй, перетянемъ изъ смѣтъ прошлаго года три съ половиной тысячи, употребленные въ прошломъ году на лѣтніе курсы—всего вмѣстѣ не сходитъ 1 к. съ десятины на дѣло народнаго образованія.

Суммы, ассигнуемыя уѣздными земствами на народное образованіе, составляютъ вкупѣ около 6% ихъ смѣтъ; наиболѣе даютъ—Данковскі 13%, Зарайскій 11%, Касимовскій 10% наименѣе Ряжскій, Раненбургскій и Рязанскій—около 2% съ своихъ смѣтъ. Отказъ Скопинскаго собранія въ пособіи начальнымъ училищамъ фактъ печальный и для насъ загадочный.

Другую загадку намъ представляетъ Зарайскій уѣздъ, не разрѣшимую безъ отчетовъ по народному образованію, которыхъ при всемъ стараніи я добыть не могъ. Внесенная въ смѣту 1868 года сумма 4.323 руб. не могла быть вполнѣ израсходована въ смѣтномъ году *за не имѣніемъ*, по выраженію отчета управы, *суммъ уѣзднаго сбора*. Это указываетъ, какъ будто, что этотъ уѣздъ напрягаетъ всѣ свои силы для поддержки училищъ и ассигнуетъ сумму выше своихъ средствъ. А между тѣмъ, когда Губернская Управа предлагала ему дать мѣста слушателямъ лѣтнихъ курсовъ, уроженцамъ Зарайскимъ, она получила въ отвѣтъ такой отзывъ Зарайскаго училищнаго совѣта, что „обстановка школъ такъ грустна, содержаніе учителей такъ ничтожно, что замѣна устарѣлыхъ дѣятелей свѣжими силами молодыхъ педагоговъ, *помимо несправедливости къ первымъ*, не обѣщаетъ существенной пользы". Жертвы на народное образованіе съ одной стороны, съ другой взглядъ на школу какъ на богадѣльню для учителя, какъ то не мирятся въ моихъ понятіяхъ

Сапожковскій уѣздъ, тратящій большую часть крупнаго земскаго училищнаго сбора на среднія заведенія и, не смотря на значительное число начальныхъ училищъ въ уѣздѣ, не находящій ихъ достойными пособія, вторично вноситъ въ Губернское Собраніе предложеніе ходатайствовать объ обязательномъ на училища подушномъ сборѣ (по 10 коп. съ души), хотя относительно ничтожная сумма,—1.500 р., собственно на народныя училища, не находитъ кажется себѣ тамъ достойнаго употребленія.

Между тѣмъ для поднятія учебнаго уровня въ Сапожкѣ пришла счастливая мысль поручить близкій и постоянный надзоръ за училищами спеціалисту, приглашаемому училищнымъ совѣтомъ, котораго члены почти всю зиму—(бойкое время ученія) не по мѣстамъ, и къ тому же могли бы конечно наблюдать за сельскимъ учителемъ, но едва ли всегда руководить имъ и помогать ему. Привлеченіе хорошаго и опытнаго учителя къ этому дѣлу могло бы принести огромную пользу. Но чтобы достаточно обезпечить его, слѣдовало бы уѣздамъ соединяться по два или по три, не болѣе, въ училищный округъ. Не дожидаясь исполненія просимаго ходатайства, Сапожковскій уѣздъ пришелъ выдачею своихъ пособій къ обязательному сбору, оказывая ихъ только тѣмъ обществамъ, которыя сами сперва облагаютъ себя на содержаніе училища по крайней мѣрѣ по 10 коп. съ души (пособіе въ 50 руб.), и возвышая свое пособіе по мѣрѣ того какъ обложеніе сильнѣе. Скопинскій училищный совѣтъ, предлагаетъ

подобную мѣру, ограничивая притомъ выдачу пособій по селеніямъ, гдѣ сумма мѣстнаго сбора шла бы отъ 30 до 80 руб., т. е. гдѣ по величинѣ поселка стоитъ открывать школу и гдѣ селеніе недовольно многолюдно, чтобы содержать ее своими средствами,—къ тому же приходятъ на практикѣ, хотя безъ постановленій, и нѣкоторые другіе уѣзды.

Не затрогивая вопроса объ обязательности обученія, Спасскій и Рязанскій уѣзды поставили началомъ—не прикосновенность школы для общества Высочайше утвержденномъ 11 февраля 1867 года мнѣніи Государственнаго Совѣта, нѣсколько разъ повтореннаго и объясненнаго въ циркулярахъ г.г. министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, ясно видна священная для насъ всѣхъ воля ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, чтобы передаваемыя отъ министерства государственныхъ имуществъ школы не прекращали своего существованія. Примѣняясь къ этому, означенные два уѣзда приняли такое основаніе, что крестьянское общество самовольно не должно закрывать существующее училище, а должно заявлять училищному совѣту о причинахъ, по которымъ оно тяготится содержаніемъ школы; тогда, судя по основательности этихъ причинъ, училищный совѣтъ разрѣшаетъ вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи училища и въ случаѣ нужды оказываетъ пособіе обществу. Въ Рязанскомъ уѣздѣ постановленіе это уже въ полномъ дѣйствіи—закрытыя были школы открыты снова и ни съ чьей стороны не было выражено ни малѣйшаго неудовольствія на распоряженія училищнаго совѣта.

И такъ, м.м. г.г., у насъ въ губерніи выработались преимущественно четыре системы устройства и поддержанія училищъ и поощренія учителей. Въ Данковскомъ уѣздѣ училищный совѣтъ самъ устроиваетъ училища, самъ ведетъ ихъ хозяйство чрезъ членовъ отъ земства и преподаваніе въ нихъ; учащіеся вносятъ небольшую плату (кромѣ освобожденныхъ отъ оной по бѣдности), эти училища стоятъ дорожѣ, но видъ ихъ правильнѣе и они представляютъ конечно болѣе залоговъ къ успѣху въ техническомъ отношеніи. Въ Сапожкѣ выдача небольшаго пособія обусловлена самообложеніемъ общества и соразмѣряется съ его пожертвованіями. Къ этому Рязанскій уѣздъ (о чемъ мы еще не говорили) прибавилъ систему премій, выдавая учителю отъ 1-го до 3-хъ рублей за выучку всякаго мальчика, такъ что небольшое жалованье можетъ быть значительно увеличено успѣхами учениковъ, и земскій рубль даромъ не пропадаетъ. Наконецъ, Каси-

мовскій уѣздъ поддерживаетъ понемногу всѣ рѣшительно школы, раздѣливъ ихъ на разряды и переводитъ ихъ изъ низшаго въ высшій, смотря по успѣхамъ и числу учениковъ, привлекаемыхъ преподаваніемъ учителя. Касимовскій и Сапожковскій уѣзды открыли къ тому же у себя склады для удобнаго снабженія училищъ нужными книгами. Прочіе уѣзды еще не выработали себѣ системы и толшатся въ произвольной и часто случайной выдачѣ пособій и наградъ, то тратя силы даромъ,—то сберегая ихъ ни про что. Но, по народной поговоркѣ—„не испортивши дѣла, не выучишься".

Въ теченіи этого длиннаго доклада я имѣлъ случай представлять вамъ, м.м. г.г., нѣсколько цифръ стоимости училищъ; по нимъ вы можете судить о жалованьѣ, получаемомъ учителемъ. Наивысшее въ Данковѣ 200 руб., въ другихъ уѣздахъ оно колеблется между 100 и 150 руб., въ Касимовскомъ отъ 100 низходитъ до 30; есть учителя, получающіе еще менѣе; нѣтъ учителя, для котораго награда въ 10 рублей не была бы существеннымъ пособіемъ. Таково положеніе лицъ, которымъ ввѣрено нравственное и умственное развитіе народа,—будущность края. Теперь они должны этимъ довольствоваться,—они и этому рады; но что скажутъ воспитанники Александровскаго училища, вооруженные дипломомъ и лучшимъ воспитаніемъ? Этотъ вопросъ еще не на очереди; но онъ заслуживаетъ, г.г., вашего полнаго вниманія. Тутъ есть пробѣлъ въ уставѣ училища, который слѣдуетъ дополнить во время.

Въ заключеніе своего доклада долгомъ считаю передать Собранію мысль, выраженную предсѣдателемъ Касимовскаго училищнаго совѣта, А. П. Гильтебрандтомъ, на уѣздномъ собраніи, оставляя за нимъ всю честь почина. Она слишкомъ хороша, чтобы ей не сочувствовать, не желать поддержать ее. А именно:

„Слѣдовало бы войти съ ходатайствомъ предъ правительствомъ объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія тѣхъ учениковъ сельскихъ школъ, кои окончатъ полный курсъ и получатъ въ томъ свидѣтельство отъ училищнаго совѣта; мѣра эта сильнѣе всего повліяетъ на притокъ учениковъ и на допущеніе ихъ родителями къ полному окончанію ученія".

Собраніе замѣтитъ конечно, что тутъ достигается двоякая цѣль. Исключивъ изъ законовъ нашихъ тѣлесное наказаніе, правительство поставило новое начало. Но провести его вполнѣ оно не рѣшилось, находя народъ не довольно еще развитымъ, и по-

тому оставило это наказаніе въ волостномъ судѣ и, кажется, въ полицейскомъ управленіи. По предлагаемому ходатайству, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія совпадетъ именно съ тѣмъ мгновеніемъ, когда образованность замѣнитъ необходимость такой кары.

Въ учебномъ же отношеніи подобная льгота обезпечитъ не только правильное хожденіе въ школу, но и полное прохожденіе ея всей. Исключеніе мальчиковъ изъ школы, за нерадѣніе или неаккуратность, станетъ наказаніемъ чувствительнымъ и для родителей.

Затѣмъ, честь имѣю представить Собранію мои выводы и предложенія по пунктамъ, покорнѣйше прося подвергнуть ихъ въ такомъ видѣ обсужденію Собранія:

1) Предлагаю Собранію ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ полный курсъ начальныхъ народныхъ училищъ и получившихъ въ томъ свидѣтельства отъ училищнаго совѣта.

2) Обращаю просвѣщенное вниманіе Собранія на благотворную дѣятельность Данковскаго и Касимовскаго уѣздовъ по училищному дѣлу, на трудъ ихъ училищныхъ совѣтовъ. Они никогда не теряютъ изъ виду вопроса о народномъ образованіи, не жалѣютъ средствъ и неотступно преслѣдуютъ благую и высокую цѣль свою. Съ глубокимъ прискорбіемъ долженъ я также обратить вниманіе ваше, м.м. г.г., на равнодушіе земства Михайловскаго уѣзда къ училищному дѣлу.

3) Въ виду совершенной безпомощности крестьянскаго населенія Михайловскаго уѣзда, ихъ бѣдности, засвидѣтельствованной управою, и отказа уѣзднаго земства въ пособіи сельскимъ школамъ, не благоугодно ли будетъ Губернскому Собранію ассигновать единовременно на нынѣшній годъ, хотя какую нибудь сумму изъ остатковъ губернскаго сбора, для вспомоществованія начальнымъ училищамъ Михайловскаго уѣзда?

4) Наконецъ настоятельно ходатайствую передъ Собраніемъ о назначеніи изъ губернскаго сбора награды за усердіе къ дѣлу народнаго образованія слѣдующимъ лицамъ: священнику села Позднаго, Михайловскаго уѣзда, от. Городцову 300 руб. за то, что онъ первый въ губерніи успѣлъ привлечь къ школѣ цѣлое населеніе и сдѣлалъ ученіе потребностью всего подрастающаго поколѣнія, при чемъ выразить ему, сколь высоко Собраніе цѣнитъ и уважаетъ его полезную дѣятельность; Егорьевскаго уѣзда села Дерехова г-жѣ Богородицкой и села Шейна г-жѣ Боголю-

бовой награду по 50 руб., въ поощреніе и привлеченіе женщинъ къ учительскому поприщу; и Егорьевскаго уѣзда, Архангельскаго погоста, дьячку Ѳедору Ивановичу Волынскому 150 руб. въ поощреніе упорнаго и безмезднаго труда на распространеніе грамотности въ народѣ.

Этими наградами Губернское Собраніе пробудитъ усердіе многихъ честныхъ труженниковъ, дастъ имъ новыя силы на тяжелую, невидную работу нашего нравственнаго возрожденія, покажетъ ясно, что не пропадетъ за земствомъ честный трудъ скромнаго сельскаго учителя, какъ молитва за Богомъ не пропадаетъ".

18 ⁶⁹/₇₀ годъ [1]).

Милостивые государи! Въ прошломъ году въ моемъ докладѣ я сообщилъ о количествѣ училищъ, о числѣ учащихся и отношеніи ихъ къ населенію губерніи и обѣщалъ нынче доложить Собранію о внутреннемъ состояніи училищъ и распредѣленіи расходовъ на разныя ихъ потребности. Но я долженъ извиниться передъ Собраніемъ, что не могу выполнить этой задачи, слишкомъ поздно принявшись за составленіе своего отчета, и недостаточно разработавъ статистическія данныя, относящіяся до этого вопроса. Все, что могу сказать, это что число училищъ [2]) нѣсколько увеличилось (423 вмѣсто 390), но соразмѣрнаго увеличенія числа учениковъ не видно (15.400 вмѣсто 15.300). Причину этого приписываю отчасти тому, что свѣдѣнія, собранныя въ нынѣшнемъ году, значительно достовѣрнѣе, чѣмъ тѣ, которыя собраны были въ прошломъ. Вниманіе обращенное послѣднимъ Губернскимъ Собраніемъ на народное образованіе и вліяніе бывшаго инспектора училищъ оживили дѣятельность училищныхъ совѣтовъ не въ одномъ уѣздѣ, которые серьознѣе отнеслись этотъ разъ къ собираемымъ ими даннымъ.

Относительно расходовъ сельскихъ обществъ на училища я долженъ ограничиться общею цифрою ихъ смѣты; въ прошломъ году израсходовано 19.220 руб., въ нынѣшнемъ году расходъ приблизительно будетъ вертѣться около этой же суммы.

Общая земская смѣта уѣздовъ на народное образованіе въ

---

[1]) Этотъ докладъ былъ прочтенъ въ засѣданіи Губ. Земскаго Собранія 1870 года.

[2]) См. вѣдомость № 1.

прошломъ году была показана мною въ 28.679 руб.; но съ прибавкою Скопинскаго остатка въ 2.200 руб., не принятаго мною тогда въ соображеніе, она составила 30.879 руб. Въ настоящемъ увеличили свои смѣты: Данковскій уѣздъ на 1.400 руб. и Пронскій на 700 руб.; Михайловскій уѣздъ назначилъ 900 руб., Скопинскій 3.000 руб. Общій расходъ уѣздныхъ земствъ на народное образованіе въ настоящемъ году составляетъ 34.800 руб., а въ отношеніи къ суммѣ всѣхъ земскихъ расходовъ, онъ составитъ 9%; по уѣздамъ же это процентное отношеніе выразится слѣдующимъ образомъ: [1]) выше всѣхъ Данковскій, который ассигновалъ на этотъ предметъ 15% своей смѣты, Касимовскій 10%, Зарайскій и Спасскій по 9½%, Скопинскій и Сапожковскій по 6½%, ниже другихъ стоятъ: Ряжскій и Раненбургскій, которые едва ассигновали 2% изъ своихъ смѣтъ. Не разъ, въ литературѣ, земство подвергалось нарѣканію за то, что оно ассигнуетъ на народное образованіе крупныя суммы, которыя остаются неизрасходованными въ концѣ года; что, при совершенномъ равнодушіи къ вопросу, дѣлается только изъ желанія блеснуть предъ обществомъ и въ тоже время израсходовать какъ можно меньше. Въ виду такого обвиненія, я считаю особенно важнымъ обратить вниманіе Собранія на дѣйствительные расходы земства по народному образованію. Въ прошломъ году было израсходовано около 26.000 р.,—вмѣсто ассигнованныхъ 30.879 р., а именно въ Зарайскомъ уѣздѣ на 500 руб. меньше смѣты, въ Раненбургскомъ на 650 руб. (т. е. онъ сохранилъ почти всю свою смѣту), въ Сапожковскомъ на 550 руб., въ Рязанскомъ на 700 руб., Касимовскій изъ своей чрезвычайно крупной смѣты сберегъ до 1.000 руб., Спасскій уѣздъ израсходовалъ половину назначеннаго, до 2.000 руб. изъ 4.000 руб.

Приступая къ разбору смѣтъ на будущій годъ, я желалъ бы указать Собранію, на какіе именно предметы земство ассигновало свои деньги. Расходъ на народное образованіе въ главныхъ чертахъ подраздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: 1) стипендіи, 2) содержаніе среднихъ учебныхъ заведеній, 3) содержаніе земскихъ сельскихъ училищъ, 4) пособія городскимъ училищамъ, 5) пособія сельскимъ училищамъ и награды учителямъ и 6) расходы по управленію (на училищные совѣты). Стипендіи хотя и назначаются въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но для образованія учителей, а потому прямо идутъ на дѣло народнаго образованія. Такихъ стипендій на сумму 1.400 руб. и кажется только въ Ка-

---

[1]) См. вѣдомость № 2.

симовскомъ и Егорьевскомъ уѣздахъ [1]); на среднія учебныя заведенія ассигнуется 3.400 руб. (въ Сапожковскомъ уѣздѣ), на земскія училища до 7.000 руб., на городскія до 1.000 руб.,—до 1.500 руб. на училищные совѣты. Остальные 20.000 руб. идутъ на пособія сельскимъ училищамъ, т. е. почти три пятыхъ всей смѣты.

Пересматривая въ прошломъ году порядокъ и способъ, которымъ разные уѣзды употребляли свои деньги на народное образованіе, я приходилъ къ тому выводу, что господствовали четыре системы: 1) въ Данковскомъ уѣздѣ хотя училищъ было менѣе чѣмъ въ другихъ, но всѣ они были достаточно обезпечены; 2) Касимовскій распредѣлялъ свои средства по возможности на всѣ училища, существующія въ уѣздѣ; но такъ какъ средства были все же ограничены, то и на лучшія училища не всегда доставались нужныя суммы; 3) другіе уѣзды, какъ, напримѣръ, Сапожковскій, держались правила давать пособія соразмѣрно пожертвованіямъ самихъ обществъ; 4) Рязанскій уѣздъ предпочиталъ выдачу премій, т. е. наградъ учителямъ соотвѣтственно количеству приготовленныхъ каждымъ изъ нихъ учениковъ, принимая притомъ во вниманіе, какого возраста приготовленные ученики. Наконецъ, нѣкоторые уѣзды расходовали свои деньги безъ всякой системы, такъ сказать, зря. Отсутствіе системы встрѣчается, къ сожалѣнію, и въ нынѣшнемъ году. Ряжскій уѣздъ, въ которомъ въ три года обезпечена была только одна школа, а въ нынѣшнемъ году двѣ, занимался сверхъ того только покупкою книгъ; Спасскій—ограничился небольшими пособіями и закупкою книгъ; Раненбургскій выдалъ 350 руб. наградныхъ учителямъ, но соразмѣрно той суммѣ, которую расходовало на это дѣло каждое общество, слѣдовательно то что называлось наградою опредѣлялось наградою опредѣлялось не заслугами учителя, а смѣтою общества;—тамъ, гдѣ оно назначало большую сумму, тамъ и учителя получали большую награду, совершенно независимо отъ своихъ трудовъ и отъ успѣха учениковъ. Наконецъ, Рязанскій уѣздъ ограничился награжденіемъ нѣсколькихъ учителей, по усмотрѣнію лицъ осматривавшихъ училища,—отступивъ отъ предположенныхъ основаній. Нельзя не выразить крайняго сожалѣнія, что уѣздъ этотъ отказался отъ системы премій, одного изъ самыхъ разумныхъ способовъ поощренія учителей. Егорьевскій уѣздъ израсходовалъ всю свою

[1]) Кромѣ того, въ Касимовскомъ уѣздѣ назначено 225 руб. на стипендіи для приготовленія фельдшеровъ, вошедшіе въ смѣту на народное образованіе.

смѣту на книги, на награды ученикамъ и пособіе училищамъ, распредѣливъ эти пособія сообразно количеству учениковъ, которое находилось въ училищѣ въ теченіи всего года. Можно согласиться или нѣтъ со взглядомъ училищнаго совѣта въ этомъ случаѣ, но нельзя не признать здѣсь опредѣленнаго основанія, хотя число учениковъ и не могло бы, кажется, служить мѣриломъ заслугъ учителя. Необходимость положительныхъ правилъ и основаній для раздачи съ пользою наградъ и пособій доказалъ намъ Касимовскій уѣздъ. Но ярче всего она выразилась въ Зарайскомъ. Здѣсь видимъ самую крупную въ губерніи смѣту; этотъ уѣздъ назначаетъ уже, кажется 4-й или 5-й годъ, по 4.300 руб., изъ коихъ въ прошломъ году истрачено 3.800 руб.; отсутствіе системы въ расходованіи ихъ привело къ слѣдующимъ результатамъ: самыя лучшія училища Зарайскаго уѣзда получили по 1 руб. 80 коп. на ученика, хорошіе по 2 руб. и самые плохіе по 2 руб. 50 коп. Мнѣ кажется, что цифры эти по себѣ слишкомъ краснорѣчивы, чтобы нуждаться въ какихъ либо объясненіяхъ [1]).

Въ постановленіяхъ сентябрскихъ собраній текущаго года являются на будущее время слѣдующія системы: одни уѣзды принимаютъ на себя содержаніе училищъ постоянныхъ въ ограниченномъ числѣ; другіе принимаютъ долевое участіе въ содержаніи всѣхъ, назначая пособіе по тому количеству денегъ, которое каждое общество ассигнуетъ; третьи принимаютъ систему премій. Мнѣ кажется, что долевое участіе земства въ расходахъ несомыхъ каждымъ обществомъ, не всегда приводитъ къ правильному разрѣшенію вопроса. Противъ системы премій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ спорить нельзя, но она не можетъ составлять основанія всѣхъ пособій земскихъ; конечно можно и должно хорошему учителю дать награду, и выдавать ее по числу при-

---

[1]) По даннымъ полученнымъ мною впослѣдствіи и къ сожалѣнію не заявленнымъ въ Собраніи, такое распредѣленіе пособій имѣло слѣдующее основаніе: лучшія училища уѣзда находятся въ мѣстностяхъ болѣе зажиточныхъ, гдѣ населеніе скорѣе въ состояніи было обезпечить свои училища; усиливъ помощь свою бѣднымъ мѣстностямъ, училищный совѣтъ надѣялся поднять и тамъ уровень худшихъ училищъ. Но въ училищномъ дѣлѣ, какъ и въ жизни, не въ деньгахъ счастье. Цѣль не будетъ достигнута безъ снабженія училища единообразными учебниками, безъ руководства со стороны училищнаго совѣта и сближенія его съ обществомъ. Молодые люди изъ Зарайскаго уѣзда два года сряду занимали самое видное мѣсто на учительскихъ курсахъ и почти никто изъ нихъ не нашелъ себѣ пріюта въ Зарайскомъ уѣздѣ.

готовленныхъ имъ учениковъ—великолѣпное средство къ возбужденію его энергіи; но основывать всю систему пособій на этомъ одномъ, значитъ въ началѣ года отнимать у учителя или у бѣднаго общества возможность устраивать и вести хорошее училище. Награды могутъ быть назначены сами собой, но прежде всего трудъ долженъ быть оплаченъ. Насущный хлѣбъ нуженъ съ самаго начала ученья, а не по истеченіи года. Жить въ проголодь въ надеждѣ на будущую награду, такой подвигъ, котораго мы не вправѣ требовать отъ сельскихъ учителей.

Нынѣшній годъ отличается въ нашей губерніи отъ прошлаго тѣмъ, что вопросъ о народномъ образованіи почти во всѣхъ уѣздныхъ собраніяхъ обратилъ на себя серьезное вниманіе и подвергнутъ былъ серьозному обсужденію. Только Спасское, Рязанское и Ряжское земскія собранія ограничились заслушаніемъ отчетовъ членовъ училищнаго совѣта. Зарайскій училищный совѣтъ одинъ не благоволилъ представить свой отчетъ земскому собранію. Замѣчательно также, что 11-тъ уѣздныхъ совѣтовъ представили отчеты объ училищахъ земскимъ собраніямъ; въ губернскій же училищный совѣтъ поступило только 7 отчетовъ [1]). Если утѣшительно здѣсь доказательство особеннаго усердія къ дѣлу членовъ отъ земства, то печально уклоненіе совѣтовъ отъ земства, то печально уклоненіе совѣтовъ отъ исполненія закономъ возложенныхъ на нихъ обязанностей; оно лишаетъ губернскій совѣтъ возможности слѣдить за ходомъ народнаго образованія въ цѣлой губерніи.

Перехожу къ тѣмъ постановленіямъ уѣздовъ, съ которыми считаю своею обязанностію познакомить Собраніе.

Въ прошломъ году я заявилъ о передачѣ Пронскому земству Статсъ-Секретаремъ А. В. Головнинымъ—Гулынскаго училища съ обезпеченнымъ доходомъ 300 руб. въ годъ. Въ нынѣшнимъ году земство въ свою очередь назначило на это же училище 700 руб., такъ что Гулынскаго училища въ настоящее время получаетъ 1.000 руб. Съ такими средствами оно можетъ конечно стать чрезвычайно высоко и сохранитъ благодѣтельное вліяніе, которое имѣло доселѣ въ своей мѣстности и которое всегда достанетъ на долю хорошо обезпеченному и хорошо поставленному училищу. Теперь уже въ окрестностяхъ Гулынокъ открыто нѣсколько училищъ и въ нихъ преподаютъ бывшіе Гулынскіе уче-

---

[1]) Отъ училищныхъ совѣтовъ: Михайловскаго, Зарайскаго, Рязанскаго, Спасскаго, Касимовскаго, Данковскаго и Скопинскаго.

ники, являющіеся въ Александровское училище воспитанники Гулынскаго отличаются своими познаніями и развитіемъ. Затѣмъ Пронское земство на 23 училища ассигновало по 30 руб. пособія и открыло свой книжный складъ, изъ котораго книги доставляются училищамъ по дешевымъ цѣнамъ. Такіе склады существуютъ и въ Данковскомъ, Спасскомъ, Касимовскомъ и Сапожковскомъ уѣздахъ. Они имѣютъ двоякое значеніе: съ одной стороны оптовая покупка книгъ даетъ возможность продавать ихъ дешевле и вообще обезпечивать ими училища, съ другой, что еще важнѣе, вводятся единообразныя руководства въ училище и дается возможность для земства контролировать ихъ выборъ.

Раненбургскій уѣздъ, кромѣ премій учителямъ по числу воспитанниковъ, назначилъ преміи и учредителямъ, которые на собственныя средства будетъ открывать училища. Всѣ эти награды и преміи выдаются въ концѣ года, съ утвержденія собранія. Такимъ образомъ Раненбургскіе учителя будутъ въ теченіи года питаться только тѣмъ что имъ назначено обществомъ: это назначеніе будетъ индѣ достаточно, индѣ крайнѣ недостаточно. Треть суммы ассигнуемой земскимъ собраніемъ предоставляется членамъ училищнаго совѣта на единовременное пособіе открываемымъ училищамъ. Распложать такимъ путемъ училища, и не обезпечивать ихъ едвали удобно; казалось бы нужнѣе заботиться ихъ, едвали удобно; казалось бы нужнѣе заботиться о тѣхъ сперва, которыя существуютъ. Конечно опытъ покажетъ насколько эта система плодотворна и на будущее время Раненбургское собраніе вѣроятно подвергнетъ ее пересмотру.

Михайловскій уѣздъ ассигновалъ въ нынѣшнемъ году 800 р. на училища и 100 руб. на расходы училищнаго совѣта. Собраніе установило слѣдующія, условія для выдачи пособій: во 1-хъ, чтобы выдавалось въ видѣ пособія не болѣе половины той суммы, которая ассигнована самимъ сельскимъ обществомъ на свое училище и во 2-хъ, чтобы общество устроило достаточно свѣтлое и просторное помѣщеніе. На другія еще два условіе, я желаю обратить особенное вниманіе Собранія, какъ на условія крайне существенныя и полезныя. Михайловское Собраніе требуетъ, чтобы общество получающее пособіе отъ земства, предоставило училищному совѣту право назначать учителей и чтобы приговоры объ открытіи училищъ постановлялись на продолжительный срокъ, никакъ не менѣе какъ на три года. Этимъ послѣднимъ условіемъ земство обезпечено противъ не производительныхъ затратъ на училища, нынѣ существующія и завтра закрываемыя,

и училищное дѣло пріобрѣтаетъ нѣкоторую прочность. Ни въ одномъ уѣздѣ не приходила еще эта счастливая мысль Въ одномъ Данковскомъ— требовались отъ сходовъ приговоры на восьмилѣтній срокъ, но то было для открытія земскихъ училищъ, а ни какъ право на полученіе пособій.

Перехожу къ Касимовскому уѣзду. Объ немъ говорить и рано и больно. Рано потому, что дѣятельность его впереди еще не обрисовалась; больно потому, что въ постановленіяхъ Касимовскаго собранія либо кроется большая ошибка въ будущемъ, либо выражается сожалѣніе объ ошибкѣ въ прошломъ и о средствахъ потраченныхъ, по теперешнему мнѣнію уѣзда, не производительно. Вѣроятно члены Собранія помнять, что изъ 75 училищъ только 7 обезпечены были вполнѣ сторублевымъ пособіемъ и что были случаи, что жалованье учителя доходило до цифры 10 руб. въ годъ.

На послѣднемъ своемъ собраніи Касимовское земство круто покончило съ своей прежней системой—помогать всѣмъ, и изъ 75 училищъ отказало 33-мъ въ пособіи. Въ этихъ 33-хъ училищахъ, было 774 ученика, на нихъ общество потратило 291 руб., земство 840 руб. Такимъ образомъ каждое стоило всего 34 руб., и въ нихъ училось среднимъ числомъ по 23 мальчика. Эти училища находились въ мелкихъ поселкахъ, въ небольшомъ разстояній отъ крупныхъ селеній, гдѣ училищамъ сохранено и нынѣ пособіе отъ земства. Есть столько доводовъ противъ выдачи мелкихъ пособій такимъ училищамъ, которыя никогда не будутъ въ состояніи правильно организоваться, что нельзя осуждать послѣднихъ постановленій Касимовскаго собранія. Можно только выразить сожалѣніе, что при сдѣланномъ выборѣ нѣкоторыя училища лишились пособія отъ земства такъ напримѣръ: въ Ждановѣ, гдѣ при 70 руб. пособія на школу въ 46 учениковъ общество выстроило особый домъ для нихъ, гдѣ слѣдовательно и объемъ и средства позволили надѣяться на успѣхъ. У училища былъ также свой домъ въ Бобровѣ, при 60 ученикахъ, на которое давалось 105 руб. Помѣщеніе для училища было хорошее; находясь въ глухихъ мѣстахъ на сѣверо-востокѣ уѣзда, оно имѣло свою образовательную роль, и въ случаѣ несостоятельности заслуживало скорѣе дѣятельной поддержки и разумнаго руководства. Поправить эти училища было бы гороздо легче чѣмъ будетъ создавать ихъ вновь, что придется сдѣлать рано или поздно. Станемъ надѣяться, что земство не отвратить отъ нихъ своего вниманія. Отъ Касимовскаго училищнаго совѣта

зависитъ доказать намъ своею дѣятельностію въ текущемъ году, какіе плоды принесетъ измѣненіе въ системѣ училищнаго дѣла и насколько, прошу извинить выраженіе, насколько Касимовское земство добросовѣстно къ нему отнесется. Конецъ года покажетъ намъ состояніе училища, ихъ смѣту, успѣхи, число учениковъ; и тогда можно будетъ говорить о пользѣ новаго направленія. Намъ извѣстно сохранилъ ли Касимовскій уѣздъ свой складъ книгъ, такъ какъ въ журналахъ собранія нѣтъ ничего объ этомъ предметѣ. До сихъ поръ складъ былъ частный и потому можетъ во всякое время закрыться, но будетъ ли онъ замѣненъ земскимъ это вопросъ и вопросъ существенной важности. Точно также нельзя не пожалѣть о томъ, что Касимовскій уѣздъ рѣшился уничтожить впредь стипендіи [1]), назначенныя для приготовленія при уѣздномъ училищѣ лучшихъ изъ учениковъ въ сельскихъ школахъ къ должности сельскаго учителя. Вышедшіе такимъ образомъ изъ среды крестьянъ молодые Касимовскіе учителя отличаются развитіемъ и необыкновенною охотою къ своему дѣлу, но конечно ихъ еще недостаточное число. Уничтоженіе этихъ степендій нельзя не признать большою ошибкой. Въ итогѣ Касимовскій уѣздъ представляетъ намъ въ нынѣшнемъ году однѣ загадки, изъ дѣйствій его ясно виденъ только постепенный переходъ къ системѣ Данковскаго уѣзда.

Егорьевскій уѣздъ идетъ (кажется) инымъ путемъ, къ тому же результату—сокращенію числа училищъ. Въ прошломъ году сумма была израсходована на 1.350 руб., кромѣ 150 руб., назначенныхъ собраніемъ на разъѣзды членовъ совѣта. Эти 1350 руб., какъ я имѣлъ честь докладывать, кромѣ употребленныхъ на награды ученикамъ, на пособія и покупку книгъ, были распредѣлены между наставниками самимъ Собраніемъ, по числу учениковъ каждаго. Такое поощреніе усугубляло, само собой разумѣется, ихъ ревность. Что же ожидаетъ ихъ въ будущемъ году, когда изъ смѣты въ 1.350 руб. останется на нихъ только 450 р., такъ какъ 900 руб. получили другое назначеніе? Я долженъ по этому поводу доложить Собранію объ одномъ крайне утѣшительномъ событіи.

Высокопреосвященнѣйшій архипастырь нашъ, предполаетъ открыть въ Николо-Радовицкомъ монастырѣ среднее учебное заведеніе. Гдѣ же лучше монастыря могутъ соединиться условія для воспитанія? спокойствіе отъ дальнихъ заботъ, богатство ум-

---

[1]) Онѣ оставлены только на 1871 годъ.

ственныхъ средствъ и религіозное направленіе. Съ глубокою благодарностію привѣтствуемъ благое начинаніе Владыки! Передъ открытіемъ этого училища Его Высокопреосвященству угодно было обратится къ Егорьевскому собранію съ предложеніемъ назначитъ стипендіи для содержанія въ ономъ нѣсколькихъ воспитанниковъ. Собраніе сочувственно отвѣтило на это предложеніе, и назначило десять стипендій по 90 руб. каждую. Стипендіи эти предполагается кажется выдавать самымъ способнымъ и лучшимъ изъ тѣхъ мальчиковъ, которые поступятъ въ это заведеніе изъ сельскихъ училищъ, получая такимъ образомъ возможность продолжать далѣе свое воспитаніе. Не сочувствовать этому, конечно, нельзя. Но поддерживая этихъ не многихъ талантливыхъ людей, каждое оставлять безъ помощи всю массу, изъ которой они вышли? Назначенію этихъ 900 руб. можно было бы только радоваться, если бы они не были взяты изъ суммы назначаемой на сельскіе училища, если бы, поощряя среднее образованіе, Егорьевское земство не лишало низшаго всякихъ средствъ, не отнимало у сельскихъ училищъ того, и что они привыкли и были вправѣ расчитывать.

Скопинское собраніе дѣло народнаго образованія подвергнуло всестороннему обсужденію. Собраніе передало предположенія училищнаго совѣта на предварительное разсмотрѣніе особой комиссіи. Согласно съ ея заключеніями собраніе постановило увеличить смѣту до 3.000 руб., а именно: назначить учителямъ пособіе отъ 50 до 1000 руб., особыя суммы на награды дѣтямъ, на покупку учебниковъ и на открытіе новыхъ училищъ, обѣщая при томъ въ сихъ послѣднихъ жалованье учителямъ до 150 р., если общество съ свой стороны дасть одновременно 50 руб. и устроить хорошее помѣщеніе на 50 учениковъ въ центрѣ округа распространяющагося не болѣе двухъ верстъ во всѣ стороны. Наконецъ на Скопинскомъ собраніи былъ поднятъ гласнымъ Рыковымъ крупный вопросъ объ обязательномъ обученіи народа. Доклада по этому вопросу въ нашемъ собраніи еще не читали, но тѣмъ не менѣе, я надѣюсь, мнѣ позволено будетъ высказать свое мнѣніе, по этому предмету. Обязательное обученіе невозможно тамъ, гдѣ нѣтъ ни денегъ, ни школъ, ни учителей.

О недостаткѣ учителей говорить нечего; многіе уѣзды Рязанской губерніи по одной этой причинѣ съуживаютъ рамки своей дѣятельности и не расходуютъ сполна средствъ назначенныхъ на дѣло народнаго образованія. Но откуда взять самыя средства? Если принять содержаніе училищъ на счетъ земства или госу-

дарства, что для плательщиковъ все равно, то расходъ этотъ составитъ около 12.000.000 р. (по расчету кн. Васильчикова въ его книги о самоуправленіи) и вѣроятно даже до 18 милліоновъ. Конечно, съ увеличиніемъ образованія ростутъ и средства, и я нисколько не сомнѣваюсь, что эти 18 милліоновъ найдутся со временемъ; но при невозможности ассигновать сразу такую огромную сумму, мы не можемъ требовать открытія школъ вездѣ, и должны приступить къ дѣлу постепенно, по мѣрѣ матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ нашихъ; законъ объ обязательномъ обученіи былъ бы слѣд. невыполнимымъ т. е. излишнимъ. За тѣмъ, нужно еще знать на сколько обязательное обученіе принесетъ пользы. Для рѣшенія этого вопроса позвольте мне милостивые государи снова сослаться на трудъ кн. Васильчикова и указать на цифры приведенныя имъ. Вотъ что онъ пишетъ о способѣ народнаго образованія. „Объ успѣхахъ народнаго образованія надо судить не по числу училищъ и учениковъ, а потому общему и среднему уровню просвѣщенія, который съ помощью элементарнаго обученія и при содѣйствіи другихъ техническихъ и классическихъ учебныхъ заведеній устанавливается въ данной странѣ".

„Въ этомъ то отношеніи, самомъ существенномъ, Америка стоитъ положительно выше единственной своей соперницы, Сѣверной Германіи." Если подобные отвлеченные вопросы могутъ быть разрѣшены или по крайней мѣрѣ объяснены цифрами, то самая статистика подтверждаетъ сказанное нами; въ Пруссіи, *при обязательномъ обученіи учатся* изъ 1.000—145, въ Америкѣ *при вольномъ обученіи* изъ 1.000 жителей—171".

(О самоуправленіи, т. III гл. XIX стр. 64 изд. 1870 г.).

Перехожу къ своему Спасскому уѣзду. Въ прошломъ году я по многимъ обстоятельствамъ не могъ приняться за дѣло. И такъ какъ товарищи мои въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ почтили меня особымъ своимъ довѣріемъ, которое мнѣ не удалось оправдать, и предоставили преимущественно въ мои руки распоряженіе ассигнованными суммами, то за моимъ бездѣйствіемъ остановилось все дѣло. Уже по закрытіи послѣдняго уѣзднаго земскаго собранія въ сентябрѣ текущаго года, училищный совѣтъ принялся за устроеніе училищъ и выработалъ для нихъ правила, постановилъ ввести однообразныя книги во всѣ училища и открыть для нихъ склады, и за тѣмъ принять мѣру, которую я позволю себѣ рекомендовать и прочимъ уѣздамъ, или по край-

ней мѣрѣ обратить на все ихъ вниманіе. Не говоря уже о религіозномъ направленіи всего обученія—дѣло народнаго образованія невозможно безъ хорошаго преподаванія Закона Божія; поэтому Спасскій училищный совѣтъ постановилъ пригласить къ тому всѣхъ мѣстныхъ священниковъ и ассигновалъ имъ вознагражденіе въ размѣрѣ 30 р. Принципъ этотъ, принятый Спасскимъ уѣздомъ, мнѣ кажется, совершенно правильный. За тѣмъ Спасскій училищный совѣтъ постановилъ ассигновать значительное пособіе городскому училищу и открыть два крупныя въ уѣздѣ училища, вполнѣ обезпеченныя. Послѣднимъ постановленіемъ Спасскій уѣздъ, точно также какъ и Касимовскій, приближается къ Данковской системѣ.

Данковскій уѣздъ поднялъ свою смѣту съ 4.500 руб. на 5.933 р. и кромѣ того сельскія общества приплачиваютъ на содержаніе земскихъ училищъ 1.301 р. и даютъ помѣщеніе оцѣняемое въ 500 р. Развитіе земскихъ училищъ шло въ этомъ уѣздѣ слѣдующимъ образомъ: въ 1868 г. ихъ было открыто 8-мь, въ 1869 г. было ихъ 10-ть, въ 1870 г. 12-ть, въ 1871 будетъ 18-ть. Обращаю вниманіе собранія на быстрое увеличеніе числа учениковъ въ этихъ училищахъ, въ 1869 году приходилось только по 40 дѣтей на каждое, въ 1870 уже по 60, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ какъ о развитіи этихъ училищъ, такъ и о возрастающемъ довѣріи къ нимъ населенія. Не такъ въ частныхъ училищахъ: въ 1869 г. было 6-ть училищъ, съ двумя стами, и въ 1870 г. 16 училищъ, съ 400 учениковъ. Эти частныя и общественныя училища получаютъ отъ земства чрезвычайно ничтожное пособіе. Пособія эти такъ малы, что вмѣсто 800 р., которые были ассигнованы на этотъ предметъ въ 1870 г., училищный совѣтъ внесъ въ смѣту 1871 года только 400 р. Я долженъ объяснить собранію, какъ возникли нѣкоторые изъ этихъ частныхъ училищъ. Въ Данковскомъ уѣздѣ принято было за правило посылать на лѣтніе курсы молодыхъ людей изъ небольшихъ поселковъ слишкомъ ничтожныхъ для устройства въ нихъ училища. Эти молодые люди, возвращаясь домой, заводили училища на свои средства, получая иногда небольшую помощь отъ общества, и не поглащая такимъ образомъ земскихъ суммъ. Обученіе дѣтей стало домашнимъ зимнимъ промысломъ этой молодежи переходя лѣтомъ къ сохѣ и косѣ. Но подобныя училища могутъ устраивать только при существованіи другихъ, съ которыхъ бы они брали хорошій примѣръ, и только въ то время когда грамотность становится насущной или точнѣе сознанной потребностью крестьянъ. Земскія училища конечно стоятъ гораздо выше частныхъ, такъ

что ученики средняго отдѣленія первыхъ по развитію и познаніямъ равняются ученикамъ высшаго отдѣленія послѣднихъ. Но и тѣ и другія подвигаютъ дѣло народнаго образованія. Въ нынѣшнемъ году, какъ я уже сказалъ, предполагается учредить училищъ болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Данковскій училищный совѣтъ получилъ уже отъ пяти обществъ приговоры объ устройствѣ земскихъ училищъ, съ помѣщеніемъ отъ общества (которыя въ двухъ мѣстахъ уже строятся), съ ассигнованіемъ отъ 50 до 70 р. единовременно на классную мебель и съ обязательствомъ вносить ежегодно отъ 108 до 109 р. на школу—въ теченіе 8-милѣтняго срока. Училищный совѣтъ счелъ даже возможнымъ установить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ помощь отъ общества незначительна, сборъ съ каждаго ученика по 3 р. въ зиму. Замѣчательно, что въ хорошо организованныхъ земскихъ училищахъ, тѣ ученики, которые остаются отъ прежняго времени, являются помѣхою,—до того сильны слѣды, оставляемые на ихъ развитіи старыми способами обученія. Успѣхъ земскихъ училищъ, появленіе вокругъ нихъ частныхъ школъ,—такъ что общая цифра всѣхъ дойдетъ въ 1871 г. до 40, изъ коихъ 5 женскихъ,—вполнѣ указываютъ, мнѣ кажется, насколько вѣрно и правильно было начало, принятое Данковскимъ земствомъ для устройства училищной части. Быстрое развитіе дѣла изъ небольшого, правильно оргиназованнаго зерна можетъ возбудить во всѣхъ желаніе подражать Данковскому уѣзду, который для этого не жалѣлъ не столько средствъ, сколько хлопотъ и усилій. Ни одинъ еще уѣздъ до сихъ поръ не посылалъ по 22 слушателя заразъ на лѣтніе курсы. Изо всѣхъ почти являлись слушатели по собственной охотѣ, ни одинъ не обращалъ на ихъ выборъ серьезнаго вниманія, не соображалъ его, какъ Данковскій совѣтъ, съ потребностями различныхъ мѣстностей уѣзда. Наконецъ, въ Данковѣ много сдѣлано, чтобы поднять женское городское училище, и устроены вечернія занятія рукодѣліемъ для дѣвочекъ, посѣщаемыя съ большою охотою. За все это дѣло, конечно, нельзя не сказать глубокаго спасибо человѣку, который положилъ ему начало,—не сказать этого спасибо именно теперь, когда этотъ человѣкъ удалился отъ земской дѣятельности. Я говорю о князѣ В. Р. Долгорукомъ, бывшемъ предсѣдателѣ Управы и училищнаго совѣта въ Данковѣ. Онъ первый предложилъ Собранію устройство земскихъ училищъ, и съ его легкой руки пошли правильныя училища въ Данковскомъ уѣздѣ.

Въ то-же время дѣло народнаго образованія Рязанской губерніи понесло и другую чувствительную потерю; хотя она и не

касается прямо земства, но я считаю себя вправѣ говорить о ней. Бывшій инспекторъ Рязанскихъ училищъ Н. А. Трескинъ пробылъ въ нашей сферѣ всего только годъ и, къ сожаленію, долженъ былъ съ нами разстаться; но въ этотъ короткій срокъ онъ успѣлъ многое сдѣлать не столько осмотромъ болѣе 70 училищъ и снабженіемъ многихъ изъ нихъ книгами, сколько добрымъ совѣтомъ, въ которомъ онъ не отказывалъ земскимъ дѣятелямъ, постоянною готовностью раздѣлять ихъ труды, продолжительными бесѣдами со всѣми сельскими учителями, являющимися къ нему, которыхъ онъ оживлялъ своимъ теплымъ участіемъ и руководилъ своею опытностію. Сапожковскій, Спасскій, Ряжскій, Пронскій, Раненбургскій и Михайловскій уѣзды, конечно, не откажутъ ему въ искренней благодарности и не скоро забудутъ его задушевнаго отношенія къ дѣлу. Что онъ не могъ одинаковую услугу оказать въ одиннадцать мѣсяцевъ всей губерніи,— это естественно, но та помощь, которую онъ принесъ нѣкоторымъ, совѣты, которые онъ давалъ учителямъ, указанія, которыя онъ намъ оставилъ,—все это такая заслуга, которой ни одинъ членъ училищнаго совѣта, съ нимъ встрѣчавшійся, не вправѣ пройти молчаніемъ, и мы не можемъ не сожалѣть о дѣятелѣ, котораго судьба такъ рано вырвала изъ нашей среды.

Собраніе позволитъ мнѣ сказать по этому поводу нѣсколько словъ вообще объ отношеніяхъ земства, какъ я ихъ понимаю, къ правительственнымъ дѣятелямъ по части образованія. Дѣло училищное, какъ и всякое другое, требуетъ спеціальныхъ познаній, извѣстной подготовки; нельзя взять перваго встрѣчнаго хорошаго человѣка и поручить ему народное развитіе. Обращаться съ дѣтьми труднѣе, чѣмъ съ людьми взрослыми, и, конечно, труднѣе, чѣмъ обращаться съ отвлеченнымъ вопросомъ. Тутъ необходимъ совѣтъ опытнаго спеціалиста. Усерднѣйшій земскій дѣятель не можетъ исполнить эту обязанность, не запасшись особыми свѣдѣніями и не познакомившись съ пріемами начальнаго обученія.

Съ другой стороны—дѣло народнаго образованія настолько важно, что правительство не можетъ выпустить его изъ рукъ, не можетъ отказаться отъ постояннаго и близкаго наблюденія за развитіемъ народа.

Совокупная-же дѣятельность правительственнаго и земскихъ органовъ, кажется мнѣ, вполнѣ возможной и осуществимой, если только правительство приметъ на себя высшій надзоръ и руководство и оставитъ земству всю мѣстную, такъ сказать, черную

работу. Министерству народнаго просвѣщенія видна не одна Рязанская губернія,—оно можетъ замѣтить такія явленія, которыхъ въ нашей сферѣ дѣйствій не встрѣчалось. Оно высказало, напримѣръ, заботу о томъ, что многіе уѣзды, ассигновавъ суммы на пособіе и содержаніе училищъ, по разнымъ обстоятельствамъ бываютъ не въ состояніи выполнить свою смѣту, вслѣдствіе чего учителя остаются безъ содержанія, училище безъ книгъ и дѣти безъ возможности учиться. Хотя подобныхъ случаевъ не было въ Рязанской губерніи,—сколько мнѣ извѣстно, однако для насъ крайне важно устранить и самую возможность ихъ, и обезпечить правильную дѣятельность принятыхъ (сполна или частію) на счетъ земства училищъ—этихъ мастерскихъ, гдѣ вырабатываются народныя нравственность, наклонности и разумъ. Поэтому я предложилъ-бы Собранію уполномочить Губернскую Управу приходить на помощь ссудами тѣмъ уѣздамъ, которые не въ состояніи выполнить въ теченіе года своихъ училищныхъ смѣтъ (конечно, смѣтъ, утвержденныхъ уѣзднымъ собраніемъ). Само собой разумѣется, что уѣздъ, получивши такую ссуду и не возвративши ее своевременно Губернской Управѣ, не вправѣ будетъ пользоваться вторично такой льготой.

Возвращаюсь, милостивые государи, къ тѣмъ системамъ, которыя приняты разными земствами по дѣлу народнаго образованія. Во 1-хъ,—система наградъ и премій, т. е. поощреніе учителей по исполненіи ихъ годичнаго подвига; во 2-хъ,—починъ крестьянскихъ обществъ и долевое участіе земства въ содержаніи училищъ, т. е. пособія, назначаемыя съ начала года въ извѣстной соразмѣрности къ той суммѣ, которую само общество ассигновало на училище; и въ 3-хъ,—починъ земства. Система наградъ, оставляя училище и учителя въ теченіе цѣлаго года безъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію, не обезпечиваетъ дѣла народнаго образованія. Остаются двѣ системы: починъ общества и починъ земства. Первая требуетъ, чтобы общества сами назначали извѣстныя суммы на училища и только тогда ожидали пособія отъ земства. Размѣръ этого пособія по уѣздамъ опредѣляется разно: въ однихъ—половина, въ другихъ—треть ассигнованной обществомъ суммы; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ училищный сборъ долженъ достигать опредѣленныхъ размѣровъ (такъ въ Сапожковскомъ уѣздѣ 10 к. съ души), чтобы давать право на земское пособіе. Во всякомъ случаѣ, первое условіе,—чтобы сельское общество само дошло до сознанія въ необходимости грамоты и просвѣщенія, и тогда только явится помощь отъ земства. Но позвольте, милостивые государи, поставить два вопроса: кто уста-

новляетъ этотъ общественнший сборъ, и кому нуженъ этотъ расходъ?—Назначаетъ сборъ сельскій сходъ, состоящій изъ членовъ большею частію неграмотныхъ и съ невѣжествомъ которыхъ школа именно и должна бороться. А невѣжество въ томъ и состоитъ, чтобы не сознавать необходимости образованія. Кому нужна школа, кто въ ней будетъ учиться? Не члены сходовъ, а дѣти; но дѣтей не пускаютъ на сходъ, и они въ его постановленіяхъ не участвуютъ. Кромѣ дѣтей, кому еще нужно образованіе? Конечно, не безграмотнымъ отцамъ; конечно, прежде всего—земству. Безъ народнаго образованія для насъ, земскихъ дѣятелей, нѣтъ твердой почвы;—все построенное нами стоитъ на пескѣ. Неужели судьбу того, что намъ необходимо, предоставимъ мы на добрую волю тѣхъ людей, чью необразованность мы сознаемъ сами? Разумно-ли будетъ въ этомъ случаѣ брать примѣръ съ другихъ странъ, напримѣръ, съ Америки и съ Пруссіи, гдѣ училища, повидимому, составляютъ заботу мѣстныхъ жителей? Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ ученіе не обязательно; но тамъ законъ при заселеніи пустырей отдѣлялъ на дѣло народнаго образованія извѣстное пространство земли, такъ что въ настоящее время училищную собственность составляютъ тамъ 22 милліона десятинъ. Кромѣ дохода, съ этой собственности правительство Соединенныхъ Штатовъ ассигнуетъ ежегодно на эту-же потребность проценты съ капитала въ 36 милліоновъ руб. сер. [1]), изъ коихъ назначаетъ пособія обществамъ. Такимъ образомъ, общество, имѣя обезпеченіе на школы, открываетъ ихъ прежде, чѣмъ дѣлаетъ на себя налогъ. Просвѣщеніе постепенно привело къ тому, что общество уже само дорожитъ училищемъ и заботится о немъ. Но что такое общество въ Штатахъ, изъ кого оно состоитъ?—Вы замѣчаете, милостивые государи, что мы приходимъ къ вопросу, который уже не разъ былъ возбуждаемъ въ настоящемъ нашемъ собраніи. Общество въ Штатахъ состоитъ изъ всѣхъ мѣстныхъ жителей, какъ людей образованныхъ, такъ и необразованныхъ. Вліяніе первыхъ, конечно, значительно возбудитъ общество къ пожертвованіямъ на дѣло образованія. А изъ кого у насъ состоятъ сходы? Возможно-ли тутъ сравненіе? Когда явится у насъ та мелкая земская единица, на которую указывала Губернская Управа, тогда только возможно будетъ развитіе нашей общественной жизни. Когда въ эту мелкую единицу войдутъ образованные люди, тогда можно будетъ отдать въ ея руки судьбу училища. Въ настоящее-же время кто долженъ замѣнить ее?..

---

[1]) О самоуправленіи, кн. Васильчикова, т. III, ч. XIX, стр. 50, изд. 1870 г.

Одинъ изъ гласныхъ нашего Собранія возставалъ противъ мелкой единицы на томъ основаніи, что во всякой земской единицѣ меньше теперешняго уѣзда будетъ слишкомъ мало нравственныхъ и умственныхъ силъ; что только въ уѣздѣ сосредоточивается ихъ довольно, чтобы разумно вести общественное дѣло. Такъ, пускай-же наименьшая разумная единица наша—уѣздное земское собраніе и возьметъ въ свои руки дѣло народнаго образованія. Примѣръ Данковскаго земства даетъ намъ право надѣяться на успѣхъ. Тогда только могутъ училища ожидать постояннаго обезпеченія ихъ существованія, тогда только устроятся центры, изъ которыхъ распространится по всему краю свѣтъ просвѣщенія, точно также какъ въ Пронскомъ уѣздѣ возникаютъ мелкія школы въ рукахъ воспитанниковъ Гулынскаго училища, и какъ въ Данковскомъ грамотные крестьяне открываютъ свои маленькія дешевыя школы вокругъ крупныхъ земскихъ училищъ.

Возвращаясь къ ходатайству Скопинскаго собранія, слишкомъ важному, чтобы спѣшить рѣшать его; присоединяясь къ его основной идеѣ о необходимости имѣть для училищъ твердое основаніе, я-бы желалъ нѣсколько измѣнить сдѣланное предложеніе и представить его въ слѣдующемъ видѣ, не столько обременительномъ для страны и оставляющемъ вопросъ въ кругѣ нашей земской дѣятельности. Для того, чтобы просвѣщеніе или, по крайней мѣрѣ, грамотность равномѣрно распространялась по всей губерніи, чтобы жителямъ всѣхъ поселковъ открыть постепенно возможность обучить своихъ дѣтей и чтобы въ то-же время сохранить земству постоянный надзоръ за училищами,—имѣю честь предложить Собранію: вмѣнить въ обязанность каждому уѣзду открывать по одному училищу, на первый разъ—хотя-бы на каждые 30 тысячъ жителей (мужского и женскаго пола), и содержать его на счетъ земства. По принятой здѣсь нормѣ—училища эти распредѣлялись-бы слѣдующимъ образомъ по уѣздамъ (полагая въ то число и городскія): въ Данковскомъ, въ Егорьевскомъ, въ Зарайскомъ, въ Михайловскомъ, Пронскомъ и Ряжскомъ—по три училища, въ Раненбургскомъ, въ Касимовскомъ, въ Сапожковскомъ, въ Скопинскомъ, въ Спасскомъ—по четыре, въ Рязанскомъ—5, всего—43 училища. Отъ каждаго уѣзда зависѣло-бы выбирать наиболѣе удобныя мѣстности для открытія этихъ училищъ и входить съ населеніемъ во всякія по этому предмету соглашенія; но опредѣленная сумма на каждое училище должна стоять на уѣздной смѣтѣ. Вчера мнѣ попались правила, составленныя Александровскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ Екатеринославской губерніи; тамъ вычислено, что для хорошаго учителя нужно жалованья не менѣе 400 руб.;

но мнѣ кажется, что въ нашей мѣстности и въ началѣ дѣла достаточно опредѣлить и 200 руб., какъ наименьшій размѣръ; затѣмъ 100 руб. на необходимыя расходы по училищу, итого 300 руб. Такимъ образомъ, смѣта каждаго уѣзда на эти обязательныя для него училища составитъ отъ 900 руб. до 1500 руб.; нѣтъ ни одного уѣзда, который не вносилъ-бы уже требуемой на это суммы въ свою смѣту, слѣдовательно,—обремененія ихъ смѣтъ не будетъ. Но за-то средства будутъ распредѣлены правильнѣе, затрата станетъ производительнѣе.

Позволю себѣ указать на будущую выгоду, хотя второстепенную, отъ такой мѣры. Александровское училище дастъ такихъ учителей, которые по развитію и познаніямъ, конечно, всегда достанутъ себѣ кусокъ хлѣба и при 50 или 70 руб. жалованья не останутся долго учителями; а между тѣмъ они, конечно, охотно сохранятъ почетное званіе, къ которому готовятся, если только найдутъ въ немъ достаточное обезпеченіе. Открытіе нѣсколькихъ училищъ въ каждомъ уѣздѣ на предложенныхъ мною началахъ укрѣпило-бы за нами ихъ полезную дѣятельность.

Итакъ, милостивые государи, доложивъ вамъ, что сдѣлали разные уѣзды по дѣлу народнаго образованія, я позволю себѣ вывести изъ всѣхъ этихъ данныхъ два результата, предложивъ вамъ двѣ мѣры, которыя, по моему мнѣнію, могутъ принести существенную пользу дѣлу народнаго образованія въ Рязанской губерніи. Первая мѣра—это уполномочить Губернскую Управу на ссуды уѣзднымъ управамъ или училищнымъ совѣтамъ на выполненіе утвержденныхъ уѣздами смѣтъ по народному образованію и вторая мѣра—обязательное для уѣздовъ открытіе по одному училищу на каждыя 30 тысячъ жителей съ содержаніемъ каждаго отъ земства въ 300 рублей.

№ 1.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ начальныхъ, городскихъ и сельскихъ училищъ въ Рязанской губерніи.

Названіе уѣздовъ.	Въ 186⁸/₉ году.		Въ 18⁶⁹/₇₀ году.	
	Число училищъ.	Число учащихся обоего пола.	Число училищъ.	Число учащихся обоего пола.
Данковскій	16	623	28	1014
Егорьевскій	27	1082	30	1378
Зарайскій	56	2134	59	2108
Касимовскій	67	2763	75	2323
Михайловскій	17	609	22	870
Пронскій	21	929	25	около 930
Раненбургскій	12	458	11	374
Рязанскій	57	2059	45	1539
Ряжскій	17	658	18	780
Сапожковскій	31	1234	35	1425
Скопинскій	29	1004	39	804
Спасскій	40	1727	36	1795
Итого . .	390	15280	423	15340

№ 2.

ВѢДОМОСТЬ

о смѣтахъ на народное образованіе по Рязанской губерніи въ 1871 году.

Названіе уѣздовъ.	Итогъ уѣздной смѣты.		Назначено на народное образованіе.		Процентное отношеніе.
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	
Данковскій	39478	81	5933	02	15
Егорьевскій	44669	18	1550	—	3½
Зарайскій	44449	16	4323	32	9½
Касимовскій	46988	28	4725	—	10
Михайловскій . . .	29159	80	900	—	3
Пронскій	32630	—	1760	—	5½
Раненбургскій . . .	58355	64½	1000	—	1¾
Рязанскій	68114	61	2000	—	почти 3
Ряжскій	56263	37½	1400	—	2½
Сапожковскій . . .	73832	48½	4500	—	6½
Скопинскій	45630	—	3000	—	6½
Спасскій	41550	—	4000	—	9½
Итого. .	581121	34½	34831	34	6

Примѣчаніе. Сверхъ того, изъ смѣтнаго періода 1870 года до 4 т. руб. употреблено на покрытіе училищныхъ потребностей въ 187⁰/₁ учебномъ году;— и, сверхъ того, Касимовскимъ уѣзднымъ собраніемъ ассигновано 1500 руб. въ дополненіе къ суммѣ, назначенной городомъ на прогимназію, если таковая открыта будетъ въ Касимовѣ министромъ народнаго просвѣщенія.

18 70/71 годъ.

На послѣднемъ очередномъ Собраніи одинъ изъ гласныхъ,—чьему теплому слову, служившему мнѣ наградой и ободреніемъ, не раздаваться теперь среди насъ,—выражалъ опасеніе, что оживленные споры по поводу моихъ докладовъ не отбили у меня охоты продолжать начатое дѣло. Конечно, не это-бы меня остановило; на борьбу, лицомъ къ лицу съ противникомъ, русскій человѣкъ всегда охотно идетъ. Но другое дѣло, когда не враги, а друзья покидаютъ насъ,—когда училищные совѣты, которыхъ дѣйствіе я думалъ объединить, представляя Губернскому собранію общій сводъ изъ ихъ отчетовъ, которымъ я думалъ оказать услугу, становясь какъ-бы посредникомъ между ними; когда уѣздные дѣятели по части народнаго образованія уклоняются отъ гласности, которой, я полагалъ, что они искали, я поневолѣ долженъ притти къ убѣжденію, что я ошибался.

Въ Губернскій Училищный Совѣтъ представлено только четыре отчета отъ совѣтовъ: Егорьевскаго, Михайловскаго, Скопинскаго и Спасскаго. Только въ восьми [1]) уѣздахъ члены отъ земства въ училищныхъ совѣтахъ представляли собраніямъ свои отчеты; но въ двухъ [2]) изъ нихъ нѣтъ почти никакихъ фактическихъ данныхъ, а другіе два [3]) не сообщены Губернской Управѣ журналами собраній. Въ 4-хъ-же уѣздахъ: Касимовскомъ, Сапожковскомъ, Рязанскомъ и Сапожковскомъ—такихъ отчетовъ какъ-бы не бывало. Между тѣмъ время и вниманіе, которыя большая часть собраній посвятила вопросу о народномъ образованіи, доказываютъ, что его еще не разлюбили и что значеніе его растетъ, напротивъ, съ каждымъ годомъ. Отчего-же слабѣетъ дѣятельность училищныхъ совѣтовъ, или почему прячутъ они ее?—Одинъ изъ глубочайшихъ нѣмецкихъ мыслителей говорилъ, что пока человѣкъ бодрствуетъ, у него міръ—общій со всѣми людьми; когда онъ засыпаетъ,—у него является свой особый міръ. Не мѣшало-бы намъ помнить это и въ земскомъ дѣлѣ—обособленіе вѣрный признакъ сна. Дѣлать нечего, ограничусь бѣглымъ перечнемъ постановленій уѣздовъ и позволю себѣ только остановить вниманіе ваше, г.г., на двухъ изъ наличныхъ докладовъ уѣздныхъ совѣтовъ.

---

[1]) Данковскомъ, Егорьевскомъ, Зарайскомъ, Михайловскомъ, Ряжскомъ, Скопинскомъ, Спасскомъ и Раненбургскомъ.

[2]) Михайловскомъ и Ряжскомъ.

[3]) Зарайскій и Скопинскій.

Изъ полученныхъ отъ Егорьевскаго земства на сельскія училища 450 р. училищный совѣтъ употребилъ 330 р. 93 к. на покупку книгъ (которыя куплены и разосланы Управою по училищамъ) и 55 р. на отпечатаніе похвальныхъ листовъ и на кумачныя рубашки лучшимъ ученикамъ. Затѣмъ Егорьевское собраніе обратило на пособіе наставникамъ 900 руб., назначенныхъ на училище при Радовицкомъ монастырѣ, которое не открыто въ истекшемъ году, и приняло на себя,—за что ему великое спасибо,—снабженіе классными принадлежностями училища въ с. Маливахъ, гдѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ пожаръ уничтожилъ училищное зданіе съ богатой библіотекой (болѣе 600 книгъ). Утѣшительное явленіе представляетъ и двухклассное, хорошо обезпеченное училище, содержимое въ Егорьевскѣ почетными гражданами г.г. Хлудовыми.—Спасскій уѣздъ продолжаетъ примѣняться къ системѣ Данковскаго и постановилъ открывать ежегодно понѣскольку земскихъ училищъ. Пронскій—отказалъ на первую половину 1872 года въ въ пособіи всѣмъ училищамъ, кромѣ Городского и Гулынскаго, но постановилъ съ сентября 1872 года возвысить жалованье учителей во всѣхъ 22 училищахъ уѣзда до нормы 240 р., подъ условіемъ, чтобы общества давали удобныя помѣщенія для классовъ и чтобы училища открыты были лицамъ всѣхъ сословій; наконецъ, поручено Управѣ представить къ будущему Собранію проектъ ремесленнаго училища; смѣта его на 1872 г. составляетъ 2830 р., на 1873 г. она составитъ 6350 р., если нынѣшнее постановленіе не подвергнется измѣненію.

Рязанскій уѣздъ устраиваетъ 5 училищъ, принимая ихъ вполнѣ въ свое распоряженіе и на свой счетъ и назначая на каждое до 400 р., въ томъ числѣ 200 р. на жалованье учителю, но при этомъ сразу лишаетъ всѣ прочія свои училища всякаго пособія.

Ряжское и Сапожковское собранія постановили также открыть: первое—2, второе—4 обезпеченныхъ училища, войдя объ этомъ въ соглашеніе съ крестьянскими обществами и доплачивая учителю къ получаемому имъ жалованью столько, чтобъ оно составило въ Ряжскѣ 200 р., въ Сапожкѣ 240 р. Устроить это предоставлено управамъ и совѣтамъ изъ запасныхъ капиталовъ, къ коимъ причислялись не употребленные въ прежніе года остатки отъ училищныхъ смѣтъ. На будущій годъ оба уѣзда остались при прежнихъ смѣтахъ.

Въ прошломъ году я нѣсколько ошибся, обвинивъ Зарайскій уѣздъ въ отсутствіи всякой системы. Свѣдѣнія у меня подъ ру-

ками были неполныя, въ чемъ, впрочемъ, отчасти виноватъ былъ и самъ Зарайскій училищный совѣтъ. У него былъ обдуманный планъ, и держался онъ опредѣленныхъ правилъ, правда, довольно сложныхъ, но именно потому, что ему приходилось бороться съ застарѣлыми мѣстными привычками и что онъ съ трудомъ выбивался на торную дорогу. Въ нынѣшнемъ году онъ на нее вышелъ, и Собраніе постановило: выдавать отъ земства отъ 200 до 250 р. жалованья учителю, знакомому съ улучшенными способами преподаванія, тамъ именно, гдѣ общество, съ своей стороны, доставитъ для училища удобное и просторное помѣщеніе. Смѣта осталась прежняя, но изъ зачисленныхъ въ запасный капиталъ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ назначена довольно крупная сумма, такъ что до двухъ тысячь отложено на устройство современемъ центральнаго училища въ селѣ Гавриловскомъ, гдѣ домъ упраздненной почтовой станціи поступилъ въ вѣдѣніе земства; такую-же сумму разрѣшено совѣту употребить на пособіе школамъ въ 1871 г., хотя и не удовлетворяющимъ вновь постановленнымъ условіямъ, и болѣе четырехъ тысячъ рублей—на устройство 1872 г., какъ выше сказано, хорошо обставленныхъ училищъ.

Въ одной крестьянской семьѣ Скопинскаго уѣзда была грамотная женщина. По ея настоянію старшій сынъ обученъ былъ грамотѣ. Отецъ умеръ, оставивъ на рукахъ матери, кромѣ этого старшаго, еще двухъ парней, которыхъ мать благословила не только учиться въ приходскомъ училищѣ, но и итти далѣе въ среднее и высшее учебное заведеніе. Одинъ изъ нихъ составилъ себѣ имя и стоитъ въ ряду извѣстнѣйшихъ медиковъ въ Россіи. Выступая нынѣ на поприще общественной земской дѣятельности, старшій братъ, гласный отъ крестьянъ, г. Боковъ, ставитъ своей опочившей матери памятникъ, какого лучшаго не поставить никому; въ память той, чья разумная любовь указала сыновьямъ путь къ образованности въ тѣ времена, когда еще не всѣ просвѣщенные люди умѣли цѣнить ее, г. Боковъ открываетъ въ своемъ домѣ училище для дѣвочекъ,--чтобы помнили и чтили грамотную мать всѣ дѣвочки Скопинскаго уѣзда, которыя ей будутъ обязаны открытіемъ женскихъ сельскихъ училищъ и которыя вмѣстѣ съ нами помолятся объ упокоѣ души ея въ ликѣ Того, Кто обѣщалъ насытить всѣхъ алчущихъ и жаждущихъ правды.

Примѣръ г. Бокова увлекъ Скопинское собраніе. Не отказывая въ удовлетвореніи потребности учиться тамъ, гдѣ она уже проявилась, собраніе ассигновало тысячу рублей на награды и пособія прежнимъ училищамъ, прося только училищный совѣтъ

нѣсколько строже относиться къ онымъ и постепенно возвышать свои требованія. Но рядомъ съ тѣмъ оно открываетъ свои собственныя училища, обезпеченныя и благоустроенныя, и кладетъ твердое основаніе народному обученію. На первый годъ оно открываетъ три училища для мальчиковъ—въ селахъ Павловскомъ, Дымовѣ и Кушинѣ и одно для дѣвочекъ—въ подгороднемъ селѣ Кельцахъ, въ домѣ, пожертвованномъ и устроенномъ г. Боковымъ. На первыя три земство строитъ хорошія дома (десятиаршинный классъ и такую-же квартиру для учителя, соединенные сѣнями, при этомъ—огородъ) и постановило открывать свои училища не иначе, какъ въ подобныхъ помѣщеніяхъ. На постройку каждаго назначено впредь по 700 руб., итого 2100 р., на содержаніе каждаго по 300 руб.; кромѣ платы законоучителямъ, учителямъ назначено жалованье 200 р., учительницамъ, къ сожалѣнію, только 150 р. Наконецъ, гласный Лихачевъ, пожертвовавшій десятину земли на одно изъ помянутыхъ училищъ въ с. Куминѣ, строитъ тамъ-же, на своей усадьбѣ, другое училище для дѣвочекъ. Выборъ этихъ пунктовъ чрезвычайно удаченъ. Вмѣстѣ съ двухклассным образцовымъ училищемъ, открытымъ въ Павелецѣ, и съ хорошо обезпеченными и хорошо поставленными училищами въ имѣніяхъ г. Мусина—Пушкина, они расположились по цѣлому уѣзду широкимъ поясомъ вокругъ Скопина, представляя всему населенію образцы хорошихъ училищъ. Включая 300 рублей на учебныя пособія, 100 р. на награды ученикамъ и 250 р. на училищный совѣтъ, вся смѣта уѣзда возросла до 5000 р. Такъ какъ предполагается ежегодно употреблять тѣ-же 2100 р. на постройку училищныхъ домовъ, то матеріальная сторона училищъ въ Скопинскомъ уѣздѣ твердо обезпечена.

Пожелаемъ ему отъ всей души такого-же успѣха и въ нравственной постановкѣ дѣла.

При этихъ перемѣнахъ было въ виду у всѣхъ почти уѣздовъ близкій выпускъ учителей изъ Александровскаго училища и подготовленіе имъ мѣстъ. Доброе сѣмя начинаетъ пускать свои ростки.

Михайловскій уѣздъ не увлекся общимъ движеніемъ и попрежнему остался самобытенъ. Онъ устраиваетъ одно училище на земскія средства и назначаетъ на него до 900 руб. Предполагается открыть это училище въ селѣ Попадьинѣ, на большой Рязанской дорогѣ, среди населенія развитаго и уже очень грамотнаго, охотно отдающаго ненужныя ему каменныя строенія въ распоряженіе земства. Село это приходится, приблизительно, на

линіи, пересѣкающей Михайловскій уѣздъ, съ сѣверо-востока на юго-западъ (черезъ Попадьино и Виленки), и отдѣляющей южную половину, гдѣ сосредоточены всѣ его училища, отъ сѣверной, гдѣ нѣтъ ни единаго. Причины, руководившія рѣшеніемъ Михайловскаго собранія, намъ неизвѣстны, и мы ждемъ отъ любезности Михайловскихъ гласныхъ разъясненія ихъ. Изъ смѣты за истекшій годъ израсходовано по отчету училищнаго совѣта 288 руб. 50 к. Раненбургскій уѣздъ остался при своей скромной смѣтѣ въ 1000 р., но распорядился ею вполнѣ практично, усиливъ ее, впрочемъ, полутора тысячами, позаимствованными изъ запаснаго капитала. На свои десять общественныхъ училищъ (два училища существуютъ на частныя средства) онъ назначилъ по 121 руб., обезпечивъ сперва существованіе ихъ положительными условіями съ каждымъ обществомъ, въ которыхъ даже оговорена неустойка со стороны общества—на случай несвоевременной уплаты учителю жалованья, достигающаго почти вездѣ ста двадцати рублей. Добавочныя земскія деньги распредѣлены такъ: на книги около 35 р., на счеты и доски и прочія пособія 20 р., учителю 48 р. и законоучителю 18 р., но послѣднія всѣ суммы предоставлено училищному совѣту распредѣлять между наставниками,—по ихъ заслугамъ и потребностямъ. Новыя училища предоставлено совѣту открывать, и ихъ открыто уже два, расходуя такую-же сумму на каждое, но только тамъ, гдѣ населеніе отнесется сочувственно къ дѣлу и приметъ участіе въ содержаніи училища. Наконецъ, для осуществленія болѣе дѣятельнаго надзора за училищами, назначено по числу ихъ до 15 руб. за каждое на разъѣзды членовъ училищнаго совѣта. Собраніе отнеслось довѣрчивѣе къ своему училищному совѣту и отмѣнило правила, постановленныя въ прошломъ году и стѣснявшія донельзя его дѣятельность. Недаромъ, впрочемъ, досталось это довѣріе.

Данковскій уѣздъ спокойно идетъ своей дорогой и развиваетъ свое дѣло на прежнихъ началахъ. Нынѣ онъ раздѣлилъ земскія училища на два разряда, отнеся въ первый 16 нынѣ существующихъ и 2 уже устраиваемыя, оставя за ними обѣщанныя земствомъ пособія; всѣ-же вновь открываемыя будутъ причисляться ко второму разряду, и управѣ предоставлено договариваться на счетъ содержанія ихъ съ обществами, смотря по обстоятельствамъ, не стѣсняясь прежде постановленными правилами, слишкомъ льготными для крестьянъ. Эта мѣра вызвала была большимъ числомъ просьбъ объ открытіи вновь земскихъ училищъ. Въ то-же время собраніе приступило серьезно къ

устройству училищныхъ помѣщеній и дало совѣту прямо средства на перестройку двухъ, предоставивъ въ его распоряженіе на тотъ-же предметъ и случайные остатки отъ училищной смѣты. Затѣмъ, уже является мысль о расширеніи объема преподаванія въ Данковскомъ уѣздѣ, и собраніе ходатайствуетъ о преобразованіи одного изъ своихъ земскихъ училищъ въ двухклассное образцовое съ ремесленнымъ классомъ и выбрало превосходно подходящую къ тому мѣстность въ селѣ Мураевнѣ, гдѣ добыча каменнаго угля скоро разовьетъ въ населеніи потребность въ промышленныхъ свѣдѣніяхъ.

Общая цифра уѣздныхъ земскихъ училищныхъ смѣтъ на народное образованіе доходитъ на 1872 годъ до 40.260 р., около 7% общаго итога всѣхъ смѣтъ, на 5.400 руб. болѣе, чѣмъ въ 1871 г.; по уѣздамъ эта пропорція колеблется между $1^1/_2$% въ Раненбургѣ и 18,5% въ Данковѣ. Приводя эти цифры, я долженъ, впрочемъ, оговориться. Считаю нужнымъ отмѣчать ихъ, чтобы онѣ могли современемъ служить точкой сравненія и въ нѣкоторомъ смыслѣ указателемъ развитія этого вопроса въ каждомъ уѣздѣ порознь, такъ сказать, лѣтописью для его внутренней жизни, безъ всякаго желанія проводить между ними сравненія. Я, можетъ быть, слишкомъ увлекался прежде цифрами и давалъ имъ слишкомъ много значенія. Опытъ указалъ мнѣ, что суть въ томъ, какъ распоряжаться средствами, но чтобы распоряжаться, надо, конечно, чтобы было чѣмъ.

А что въ обдуманномъ и послѣдовательномъ распоряженіи средствами настоитъ крайняя необходимость, тому полное доказательство почерпаемъ мы въ журналахъ нынѣшнихъ собраній и особенно въ описаніи Раненбургскихъ училищъ, сдѣланныхъ членомъ училищнаго совѣта, княземъ Волконскимъ. Ярко очерчена тамъ картина начальнаго народнаго училища, лишеннаго руководства и теплаго участія просвѣщеннаго человѣка, школы, гдѣ не на что сѣсть, не на чемъ писать, не по чему читать, гдѣ (что, впротемъ, не замѣчено, кажется, въ Раненбургскомъ уѣздѣ) урокъ прерывается наказаніемъ розгами, производимымъ по приговору волостного суда въ сѣняхъ училища, помѣщеннаго въ одномъ зданіи съ волостнымъ правленіемъ. Возьмемъ, напримѣръ, описаніе школы въ мѣстности, самой богатой по училищамъ въ Раненбургскомъ уѣздѣ, отъ которой, слѣдовательно, можно ожидать, что она уже строже относится къ дѣлу. „Въ школѣ села Пителина я засталъ 6 учениковъ; говорятъ, что еще 15 ходятъ въ школу. Это, говорятъ, обыкновенный гости-

нецъ, подносимый всякому въ училищѣ, давно заброшенномъ, или куда можетъ быть не заглядывалъ еще глазъ постороннятo человѣка. Помѣщеніе школы въ наемной крестьянской избѣ,— вмѣстѣ съ семействомъ хозяина, состоящимъ изъ 4-хъ душъ, и вмѣстѣ съ его курами; клохтанье и летаніе по избѣ курѣ и шумное посѣщеніе хозяина гостями (случившееся и при мнѣ); конечно, плохіе помощники въ классныхъ занятіяхъ. Учителю, крестьянину Гавріилу Иванову Калинину, назначено отъ 464 душъ крестьянъ 107 р., но за эту плату онъ обязанъ исправлять и должность писаря въ 4-хъ сельскихъ обществахъ. Впрочемъ, деньги эти уплачиваются весьма неисправно; со второй половины прошлаго года ихъ не поступило еще ни копейки. Учебныхъ пособій въ школѣ никакихъ нѣтъ. Столы въ ней—обѣденные, кромѣ неподвижныхъ лавокъ—по стѣнамъ есть двѣ подвижныя скамейки,—обстоятельство болѣе важное, чѣмъ кажется; вы увидите, м. г., что въ одной изъ школъ я не имѣлъ даже и этого удобства, т. е. удобства сидѣть у стола во время классныхъ занятій. (Слѣдовательно, милостивые государи, я не выбралъ худшую обстановку для представленія вамъ образчика: были въ Раненбургскомъ уѣздѣ школы и бѣднѣе Пителинской). Учитель вовсе не понимаетъ своего дѣла. Мальчики, умѣвшіе читать, говорили мнѣ, что выучились чтенію у другого учителя, Александра Ивановича, но что Александръ Ивановичъ имѣлъ привычку наказывать ихъ особымъ образомъ: онъ бралъ двухъ мальчиковъ за волосы и толкалъ ихъ (по ихъ выраженію) другъ о друга головами. Мальчики отъ такого съ ними обращенія разбѣжались, и съ тѣхъ поръ на мѣсто Александра Ивановича нанятъ въ учителя Калининъ". Но прибавлю отъ себя, что Александръ Ивановичъ, все-таки, выучилъ ихъ читать и, слѣдовательно, въ глазахъ родителей стоялъ неизмѣримо выше Калинина. Я сказалъ, что бывала и худшая этой обстановка: въ Колыбельской школѣ нѣсколько разрозненныхъ листовъ журналовъ нашихъ здѣшнихъ собраній служили мальчику единственнымъ учебникомъ, и отецъ его, можетъ быть, заплатилъ за нихъ деньги. Въ Вѣдновской школѣ за единственнымъ классномъ столомъ могли помѣститься только двое, и то, имѣя свѣтъ за спиной. „Извольте при такомъ удобствѣ выучить писать 14 мальчиковъ,— гласитъ Раненбургскій отчетъ,—а между тѣмъ и они, и отцы ихъ надѣются, что авось выучатся". Да и почему же имъ не надѣяться? Развѣ они одни не понимаютъ, что успѣшное ученіе возможно только при извѣстной обстановкѣ. Что въ другой школѣ изъ 40 мальчиковъ только два умѣютъ читать удовлетворитель-

но, что 15-ти-лѣтній мальчикъ, послѣ 3-хъ лѣтняго посѣщенія школы, не знаетъ ни одной молитвы,—это дѣло обычное. Промелькали, конечно, явленія утѣшительныя. Въ Ивановскомъ училищѣ изъ 25 мальчиковъ рядомъ съ 12-ю, заучившими наизусть цѣлыя страницы и не умѣвшими прочесть новую, пятеро отвѣчаютъ сознательно изъ Закона Божія, читаютъ и пишутъ хорошо, рѣшаютъ скоро и правильно задачи на 4 первыя дѣйствія ариѳметики. Слѣдовательно, были тутъ силы для обученія, но никѣмъ не направленныя и не подготовленныя къ дѣлу. Вмѣсто руководства, земство дало этой школѣ 10 руб. 80 коп. пособія, и она закрылась въ томъ-же году, по недостатку средствъ. Спѣшу прибавить, что эти порядки, какъ я уже упоминалъ, измѣнены послѣднимъ Раненбургскимъ собраніемъ,—а все-таки Ивановской школы жаль.

Осмотрѣвъ 10 училищъ, проискавъ три, которыхъ и слѣдъ простылъ, князь пришелъ къ убѣжденію, что нельзя далѣе допускать подобное безобразіе. Такой составъ учителей,— пишетъ онъ,— „не способенъ внушить ни расположенія, ни довѣрія къ школамъ. Другой важный недостатокъ: неимѣніе учебныхъ пособій; одна Зимаровская (школа) (въ имѣніи князя) снабжена всѣмъ необходимымъ для первоначальнаго обученія. Нельзя въ школѣ учить читать по разнымъ книгамъ, такъ какъ при этомъ пришлось-бы цѣлой школѣ ничего не дѣлать, пока учитель занимается съ однимъ ученикомъ по его книгѣ. Нельзя также никого выучить писать, когда писать не на чемъ и не чѣмъ. Но и при людяхъ знающихъ, и при учебныхъ пособіяхъ нельзя еще ручаться, чтобы дѣло народнаго образованія пошло вполнѣ удовлетворительно. Въ безграмотной средѣ, въ средѣ, не сознающей ни пользы, ни назначенія школы, для успѣшнаго, такъ сказать, акклиматизированія школы надобно, чтобы кто-нибудь наблюдалъ, чтобы книги эти не оставались неразрѣзанными, чтобы дѣти, приходя въ школу, не находили ее запертою (нашлись такія, которыя не отпирались нѣсколько дней сряду). Чтобы, однимъ словомъ, занятія въ школѣ велись правильно, неуклонно, серьезно. На сельскаго учителя, хотя-бы и знающаго свое дѣло, въ этомъ отношеніи не всегда положиться можно, потому что учитель— тоже человѣкъ“.

Раненбургскій уѣздъ бываетъ тяжелъ на подъемъ, но, взявшись за дѣло, не легко отъ него отступается. Понявъ необходимость обезпеченія школы и надзора за ней, онъ осуществитъ и то и другое. Что-же ждетъ тогда его школа? Мы видѣли ихъ

прошлое. Пойдемъ взглянуть на ихъ будущее въ сосѣдній уѣздѣ. Данковскій началъ тому лѣтъ пять училищной смѣтой въ три тысячи рублей, и нѣсколько лѣтъ не удавалось ему ее израсходовать, а теперь ему и десять тысячъ рублей мало. Въ 1869 году было 587 учащихся, въ нынѣшнемъ—1561,—въ 1869 г. училась 71 дѣвочка, а въ 1871 г. учится ихъ 127. При передачѣ 15 училищъ, бывшихъ вѣдомства Государственныхъ имуществъ, въ распоряженіе земства, Данковское собраніе предоставило ихъ на содержаніе обществъ, и всѣ они закрылись или лишены были средствъ къ существованію; теперь 14 изъ нихъ возобновлены по собственному желанію крестьянъ и обезпечены, а на открытіе послѣдняго уже назначены деньги. Въ 1866 г., когда вопросъ объ училищахъ впервые поднятъ былъ на Данковскомъ собраніи гласнымъ Л. Н. Шишковымъ, гласные отъ крестьянъ возстали противъ такого безполезнаго расхода;—въ нынѣшнемъ году представлены училищному совѣту приговора объ открытіи земскихъ училищъ отъ 5-ти волостныхъ и отъ 6-ти сельскихъ обществъ съ ежегоднымъ добавочнымъ отъ крестьянъ взносомъ въ 1.193 р. 42 к. и съ предложеніемъ 2-хъ хорошихъ, еще не совсѣмъ отдѣланныхъ помѣщеній. „Близко время, когда этотъ приливъ прекратится“,—прибавляетъ отчетъ училищнаго совѣта,—„ибо скоро будетъ негдѣ открывать новыхъ училищъ“. Гдѣ причина такого поворота въ мнѣніи обществъ, что они въ 1871 году сами просятъ того, отъ чего отказывались въ 1866 г.?—

Очень просто. Тамъ осуществился надзоръ, котораго требуетъ князь Волконскій: зимою сего года члены отъ земства Данковскаго училищнаго совѣта объѣхали всѣ земскія училища; предсѣдатель объѣхалъ въ то-же время многія частныя, а въ теченіе марта, апрѣля, мая и іюня произвелъ экзаменъ во всѣхъ земскихъ, общественныхъ и частныхъ, кромѣ 6-ти, т. е. въ 35-ти училищахъ. И въ Данковѣ есть еще 2 частныя училища, гдѣ употребляются мѣры во вкусѣ Пителинскаго педагога; и въ Данковѣ Лошаковское и Сергіевское училища шли неудовлетворительно третьяго года и сразу поднялись, при улучшеніи ихъ помѣщенія, а въ Мураевинскомъ и въ прошломъ году еще вода замерзала въ классѣ, но искреннее и дѣятельное участіе образованныхъ людей по состоянію начальныхъ училищъ прояснило понятіе о нихъ сельскаго населенія и, пробудивъ въ немъ сознаніе ихъ недостатковъ, поселило и надежду на исправленіе оныхъ. Чего-же достигаетъ въ лучшихъ Данковскихъ училищахъ, въ тѣхъ, которыя родители считаютъ образцами и относительно

тѣхъ учениковъ, которые всю зиму ходятъ въ школу и не пропускаютъ уроковъ?—Дѣти младшаго отдѣленія, учившіяся одну зиму, знаютъ нѣкоторыя необходимыя молитвы съ объясненіемъ непонятныхъ словъ, а въ Городковскомъ и Казачьемъ училищахъ—и съ переводомъ молитвъ на русскій языкъ, знаютъ кое-что изъ „Начатковъ" и нѣсколько разсказовъ изъ Священной Исторіи Ветхаго Завѣта; читаютъ не спѣша и безъ ошибокъ и пишутъ подъ диктовку, хотя съ ошибками, краткія простыя предложенія, а иногда могутъ сочинить таковыя, могутъ сказать при этомъ,—о чемъ и что читали, а иногда и разсказать это своими словами; безошибочно разлагаютъ прочитанное и сказанное слово на слоги, знаютъ классификацію предметовъ по видамъ и родамъ, помѣщенную въ упражненіяхъ 1-го года „Родное Слово" Ушинскаго, и нѣкоторыя мѣры, а также рѣшаютъ маленькія задачи на всѣ 4 правила съ числами до 10-ти. Чему дѣти учатся въ слѣдующіе года,—не стану пересчитывать. На хорошемъ, прочномъ основаніи можно далѣе строить, что хочешь; въ одной школѣ пройдутъ болѣе, въ другой менѣе, но важно то, что въ первый-же годъ дитя пріобрѣло свѣдѣнія положительныя, съ которыми оно можетъ и сотворить толковую и теплую молитву передъ домашней иконой, и оказать своей грамотностью маленькую помогу родителямъ; и не одинъ неграмотный отецъ радовался десятилѣтнему парню, разбиравшему его дѣловыя записки и счеты; важно то, что дитя въ первый годъ научилось большему, чѣмъ въ безпорядочной школѣ года въ 3 и 4,—что оно не боится училища и что родители видятъ въ этомъ ученіи пользу. „При „сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ школьной и домашней об„становки",—продолжаетъ Данковскій отчетъ,—„дѣти просто бѣ„гутъ въ школу безъ всякаго напоминанія и жадно слушаютъ „преподаваніе; соревнованіе очень сильно, особенно въ смѣшан„ныхъ школахъ, гдѣ дѣвочки еще прилежнѣе мальчиковъ. Этому„же помогаетъ отсутствіе тѣлесныхъ наказаній, запрещенныхъ „во всѣхъ школахъ. Дѣти большею частію глядятъ бодро и ве„село, что свидѣтельствуетъ о хорошемъ обращеніи наставни„ковъ, смягчающемъ нравы простого народа. Тѣмъ не менѣе „дисциплина во время класса охотно и весело соблюдается вездѣ, „гдѣ только наставникъ понялъ ея значеніе". Громадное значеніе въ этомъ воспитаніи имѣетъ и пѣніе, на которое Данковскій училищный совѣтъ обратилъ особое вниманіе; пѣвчіе, напримѣръ, Долговскаго училища, образовавшіеся подъ руководствомъ священника Муретова, поютъ съ голоса до 10-ти концертовъ. Нечего объяснять ни воспитательнаго значенія музыки, ни связи,

которую дѣтскій хоръ устанавливаетъ между родителями и школой. Въ настоящее время до 200 мальчиковъ составляютъ старшія отдѣленія хорошихъ сельскихъ школъ, половина школъ—въ Данковскомъ уѣздѣ; „всѣ они грамотны, хотя и не въ равной мѣрѣ, „и такъ развиты, какъ прежде не достигалось это въ лучшихъ „школахъ въ 5 лѣтъ".

Этими выписками я не желалъ сравнивать между собой дѣятельность двухъ уѣздовъ. Слава всѣмъ, вышедшимъ на работу;—вышедшіе въ одиннадцатомъ часу получатъ мзду наравнѣ съ вышедшими въ третьемъ. Мнѣ хотѣлось только предложить вамъ, г.г., нѣкоторый матеріалъ для разрѣшенія вопроса, что именно называется нерасположеніемъ народа къ школѣ, и какъ смотрѣть на оное. Со всѣхъ сторонъ сыплются на этотъ народъ, какъ шишки на бѣднаго Макара, обличенія и упреки, что онъ не любитъ училища, боится ученья, не понимаетъ цѣны образованія, что его, какъ неразумнаго ребенка, надо заставить учиться чуть не изъ—подъ розги. „Школы потому закрываются",—объяснялъ гласный Зиминъ Сапожковскому собранію,—„что нѣтъ учениковъ, „а учениковъ нѣтъ оттого, что народъ не сознаетъ необходи„мости учиться."—„Народъ нашъ не любитъ школы, боится ее",—добавляетъ гласный Ремезовъ,—„потому то и нужно обязательное обученіе". И предложеніе ходатайствовать объ обязательности онаго падаетъ большинствомъ только 5-ти голосовъ, хотя предлагается только, какъ временная мѣра, въ виду настоящаго уровня народа. „Когда народъ самъ сознаетъ нужду науки",—продолжаютъ г.г. гласные,—„тогда, мы думаемъ, не нужно будетъ обязательности". Неуспѣхъ дѣла приписывается, слѣдовательно, закоснѣлости и неразумію родителей. И рядомъ съ этимъ Сапожковское собраніе постановляетъ давать земское пособіе только тамъ, гдѣ на школу будутъ сперва жертвовать эти-же самые неразумные родители и прочіе бездѣтные члены сельскаго схода.

Громче еще раздается на Скопинскомъ собраніи голосъ гласнаго отъ крестьянъ, г. Кроткова, представившаго цѣлый, систематически выработанный проектъ мѣръ къ введенію обязательнаго обученія. Своимъ образованіемъ ставъ выше общаго уровня своего сословія, гласный Кротковъ точно также укоряетъ его въ нерасположеніи къ училищу. Приведемъ его собственныя слова: „заботы (правительства) и стараніе (наставниковъ) безъ „обязательнаго привлеченія крестьянъ къ обученію дѣтей ихъ „грамотѣ остаются тщетными, ибо дѣти крестьянъ до тѣхъ поръ „ходятъ въ училище, пока имъ грамота не наскучила, а когда

„она имъ наскучаетъ, то изъ нихъ каждый оставляетъ училище. „Лестно слышать объ увеличеніи въ училищахъ числа учени„ковъ, но жалко то, что изъ нихъ очень мало, а въ другихъ „вовсе нѣтъ выученныхъ, и всему тому одна причина та, что „родители не принуждаютъ дѣтей своихъ ходить въ училище. „Введеніе обязательнаго привлеченія крестьянъ къ грамотности „каждый, полный человѣколюбія, сочтетъ главнымъ урокомъ для „земства. Жалко обременять крестьянъ денежными налогами, но „еще жалче смотрѣть на слѣпоту такого народа. Изъ нихъ „многіе мало вѣрятъ и многіе вовсе не вѣрятъ въ воскресеніе мер„твыхъ и пришествіе страшнаго суда. Если они не вѣрятъ тому, „то для чего-же имъ добрыя дѣла? Для чего бояться грѣшить? „И для чего каяться?—Поэтому они приходятъ на покаяніе только „для исполненія обряда, смотря на другихъ, а не въ духѣ вѣры. „О, какая гибель! Приходилось много разъ видѣть людей, моля„щихся на молодой мѣсяцъ".

Между тѣмъ какъ Михайловскій училищный совѣтъ, уже два года наблюдая за училищами своего уѣзда, доноситъ нынѣ Губернскому Совѣту, что улучшеніе нравственности обучающихся дѣтей почти не замѣтно, у гласнаго отъ крестьянъ хватило искренности и силы мысли, чтобы связать вѣру съ образованностью, чтобы поставить школу въ притворъ христіанской церкви. Молиться на молодой мѣсяцъ, или учиться—выбирай любое, русскій народъ. Не допускаетъ возраженія, что были-же неграмотные и усердные христіане. Времена измѣняются. Приходитъ пора, когда человѣкъ, не знающій основаній своей вѣры, не можетъ устоять въ ней.

За глубокое сознаніе значенія образованности, выразившееся и въ народной поговоркѣ, что „ученье—свѣтъ, а неученье—тьма", оно живетъ доселѣ въ сердцахъ нашихъ неграмотныхъ людей. Нахожу новое доказательство въ примѣрѣ, приведенномъ въ докладѣ Михайловскому собранію Аѳ. Ник. Кузьминымъ, человѣкомъ, съ которымъ можно было расходиться во взглядахъ, но въ которомъ нельзя было не цѣнить высоко и безграничную искренность, и теплое, доброе сердце. „По поводу растраты денегъ „сборщикомъ податей священникъ въ проповѣди замѣтилъ, что „нельзя быть разборчивымъ въ выборѣ среди неграмотныхъ, но „что когда школы приготовятъ людей, можно будетъ свободно „выбирать наилучшихъ. Прихожане заявили, что если школа бу„детъ заниматься приготовленіемъ будущихъ сельскихъ началь„никовъ, то лучше не учить вовсе грамотѣ, такъ какъ посту-

„пающіе въ сельскіе начальники наилучшіе люди скоро превра-„щаются въ пьяницъ и негодяевъ".

Значитъ, въ эту среду не проникла еще растлѣвающая насъ язва—учиться для диплома и чина; значитъ, школа въ ихъ глазахъ—не питомникъ чиновниковъ, и не стоитъ тратиться на обученіе дѣтей, если это обученіе должно готовить къ власти, потому что, по ихъ мнѣнію, и въ ихъ средѣ, власть портитъ людей. Вотъ если-бы проповѣдникъ указалъ своимъ прихожанамъ, что при общей грамотности легче было-бы повѣрять и учитывать сборщика, что ему тогда труднѣе было-бы провороваться или воровство его было-бы раньше обнаружено; если-бы проповѣдникъ представилъ общую грамотность не какъ путь къ достиженію должностей, а какъ средство держать сельскія власти подъ контролемъ,—не такъ-бы, конечно, отозвались крестьяне про школу.

И при всемъ томъ они, молъ, ее не любятъ. Да, помилуйте, господа, развѣ можно любить то, что гласный кн. Волконскій нашелъ въ Раненбургскомъ уѣздѣ, изъ чего я представилъ вамъ только малый образчикъ. При всей нашей образованности, мы,—счастливое меньшинство, почерпающее въ этой образованности всю нашу силу, можемъ-ли мы иначе, какъ съ отвращеніемъ смотрѣть на Пителинскую школу и тамошняго А. И., котораго фамилію судьба скрыла отъ потомства, чтобы оставить его типомъ отживающаго поколѣнія учителей; можетъ-ли онъ внушать родителямъ что-либо, кромѣ недовѣрія, дѣтямъ—что-либо, кромѣ ненависти. Школа была безобразна, и къ этому-то безобразію ея относятся и отвращеніе, и боязнь, и равнодушіе народа; и слава Богу, что онъ сохранилъ настолько свѣжести чувства, чтобъ ненавидѣть ее. А что она можетъ стать лучше, явиться въ благообразномъ видѣ, объ этомъ крестьянское населеніе не знаетъ: оно Песталоцци и Дистервега не читало. Многіе въ нашемъ кругу не подозрѣваютъ всей мерзости прежняго учебища,—и потому-то мы называемъ народъ закоснѣлымъ въ своемъ невѣжествѣ и требуемъ принужденія. Грамотные изъ среды его, которые, какъ Мазинъ (въ Данковѣ) и Боковъ (въ Скопинѣ), жертвуютъ свои дома на училища, того-же мнѣнія: они увѣрены, что никто не станетъ пить добровольно изъ этой горькой чаши, но, понявъ цѣну просвѣщенія и не видя другого средства къ достиженію того малаго толика, которымъ сами обладаютъ, они примирились съ ней, какъ отчаянно больной съ мыслію о мучительной операціи,—за нею онъ видитъ жизнь.

Но, скажутъ мнѣ, школы идутъ лучше, а ихъ все еще не

полюбили. Что ихъ полюбили въ нѣкоторыхъ Данковскихъ селеніяхъ, это мы видѣли, да и, конечно, во многихъ другихъ.

Но много-ли ихъ идетъ лучше прежняго. Да и въ уѣздахъ, счастливѣйшихъ въ этомъ отношеніи, сколько Ал. Ив-ей Пителинскихъ колетъ еще намъ глаза; старое безобразіе еще вокругъ и подлѣ насъ густо, какъ сорная трава на паровомъ полѣ, и если мы успокоимся, отсыпавъ на сельскія училища нѣсколько тысячъ, съ нами сбудется то-же, что съ рабомъ, получившимъ одинъ талантъ и удовольствовавшимся имъ: и еже мнится намъ имѣти, отнимется у насъ.

Тугость, съ которой прививается наша сельская школа,— явленіе законное и естественное. Въ немъ винить никого нельзя, кромѣ медленнаго хода исторіи. Надо удалить его причины, надо не только преобразовать школу,--надо познакомить народъ съ хорошимъ видомъ ея.

Грамотность, какъ вѣра, распространится только путемъ любви и проповѣди.

Въ этой проповѣди не словами, а дѣломъ и заключается задача земскихъ людей, особенно тѣхъ изъ насъ, которые—сами изъ крестьянскаго сословія и которыхъ скорѣе послушаютъ. Эта проповѣдь состоитъ въ томъ, во-первыхъ, чтобы, не ожидая почина отъ крестьянъ, устраивать школы, которыя-бы помирили ихъ съ обученіемъ, и не разсчитывая единичнымъ примѣромъ поколебать вѣковое предубѣжденіе; во-вторыхъ, въ томъ, чтобы заниматься этими школами и осуществить, что кн. Волконскій назвалъ въ своемъ отчетѣ надзоромъ. Я не разойдусь, надѣюсь, съ почтенными членами Раненбургскаго совѣта, но нужно объясниться. „Надобно наблюдать“,—пишетъ князь,—„чтобы книги не оставались „неразрѣзанными, чтобы дѣти, приходя въ школу, не находили ее „запертою.... На сельскаго учителя, хотя-бы и знающаго свое дѣ„ло, въ этомъ отношеніи не всегда положиться можно, потому что „учитель—тоже человѣкъ. При нынѣшней обстановкѣ необходимъ „надзоръ за школами, а доселѣ за ними никакого надзора не было“.

Что нельзя вполнѣ положиться ни на кого и оставить кого-либо безъ надзора,—совершенно справедливо. Безъ того каждому изъ насъ, даже самому честному и образованному, угрожаетъ таже опасность испортиться, что и Михайловскому сборщику податей. Строгій учетъ—условіе всякой общественной дѣятельности. Но есть и довольно общее правило,—что отношеніе къ намъ людей зависитъ отъ нашего взгляда на нихъ. Недовѣріе порождаетъ уклончи-

вость и ложь, довѣріе развиваетъ чувство чести. Если люди, поставленные надзирать за школами, явятся учителю начальниками, требующими точнаго исполненія своихъ предписаній,—если они придутъ съ мѣрою и вѣсомъ повѣрять трудъ его и успѣхъ учениковъ и учитывать его, какъ наниматель—хозяинъ наемника—батрака, считая каждую неудачу за недодѣланную урочную работу, если они въ школѣ, какъ въ лавкѣ, потребуютъ товара данной цѣны и съ указаннымъ клеймомъ,—они убьютъ духовныя силы наставника, обратятъ его въ учащую машину, поставятъ утонченное безобразіе на мѣсто грубаго. Нельзя сводить итоги духовнаго развитія человѣка по правиламъ двойной бухгалтеріи; нельзя предъявлять учителю требованія, отмѣренныя аршиномъ. Погода и отопленіе, домашняя обстановка и здоровье, число, возрастъ и способности дѣтей, разнящіяся ежегодно, самое сходство и различіе между характеромъ дѣтей и наставника,—мало-ли что еще вліяетъ на ходъ ученія и облегчаетъ или затрудняетъ успѣхъ. Убѣдитесь, что учитель работалъ по мѣрѣ силъ, что онъ честно и бодро боролся съ препятствіями, что онъ внимательно слѣдилъ за дѣтьми, не давалъ имъ тратить дорогое время и велъ занятія со смысломъ, обдумывая ихъ и готовясь къ нимъ, и тогда протяните ему руку помощи и скажите ему „спасибо", даже если пройдено менѣе, чѣмъ вы ожидали. Снабдите учителя хорошими и однообразными учебниками,—вы этимъ уже начертите ему программу и укажете рамку для его занятій и потомъ судите его по совѣсти,—не по писанному закону.

„На сельскаго учителя не всегда можно положиться". Это—правда. Доселѣ онъ былъ нерадивъ. Но какова была его обстановка?—нищета крайняя, ремесло безъ орудій; отсутствіе всякаго поощренія, всякаго совѣта; безъ разумной бесѣды, безъ книгъ; человѣку, осужденному весь день на умственную работу, нельзя было оживить своихъ умственныхъ силъ. Никого его работа не занимала, ничего впереди у него не было. Удивительно-ли, что онъ опускалъ руки и порой сбивался между своей школой и питейнымъ заведеніемъ? Не школу акклиматизировать нужно, а учителя. Надо сдѣлать жизнь возможной для человѣка, работающаго умомъ, указать ему цѣль, дать ему средства самому развиться, улучшить его обстановку и внушить ему отрадное всякому человѣку чувство, что и его благо, его участь, его успѣхъ кому-нибудь да дороги. Нужна дѣйствительная заботливость о его положеніи, сердечное участіе къ его долѣ.

Прежде всего дайте ему твердый окладъ, а не колеблющееся

ся пособіе, измѣняющееся съ нашимъ расположеніемъ, зависящее часто отъ того, натощакъ-ли, или послѣ сытаго обѣда осматривали мы школу. Чтобы онъ не чувствовалъ себя нищимъ, просящимъ милостыни; чтобы въ глазахъ посѣщающаго его гостя онъ искалъ удовольствія и одобренія, а не отвѣта на тяжелый вопросъ,—хватитъ-ли хлѣба у него до осени?

Затѣмъ, дайте ему книгъ. Умственный застой неизбѣженъ для человѣка, который перестаетъ работать на себя, обогощать себя свѣдѣніями, однимъ словомъ, читать. Отъ такого застоя надо спасти сельскаго учителя во что-бы то ни стало. Иначе вернется къ намъ сухость пріемовъ, и внѣшніе порядки поглотятъ нравственную жизнь школы. Устройство хорошихъ библіотекъ для учителей—единственное противъ того спасеніе. Но и тутъ недостаточно будетъ накупить книгъ,—надо руководить чтеніемъ молодыхъ людей, надо дать пожилому человѣку возможность помѣняться мыслями.

На все это, скажутъ мнѣ, у членовъ училищнаго совѣта нѣтъ времени. Милостивые государи, члены училищнаго совѣта—представители общества, но не замѣняютъ общества. Предоставили имъ экзаменовать ребятишекъ, но не отдавать-же въ ихъ руки людей, которымъ ввѣрено воспитаніе, т. е. судьба будущаго поколѣнія. Вниманіе къ учителю и забота о немъ возможны всякому, кто невдалекѣ отъ него, и составляетъ обязанность всякаго, если только они—обязанность земства.

Въ Данковскомъ уѣздѣ—въ однихъ сельскихъ училищахъ уже болѣе 5% учениковъ не изъ среды крестьянъ, а изъ купечества, духовенства и дворянства; сельская школа быстро становится всесословнымъ учрежденіемъ, и только по мѣстамъ, какъ, напримѣръ, въ одномъ селѣ Спасскаго уѣзда, общее всѣми дѣтьми посѣщеніе ея задерживается тѣмъ, что родители изъ дворянъ требуютъ для дѣтей своихъ особыхъ стульевъ въ классѣ. Это маленькое безобразьеце скоро исчезнетъ. Еще осязательнѣе станетъ общая для всѣхъ польза отъ хорошихъ сельскихъ училищъ и потребность въ училищахъ, способныхъ воспитывать дѣтей. Между такими людьми и нами можетъ быть одна только связь—нравственное наше вліяніе на нихъ. Дается-же оно лишь взаимнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Пускай любовью дышатъ всѣ отношенія къ училищу и къ учителю—и успѣхъ впереди; вотъ первое условіе земской дѣятельности на этомъ поприщѣ. Если нѣкоторые, если многіе учителя не оправдаютъ такого вниманія, не унывайте, не скупитесь на любовь—она вамъ даромъ доста-

насъ отъ Господа. Если ждать, чтобъ предъ вами прямо выростали достойные учителя,—только время пройдетъ, и дѣло никогда не начнется. Заботьтесь о всякомъ.—Вы не знаете, что изъ него выработается, сколько силъ разовьется подъ теплымъ вѣяніемъ участія въ людяхъ, которымъ жизнь была дотолѣ злой мачехой. Вы имъ нужны. Пускай другіе ждутъ ихъ заслугъ; вамъ надо ихъ вызвать. Вы, земскіе люди, полюбите ихъ черненькими, а бѣленькими ихъ всякій полюбитъ.

187½ годъ [1]).

„Общій итогъ смѣтныхъ назначеній на народное образованіе по всѣмъ уѣздамъ губерніи нашей составлялъ въ 1872 году 36.860 рублей. (Если включить расходъ на Сапожковское земское 3-хъ классное училище 3.000 руб., то весь расходъ будетъ 39.859 руб. 99 коп.). На 1873 годъ этотъ итогъ 44.735 руб., слѣдовательно, увеличился на 7.875 руб., при чемъ всѣ остатки, предвидѣвшіеся отъ училищныхъ смѣтъ истекающаго года, предоставлены въ распоряженіе управъ или училищныхъ совѣтовъ на тотъ-же предметъ. Увеличили свои смѣты уѣзды: Егорьевскій, Пронскій, Данковскій и Раненбургскій. Въ помянутый итогъ входятъ только затраты уѣздовъ собственно на начальныя училища и завѣдываніе ими; если прибавить стипендіи, назначаемыя отъ собраній, расходъ на библіотеки и на среднія учебныя заведенія [2]), то получимъ сумму 54.779 руб. (9% всѣхъ уѣздныхъ смѣтъ), къ которой прибавятся еще затраты губернскаго земства. Но изъ этихъ цифръ не слѣдуетъ заключать, чтобы дѣло народнаго образованія шло у насъ успѣшно. Конечно, развитіе всякаго дѣла не зависитъ отъ отчетности; не лишено, однако, значенія и то, что ни изъ журналовъ собраній, ни изъ дѣлъ губернскаго училищнаго совѣта нельзя почерпнуть данныхъ за 187½ учебный годъ о числѣ училищъ и учащихся въ цѣлыхъ пяти уѣздахъ.

---

[1]) Докладъ этотъ прочтенъ былъ въ засѣданіи Губ. Земскаго Собранія 16 декабря 1872 года.

[2]) А именно: на Сапожковское земское училище 4.400 руб., на реальное училище въ Зарайскѣ 5.000 руб., (если состоится) на стипендіи Касимовскимъ крестьянскимъ мальчикамъ въ гимназіи 144 руб. и на Пронскую публичную библіотеку 500 руб., всего 10.044 руб.

Михайловскомъ, Рязанскомъ, Пронскомъ, Ряжскомъ и Касимовскомъ.

Есть у насъ уголокъ въ губерніи, гдѣ свѣтло и тепло—край благодатнаго чернозема: Данковъ, Скопинъ и Раненбургъ. Тамъ приняли за точку исхода простую истину, что надо самому знать, чтобы учить другихъ, и самому быть просвѣщеннымъ, чтобы просвѣщать другихъ, и поэтому образованные люди сами взялись за дѣло. Въ числахъ результатъ ихъ дѣятельности выражается слѣдующимъ образомъ: въ 1869 году въ этихъ 3-хъ уѣздахъ училось около 2.000 дѣтей [1]), теперь учится ихъ 3.700; въ 1869 году смѣты на народное образованіе составляли 6.500 р., на 1873 годъ утверждены смѣты на 15.000 рублей. Число учащихся, значитъ, увеличилось болѣе, чѣмъ въ полтора раза, обезпеченіе училищъ отъ земства выросло почти въ $2^1/_2$ раза.

Но что еще знаменательнѣе, это увеличеніе въ Данковскомъ уѣздѣ приплаты отъ обществъ на училища; въ 1870 году она составляла 1.800 руб., къ 1873 году она доходитъ до 4.800 руб. Хотя Данковскій уѣздъ и требовалъ для открытія земскаго училища приговора отъ общества объ участіи въ содержаніи училища и о предоставленіи собранныхъ съ этой цѣлью денегъ въ распоряженіе училищнаго совѣта, но на дѣлѣ первые приговоры вызывались нѣсколько искусственно, да и само земство приходило на помощь не въ строго соразмѣрной долѣ, а настолько, чтобы можно было дѣйствительно устроить и содержать хорошее училище; оно дорожило своей славой и, прилагая руки, вырабатывало всякій разъ школу, которую можно было показывать безъ стыда. Тогда явилось довѣріе въ крестьянахъ; въ виду хорошо обучаемыхъ дѣтей они стали понимать цѣну грамотности, и хотя даже въ самомъ Данковскомъ уѣздѣ боялись застойнаго вліянія чернозема, но наперекоръ этимъ опасеніямъ, пожертвованія самихъ обществъ на школы выросли въ 3 года такъ быстро въ этой чисто земледѣльческой мѣстности, какъ нигдѣ въ Рязанской губерніи. Мало того: всѣ эти сборы крестьяне отдаютъ въ руки управы, предоставляя ей расходовать ихъ купно съ земскими средствами. А много ли тамъ учится дѣтей? Если ограничиться мальчиками,—потому что дѣвочки еще не двинулись къ школѣ,—то найдемъ, что ихъ ходитъ 23 на сто [2]),—почти четвер-

---

[1]) По отчетамъ значилось 2.300; но въ дѣйствительности ихъ не было и 2.000; цифра-же за $187^1/_2$ годъ вполнѣ достовѣрна.

[2]) Мальчиковъ отъ 9 до 14 лѣтъ не должно быть болѣе 6.700 въ Данковскомъ уѣздѣ; учится-же 1.584 мальчика.

тый ребенокъ; такъ какъ въ Данковскомъ уѣздѣ всего 41 училище на 200 населенныхъ мѣстностей, то понятно, что не всѣмъ дѣтямъ школа сподручна; кромѣ того, изъ 35 земскихъ училищъ только 13 въ удовлетворительныхъ помѣщеніяхъ, и нѣтъ ни одной классной комнаты на 100 дѣтей, такъ что для многихъ и мѣста нѣтъ; нельзя, слѣдовательно, не быть довольнымъ достигнутымъ въ такое короткое время (съ 1868 года) результатомъ. Не отставалъ отъ крестьянъ въ усердіи къ школѣ и образованный кругъ общества; въ отчетѣ Данковскаго училищнаго совѣта длинный списокъ лицъ, принесшихъ болѣе или менѣе цѣнныя пожертвованія училищамъ; во главѣ ихъ одно, о которомъ не упомянуть мы не вправѣ, которое намъ особенно дорого. Посѣтивъ Данковскій уѣздъ, появляясь тамъ, гдѣ его не ждали, и вездѣ, гдѣ только была школа, обращая вниманіе на дѣтей и испытывая ихъ познанія по Закону Божію, высокопреосвященный владыка нашъ засталъ въ Старожевской подгородней слободѣ училище въ самомъ неудобномъ помѣщеніи и предложилъ одинъ изъ классовъ прежняго духовнаго училища въ Покровскомъ монастырѣ. Такое поощреніе отъ архипастыря, равно какъ и лестные отзывы начальства духовнаго училища о принятыхъ туда ученикахъ Данковскихъ начальныхъ училищъ, доказываютъ, что не одимъ количествомъ отличаются они, но и качествомъ. На послѣднемъ обстоятельствѣ позвольте остановить ваше вниманіе: на пріемныхъ экзаменахъ въ духовное училище лучшими оказались ученики земскихъ училищъ; слѣдовательно, хорошая сельская школа вполнѣ можетъ приготовить къ поступленію въ среднія учебныя заведенія, и притомъ она и дешева, и не отрываетъ дѣтей отъ родителей; сельская школа начинаетъ, слѣдовательно, исполнять у насъ свое назначеніе, служить всѣмъ сословіямъ. Тратясь на нее, мы не благотворительствуемъ,—мы самимъ себѣ прямую пользу приносимъ.

Чтобъ еще болѣе закрѣпить за начальнымъ училищемъ общее сочувствіе, открываютъ въ Данковѣ воскресную (безплатную, конечно) школу пѣнія; наконецъ, чтобъ поддержать энергію своихъ учителей, собраніе ассигнуетъ 400 руб. на устройство учительскаго съѣзда, если таковой дозволенъ будетъ въ Данковѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Раненбургскій уѣздъ, израсходовавшій въ нынѣшнемъ году прежніе остатки и удвоившій на будущій годъ свою скромную смѣту (вмѣсто 1.000 руб. назначено 2.047 руб. 50 коп.) представляетъ также утѣшительное явленіе: вмѣсто 10 училищъ, гдѣ изъ

320 учениковъ 200 не умѣли читать въ концѣ года, теперь 16 училищъ съ 696 учениками, изъ коихъ только 25 не выучены грамотѣ; только 2 школы не удовлетворили требованіямъ. За-то всѣ своевременно снабжены были руководствами, классными принадлежностями и учебными припасами; на первыя назначено было по 35, на послѣднія по 20 руб. на училище изъ земскихъ средствъ. Въ будущемъ году расходъ на книги, конечно, уменьшится, такъ какъ самое необходимое уже есть. Въ большинствѣ училищъ помѣщеніе порядочное; съ обществами напередъ условлено жалованье, которое они должны платить учителю, опредѣлены сроки и назначена иной разъ неустойка, въ случаѣ неаккуратнаго платежа. Затѣмъ училищный совѣтъ выдалъ шести наставникамъ,—у которыхъ программа начальнаго училища была удовлетворительно выполнена со всѣми дѣтьми,—по 48 руб. наградныхъ; пяти наставникамъ,—у которыхъ успѣхи дѣтей, хотя хорошіе, были неравномѣрны,—по 36 руб., одному 24 руб., и остальнымъ ничего; въ числѣ послѣднихъ была, къ сожалѣнію, одна изъ лучшихъ въ прошломъ году школъ—Урусовская; пожалѣемъ о наставникѣ, способномъ, но, кажется, потерянномъ для нашего дѣла. Награды эти могли быть назначены по мѣрѣ дѣйствительныхъ успѣховъ, потому что всѣ школы были осмотрѣны по 3 раза въ учебномъ году и всѣ дѣти переспрошены двумя изъ членовъ училищнаго совѣта.

При всей этой дѣятельности не удалось одного совѣту—предупредить одно безобразіе. Приглашенный въ дер. Набережную за 60 руб. въ годъ одинъ изъ лучшихъ учителей уѣзда получилъ съ ноября по февраль всего только 3 руб. и прожилъ это время лишь благодаря попечителю училища, бывшему губернскому гласному Василію Фроловичу Есакову, котораго отъ души благодаримъ за его усердіе. А учитель этотъ—женатый человѣкъ,— какъ ему не позавидовать было Данковскому обычаю сосредоточивать общественные взносы въ управѣ, которая своевременно можетъ выдавать учителямъ ихъ трудовыя деньги. Хороша помощь въ самую минуту нужды,—„красно яичко въ Христовъ день“.

Послѣднее Раненбургское собраніе нѣсколько помогло горю, предоставивъ совѣту распорядиться извѣстной суммой по своему усмотрѣнію, съ обязанностію, конечно, отдать точный отчетъ въ оной.

Замѣчательно расположились Раненбургскія училища: большая половина скучилась между Зимаровской и Истобенской (об-

разцовой), двумя самыми обезпеченными и ранѣе другихъ окрѣпшими; другая, меньшая половина пріютилась въ углу около Данковскаго уѣзда и его школъ; точно, право, и въ грамотности есть что-то заразительное.

Точно также *въ Скопинскомъ* уѣздѣ большинство школъ сохранилось или ожило въ юго-западной части его, ближе къ Данковской межѣ. Но работа здѣсь шла другимъ путемъ. Данковъ строилъ вновь; Скопинъ пользуется готовымъ матеріаломъ; тамъ земство все создало; здѣсь частные люди пошли навстрѣчу земству, и потому дѣло едвали не станетъ здѣсь еще скорѣе на твердую почву. Только что блеснула мысль обратить большую часть суммъ, ассигнованныхъ на народное образованіе, на устройство и поддержаніе хорошихъ училищъ съ приличнымъ помѣщеніемъ; только что приступаютъ къ постройкѣ (въ Куминѣ и Чернавѣ), какъ тотчасъ гласные Боковъ, Лихаревъ, Мусинъ-Пушкинъ, Ваценко и крестьяне села Горлова предлагаютъ—кто помѣщеніе, кто землю, кто то и другое, и сразу возникаетъ семь земскихъ училищъ [1]), изъ коихъ 2 женскихъ—рѣдкій примѣръ въ нашей губерніи; такъ что къ 1.200 руб., ассигнованнымъ на земскія училища въ прошломъ году, пришлось въ нынѣшнее Собраніе прибавить 1.400 руб. на содержаніе тѣхъ, которыя съ тѣхъ поръ переданы или предположено передать частными лицами и обществами въ руки земства, а съ другой стороны можно было отмѣнить статью на постройку училищъ, такъ какъ они являлись выстроенными къ услугамъ земства. Вѣрная постановка вопроса земскимъ собраніемъ сразу вызвала частную дѣятельность, сочувствіе лицъ просвѣщенныхъ и тѣхъ обществъ, куда грамотность забросила уже свое сѣмя. Кто только понимаетъ цѣну образованія, всѣ зашевелились; кто положилъ начало школъ, тотъ радъ былъ видѣть свое созданіе обезпеченнымъ при участіи и въ рукахъ земства. Проснулись даже учителя, закоренѣлые въ преданіяхъ старой школы, и такъ какъ Скопинское собраніе не лишило ихъ сразу,—какъ сдѣлало, напримѣръ, Рязанское,—всякихъ пособій, а назначило небольшую часть своей смѣты на тѣхъ, кто дотолѣ трудился по старому (отъ 25 до 100 р. на училище) и большую часть на тѣхъ, кто примѣнитъ къ школѣ новыя начала,—то и стали всѣ переработывать свои пріемы; звуковой методъ привился самъ собой, хотя только человѣка 4—5 изъ Скопинскихъ учителей посѣщали курсы; измѣненіе способа и большая

[1]) Въ Куминѣ, Покровскомъ-Шишкинѣ, Чернавѣ, Зезюлинѣ, Горловѣ—мужскія или вѣрнѣе смѣшанныя; Кельцахъ и Наземовѣ—женскія.

живость въ преподаваніи привлекли большее число мальчиковъ, и общества, недавно закрывавшія свои школы, просятъ уже объ открытіи у нихъ новыхъ земскихъ и строятъ помѣщенія,—какъ, наприм., Горловское, - болѣе обширныя и удобныя, чѣмъ самъ училищный совѣтъ. Изъ 28 училищъ (однимъ меньше, чѣмъ въ прошломъ году, за открытіемъ 3-хъ и закрытіемъ 4-хъ) совѣтъ нашелъ 15 хорошими и 8 удовлетворительными; чѣмъ оно лучше,—это общее замѣчаніе,—тѣмъ аккуратнѣе ходятъ дѣти. Само собой разумѣется, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ всѣ училища осматриваются членами совѣта, и этому надзору слѣдуетъ въ большей мѣрѣ приписать совершившійся переломъ въ способахъ преподаванія.

Скопинская смѣта на 1873 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ: на земскія училища 2.600 р., на пособіе и поощреніе лучшимъ преподавателямъ и школамъ 1.640 р., на учебныя пособія 500 руб. и на расходы совѣта 260 руб., итого 5.000 руб.—Управа предлагала ограничиться меньшей цифрой. Но въ Скопинскомъ собраніи, почти одномъ въ губерніи, вошло въ обычай подвергать вопросы по народному образованію обсужденію въ особой комиссіи, и по ея докладу, замѣчательному своимъ прямымъ и искреннимъ отношеніемъ къ дѣлу, утверждена прежняя цифра 5.000 руб., но съ новымъ распредѣленіемъ, служащимъ логическимъ развитіемъ предыдущей смѣты.

Вотъ, господа, что могла сдѣлать ясная и опредѣленная система въ отношеніяхъ земства къ училищамъ, система основанная на искреннемъ сочувствіи къ нимъ. Вслѣдъ за этими уѣздами, и отчасти по стопамъ ихъ, идутъ *Спасскій* и *Пронскій*. Первому удалось поставить довольно твердо 8-мь земскихъ училищъ, и поднято городское такъ, что при населеніи, недоходящемъ до 2.000 ревизскихъ душъ, почти 300 дѣтей обоего пола аккуратно посѣщаютъ училище (недавно раздѣленное на мужское и женское). Совѣту приходится уже, изъ опасенія остаться безъ средствъ и, преимущественно, безъ учителей, задерживать нѣсколько поступающіе къ нему приговоры объ открытіи училищъ. Изъ мальчиковъ учится 20 на сто.

Пронскому уѣзду во весь истекшій годъ было не до училищъ, и прошлогоднее его постановленіе объ обезпеченіи съ 1-го января 1872 года нѣсколькихъ училищъ, съ жалованьемъ учителямъ по 240 руб., осталось, кажется, доселѣ неисполненнымъ. Сентябрьское Собраніе посвятило, однако, много времени вопросу

народномъ образованіи; 500 руб. ассигновано въ пособіе публ-
дной библіотекѣ, существующей въ Пронскѣ уже нѣсколько
гъ; 400 руб. въ пособіе открываемой въ городѣ женской шко-
; 460 руб. на содержаніе женской школы въ селѣ Гулынкахъ,
роенной подлѣ мужской школы А. В. Головнинымъ и пере-
ной имъ нынѣ Пронскому земству; 1.100 руб. на устройство
содержаніе 3-хъ ремесленныхъ школъ для обученія столярному
отерству, бондарному, шорному, сапожному и кузнечному и
00 руб. на содержаніе прочихъ училищъ, въ томъ числѣ и
кихъ, всего 8.710 руб. Слѣдующему Губернскому Собранію
дѣюсь доложить объ успѣхѣ этихъ благихъ предположеній,
нь многосторонне захватывающихъ вопросъ о народномъ об-
зованіи.

Средній размѣръ учительскаго жалованья (съ наградными)
хорошихъ училищахъ Скопинскаго уѣзда—240 руб., Данков-
го и Спасскаго—200 руб., Раненбургскаго—170 руб.

Зарайскій училищный совѣтъ получилъ, кажется, изъ управы
исходѣ 1871 года слѣдующія ему за 1870 годъ деньги и
00 руб. по смѣтѣ за 1871 годъ; затѣмъ, въ 1872 году еще
) руб. по смѣтѣ 1871-го-же. Въ недоимкѣ за управою теперь
ѣе 7.000 руб.; при каковомъ условіи училищамъ процвѣтать
удно и учителя благоденствовать не могутъ; а въ силу поста-
зленія предыдущаго Собранія нѣкоторые изъ нихъ льстили
я надеждой на жалованье 200 руб.,—тамъ, по крайней мѣрѣ,
ъ обществомъ устроены будутъ хорошія помѣщенія. Не обма-
лось-ли при этомъ и иное общество? Постановлено было также
ести книжный складъ для училищъ; книгъ и пособій накуплено
150 руб., разослано печатное объявленіе по уѣзду, и выручено
зно цѣлковый. Да и гдѣ голоднымъ учителямъ покупать кни-
!! Вотъ все, что могу доложить Губернскому Собранію про За-
йскій уѣздъ, такъ какъ въ его журналы не вошли ни отчетъ
илищнаго совѣта, ни другая записка по тому-же предмету,
едставленные Собранію; для разсмотрѣнія ихъ выбрана но-
ссія, какъ ее кто-то остроумно назвалъ *долгосрочная*. Къ буду-
му сентябрю она представитъ свои заключенія; дадимъ-же ей
емя подумать и перейдемъ къ болѣе дѣятельному сосѣду.

Только одно еще: на открытіе реальнаго училища въ За-
йскѣ ассигновано 5.000 руб., итого будетъ 12.000 руб. въ не-
имкѣ по народному образованію.

Въ *Егорьевскомъ* уѣздѣ было въ истекшемъ учебномъ году

33 училища съ 1.500 учащихся,—на 100 болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ; мальчиковъ учится почти 16 на сто. Смѣта, бывшая нѣсколько болѣе полуторы тысячи, возвышена до двухъ, и, сверхъ того, прибавлено еще 100 руб. на разъѣзды штатнаго смотрителя по училищамъ. Изъ прошлой смѣты 700 руб. съ небольшимъ употреблено было на покупку книгъ, выбранныхъ удачно и заготовленныхъ въ достаточномъ количествѣ. Затѣмъ, около 600 р. роздано въ видѣ награды учителямъ, по числу учениковъ, считая на каждаго по 40 коп.; одному только учителю во всемъ уѣздѣ досталось, такимъ образомъ, болѣе 30 р.; иной получилъ и 8 р. 80 к. за школу въ 22 мальчика. Раздача такого ничтожнаго пособія и, притомъ, безъ всякаго вниманія къ успѣхамъ дѣтей и усердію учителя едва-ли можетъ имѣть значеніе. Если уже Егорьевскій уѣздъ не желаетъ твердо поставить нѣсколько училищъ, а предоставляетъ эту заботу своему, впрочемъ, весьма развитому и обезпеченному населенію, то все-таки полезнѣе было-бы выдавать пособіе или награды только по числу учениковъ, доведенныхъ въ каждомъ возрастѣ до извѣстнаго уровня знаній. Тогда награда была-бы относительно больше и служила-бы отличіемъ и поощреніемъ. Тому 3 года Губернское Собраніе назначило одному дьячку,—учителю въ Егорьевскомъ уѣздѣ Ѳ. И. Волынскому,—150 руб. награды. Любопытно употребленіе, которое дано имъ: при нѣкоторой помощи отъ общества, онъ поставилъ домъ для училища въ 22 аршина на 9 аршинъ—двухъэтажный и открываетъ въ немъ еще женскую школу. Губернская награда не пропала даромъ. Надѣемся, что Егорьевское земство оцѣнитъ и поддержитъ такое усердіе и воспользуется имъ для устройства дѣйствительно хорошаго училища въ этомъ пунктѣ.

Въ отчетѣ *Михайловской* управы значатся слѣдующіе расходы на училища: по статьѣ—*на народное образованіе*: „на постройку и содержаніе одной сельской школы 900 р.“ остались неизрасходованными; по стат.—*случайные и безвозвратные расходы*: „письмоводителю училищнаго совѣта 6 р. и наставнику Печерниковскаго народнаго училища въ пособіе училищу 25 р.“, итого 31 руб. Затѣмъ, Собраніе назначило учителю въ Малинкахъ 25 руб. за 3-хъ-лѣтнюю службу, предоставило училищному совѣту распорядиться остатками отъ смѣты 1871 года на училища, не стѣсняясь постановленными ранѣе правилами, и внесено въ смѣту 1873 года 800 руб. на училища; что-же касается до вышепомянутой постройки одной сельской школы, именно въ Попадьинѣ, то приходилось бы отчаиваться въ выполненіи этого расхода, если

бы собраніе, само уже кажется въ томъ отчаяваясь, не обратилось къ гласному князю Гагарину съ просьбой принять на себя завѣдываніе этой постройкой.

Ряжскій училищный совѣтъ имѣлъ маленькую неудачу; собраніе 1871 года ассигновало нѣсколько болѣе 300 руб. на устройство книжнаго склада для доставленія училищамъ руководствъ и пособій по умѣреннымъ цѣнамъ. Какъ скоро наступило время кредиту—3-го января управа просила у совѣта списка того, что нужно выписать для склада; училищный совѣтъ отвѣчалъ 11 сентября за № 85, присылкой печатнаго каталога, изданнаго министерствомъ, съ объясненіемъ, что „всѣ эти книги одобрены министерствомъ и необходимы для руководства преподавателямъ и для составленія библіотекъ при училищахъ". Вамъ извѣстенъ, господа, этотъ каталогъ; въ немъ помѣщено все, что только вышло у насъ безвреднаго для начальной школы, именно съ тѣмъ, чтобъ изъ него можно было выбирать по вкусу. Управѣ конечно выбирать было некогда; переписываться съ совѣтомъ въ сентябрѣ ей было тоже некогда, и 29 сентября она представила докладъ собранію, которое похерило эту статью расхода изъ своей смѣты. Кто виноватъ?

Переходя къ *Касимовскому* уѣзду, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ, и напомнить вамъ, г.г., въ короткихъ словахъ исторію его училищъ.

Въ исходѣ 1869 года было въ Касимовскомъ уѣздѣ 75 училищъ съ 2.400 учащихся. Учителя въ этихъ школахъ, распредѣленныхъ на 3 разряда, получали отъ земства по 30, по 70 и по 100 рублей. Общества ничего не платили, развѣ давали помѣщенія; училищный совѣтъ хотѣлъ остановиться въ дальнѣйшемъ расположеніи школъ, обратить вниманіе на качество преподаванія, и стараться привлекать общества къ пожертвованіямъ, улучшить обстановку учителей. Необходимость усовершенствовать преподаваніе была уже слѣдовательно сознана, также какъ и невозможность успѣха при такомъ нищенскомъ вознагражденіи умственнаго труда. Усиливъ надзоръ. руководя учителями, можно было поднять нѣсколько уровень школъ, вслѣдъ затѣмъ явилась бы сама собою и готовность населенія къ пожертвованіямъ; но для этого нужно было поработать надъ школами, а работать оказалось некому, нужно было терпѣніе и его не хватило. Собраніе 1870 года пронеслось, точно буря, по этимъ 3-хъ лѣтнимъ порядкамъ. Опираясь на фактъ, къ сожалѣнію безспорный, что изъ скуднаго жалованья, назначеннаго учителямъ, вычиталось еще

за лѣтніе мѣсяцы; заявляя вѣрное въ сущности начало, что нѣсколько хорошихъ школъ лучше многихъ дрянныхъ, собраніе 1870 года изъ 75 училищъ отказало 33-мъ въ пособіи и сберегло тѣмъ 840 руб. Большая часть этихъ училищъ была въ мелкихъ деревняхъ не подалеку отъ крупныхъ селеній, гдѣ должны были оставаться училища; и, слѣдовательно, можно было помириться съ этой мѣрой, предложенной тогдашнимъ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища г. Трофимовымъ, теперешнимъ штатнымъ смотрителемъ въ Раненбургскомъ уѣздѣ, однимъ изъ усерднѣйшихъ и разумнѣйшихъ дѣятелей въ нашей губерніи. Но слѣдовало немедленно обезпечить оставшіяся училища, снабдить ихъ всѣми пособіями, улучшить положеніе учителей. Надзоръ однако не былъ усиленъ, жалованье продолжало выдаваться такъ не аккуратно, что на каждое земское собраніе подавались жалобы учителей на неполный расчетъ; частный складъ учебныхъ книгъ и пособій закрылся, и ничѣмъ не замѣненъ; школы оставались безъ книгъ, безъ досокъ, безъ бумаги. Стипендіаты, воспитанные Касимовскимъ земствомъ въ уѣздномъ училищѣ, пріѣзжая въ Рязань на лѣтніе учительскіе курсы, пріобрѣтали хоть нѣкоторую опытность и возвращались съ надеждой примѣнить ее въ своихъ школахъ. Но ихъ оставили безъ училищъ или безъ учебныхъ пособій. Теперь гдѣ они? Купцовъ служитъ на почтѣ, Зайцевъ въ казначействѣ, Макаровъ помощникомъ волостнаго писаря, Некишевъ ушелъ бондаремъ въ Таганрогъ, Соловьевъ въ Петербургъ въ типографію, Мешковъ кажется безъ мѣста, Акимовичъ перешелъ въ Спасскій уѣздъ, Когаковъ тоже; ненаходили мѣстъ и учителя изъ духовнаго званія: двое Богдановыхъ, Вердинъ, Мирославлевъ, Молчановъ. Новыхъ стипендіатовъ изъ крестьянъ въ уѣздное училище не отдавали—къ чему было плодить ихъ? Правда, по 100 руб. дали вмѣсто семи—двѣнадцати учителямъ, и до 25 человѣкъ должны были получать по 70 руб., была сумма и на книги; но кому было выписывать книги, кому было прогрѣть учителей, когда ни кто не слѣдилъ за школами? Увлекшись обличеніемъ прошлаго на своихъ собраніяхъ 1870 и 1871 года, Касимовское земство забыло, что и настоящее требовало отъ него дѣятельности и вниманія. Оно упрекало бывшую управу, что та поручила ревизію школъ крестьянину Лукашину, человѣку необразованному; крестьянинъ Лукашинъ небылъ, конечно, педагогъ; но онъ могъ привезти подробныя свѣдѣнія о числѣ учившихся дѣтей, объ аккуратности посѣщенія ими классовъ, объ обстановкѣ учителя и услышать отъ него, въ чемъ именно школа болѣе нуждалась. И это было дорого для уѣзда, гдѣ теперь всякая цифра

учениковъ признается *гадательной* самими членами училищнаго совѣта, (*) и дорого для учителя, которому можно было хоть кому нибудь высказать свои нужды.

Въ 1871 году на собраніи продолжался учетъ прежняго времени, а училищный совѣтъ не могъ представить никакого отчета; онъ не зналъ даже, сколько въ уѣздѣ школъ. Чтобы спасти хоть остатки отъ училищныхъ смѣтъ, гласный Гильдебрандъ предложилъ образовать изъ нихъ неприкосновенный училищный фондъ, что и было принято. Собраніе настоящаго года снарядило экспедицію для описанія существующихъ училищъ, и постановило вызвать пожертвованія на нихъ отъ самихъ обществъ, чрезъ г.г. мировыхъ посредниковъ. Говорятъ, что послѣдняя мѣра имѣла успѣхъ. Но если доселѣ ровно ничего не создано прочнаго на четыре тысячи въ годъ, къ чему послужатъ эти одна или двѣ лишнихъ? Члены училищнаго совѣта представили въ 1872 г. хотя все еще не отчетъ, но по крайней мѣрѣ докладъ. Отстраняя отъ себя обязанность представлять собранію цифровыя данныя, необходимое впрочемъ снованіе для правильнаго сужденія о положеніи дѣла, они приступаютъ прямо къ изложенію причинъ худаго состоянія училищъ, которыхъ огромное большинство осталось неосмотрѣннымъ ими въ теченіи 2-хъ лѣтъ, которыхъ самое число имъ опять въ точности неизвѣстно. „Чрезмѣрное расположеніе школъ и проистекающій отъ того недостатокъ средствъ"—вотъ молъ первая причина. Можемъ утѣшить членовъ Касимовскаго совѣта: послѣ того какъ столько учителей разбѣжалось, помѣщенія сданы для другихъ потребностей, и добрая часть школъ закрылась сама собой, на содержаніе остальныхъ хватитъ ассигнованныхъ средствъ и безъ подаянія обществъ. „Равнодушіе народа къ дѣлу образованія и увѣренность его, что содержаніе школъ лежитъ на обязанности земства,"—вотъ молъ вторая причина неуспѣху. Есть конечно уѣзды въ губерніи, хоть бы Данковскій и Скопинскій, которые думаютъ также какъ и Касимовскіе крестьяне, что такова обязанность земства. Въ самомъ Касимовскомъ собраніи мнѣніе членовъ совѣта встрѣтило отпоръ. Неравнодушіе народа доказано было поступающими приговорами съ просьбами объ открытіи школъ. Различая совершенно правильно понятія—„равнодушія и безучастія", гласный Оленинъ объяснилъ это безучастіе народа тѣмъ, что „земство, принявъ на себя исключительную и непосредственную заботу объ этомъ дѣлѣ, какъ бы отрѣшило народъ отъ всякаго нравственнаго и матеріальнаго на

*) См. журналъ засѣданія 1 октября 1872 г.

него вліянія". Такъ оно дѣйствительно и было, и было оно хорошо: черноземная полоса дала блистательное тому доказательство. Только тогда, когда посредствомъ хорошихъ школъ земство подняло бы крестьянъ до уровня, гдѣ можно цѣнить образованіе и судить о немъ, или увлекло бы ихъ хорошими образцами и черезъ дѣтей покорило бы сердца родителей, тогда только могло бы оно сложить снова на руки готовыхъ къ тому крестьянъ принятую имъ на себя обязанность. Неужели вправѣ брать какое нибудь дѣло въ свои руки и потомъ, недокончивъ его, возвращать: тяжело молъ оно, надоѣло. Первое въ губерніи Касимовское земство поняло свою задачу образовать и воспитать неграмотныя сословія. Оно надѣлало много ошибокъ, оно расплылось въ своихъ начинаніяхъ; не спорю; пришлось съузить рамки первоначальнаго плана, но тогда можно было выполнить его съ успѣхомъ. Ни я, ни члены Касимовскаго училищнаго совѣта Касимовскихъ училищъ не обозрѣвали: не будемъ же спорить объ ихъ достоинствѣ; но мнѣ знакомы посѣщавшіе лѣтніе курсы Касимовскіе учителя, а таковыхъ было до 25-ти человѣкъ, и я ручаюсь, что съ этимъ матеріаломъ можно было создать хорошія школы, еслибъ сохранять его и поддерживать во время его энергію. Грѣшно или легкомысленно было бросать начатое дѣло, и неужели теперь возвращать его народу, какъ дѣло, съ которымъ, послѣ столькихъ неудачныхъ попытокъ на Руси, и земскіе люди неумѣли сладить? Что же дѣлать народу? Попытаться самому разрѣшить вопросъ? или отвѣчать назначеніемъ денегъ отъ себя въ руки тѣхъ же распорядителей, которые конечно не могли съ четырьмя тысячами содержать 75 школъ, но могли съ этими деньгами создать ихъ 15? Нѣтъ, не денегъ недоставало земству, а серьезнаго отношенія къ дѣлу. Тѣже учителя, которые въ 1870 г. жалуясь на вычеты и недоплаты, дорожили роднымъ уѣздомъ и не хотѣли искать ни принимать мѣста въ другомъ, отчего они въ 1872 г. бѣгутъ безъ оглядки? Они поняли, что Касимовскому земству не до училищъ. Неужели оно не опомнится! неужели оно не пойметъ, что какъ тѣни отъ дремучихъ лѣсовъ стелятся шире и гуще при солнечномъ закатѣ, такъ, съ послѣдней угасающей школой, ляжетъ стыдъ его по всему Касимовскому уѣзду.

Когда враждебной земству литературѣ нужны будутъ доказательства, что земство не способно вести училищное дѣло, она отыщетъ ихъ въ лѣтописяхъ Касимовскаго и можетъ быть Сапожковскаго уѣздовъ.

„Съ прискорбіемъ, съ глубокимъ прискорбіемъ" приступаетъ

Сапожковскій училищный совѣтъ къ представленію своего отчета земскому собранію: въ пригородномъ участкѣ закрылись всѣ школы, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ закрылись почти всѣ; изъ 37-ми бывшихъ въ уѣздѣ тому 2 года (въ 18⁶⁹/₇₀ учеб. году), стало ихъ всего 22 къ прошлому сентябрю. Училищный совѣтъ можетъ быть и правъ въ своемъ самообличеніи; но едвали вполнѣ справедливо называть грустнымъ явленіемъ уменьшеніе числа школъ при увеличеніи числа учениковъ. Тому 2 года 37 школъ съ 798 учащихся, теперь 22 школы и 968 учащихся; тогда 22, теперь 44 ребенка на школу. Не значитъ ли это, что закрылись тѣ, которыя шли плохо и отъ которыхъ слѣдовательно народъ не могъ видѣть пользы, и что окрѣпли, напротивъ, при небольшомъ земскомъ пособіи тѣ, гдѣ ученіе шло порядочно? А гдѣ хоть нѣсколько училищъ постепенно развивается и крѣпнетъ, тамъ есть мѣсто надеждѣ и радости. Но это развитіе дѣлалось, какъ будто само собою, благодаря мѣстнымъ обстоятельствамъ или частной благотворительности, какъ будто помимо Совѣта. Онъ не воспользовался благопріятными условіями, чтобъ окончательно упрочить и обезпечить эти немногія рустущія училища. Правду говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ, что „въ холодности народа къ школѣ виновны всѣ мы, узнавшіе прежде большинства крестьянъ необходимость и выгоды грамотности, и черезъ все умножившіе свои достатки и пріобрѣвшіе высшее положеніе между своими согражданами;—и вмѣстѣ съ сознаніемъ этой истины вырабатываются въ немъ новыя начала. „Было время, когда онъ твердо стоялъ на требованіи, чтобы неграмотные крестьяне сами заявили сочувствіе къ грамотности, прежде чѣмъ земство придетъ имъ на помощь; въ 1866 году общество должно было сперва обложить себя сборомъ въ 18 к. съ души. Въ 1868 году земство смягчилось и понизило цифру условнаго обложенія до 10 к. Въ 1872 году училищный совѣтъ предлагаетъ спустить ее до 5 коп. и предложилъ бы уничтожить совсѣмъ это условіе, еслибъ не возникающее тогда затрудненіе въ выборѣ между селеніями для распредѣленія земскихъ пособій и опасеніе навлечь на себя неудовольствіе обдѣленныхъ. За то совѣтъ предлагаетъ новыя условія, приговоръ на 3-хъ лѣтній срокъ и обязательство принимать учителя по выбору совѣта,—тѣ же почти условія, которыя за три недѣли передъ тѣмъ отмѣняло Михайловское собраніе послѣ годичнаго опыта. Сапожковское собраніе утвердило всѣ предположенія своего совѣта, пройдя въ эти 6 лѣтъ тотъ же путь, что и Касимовское земство, только въ обратномъ направленіи. Тамъ училища были когда-то исключительною заботою земства, кото-

рое теперь вызываетъ черезъ своихъ посредниковъ и старшинъ копѣечное сочувствіе сельскихъ обществъ; здѣсь, прождавъ 6 лѣтъ такого самораждающагося сочувствія, земство приходитъ къ убѣжденію, что его дѣло зажечь свѣточь во мракѣ. Кто же правъ, г.г.? Что за различныя проявленія? Что за шатаніе языковъ?

Пособіе отъ 120 до 200 рублей двумъ земскимъ школамъ (названнымъ, къ сожалѣнію, *образцовыми*) въ Алексѣевкѣ и въ Большихъ Можарахъ, назначеніе ничтожнаго пособія въ 100 руб. селеніямъ на постройку отдѣльныхъ зданій на училища, и пониженіе, такъ сказать, учебнаго ценза крестьянскихъ обществъ съ 10 на 5-ти копѣечный сборъ, вотъ что сдѣлалъ и выработалъ въ истекшемъ году Сапожковскій училищный совѣтъ. Земское собраніе относлось къ нему холодно, и мало кажется вникло въ его предположеніе. Не первый годъ занимается оно теоретической разработкой вопроса объ организаціи народнаго обученія, и въ нынѣшнемъ пришло къ выводу, и постановило ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о введеніи дароваго и обязательнаго обученія въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуютъ школы, и объ обязательномъ сборѣ по 5 коп. съ десятины на содержаніе училищъ отъ земства и на образованіе запасного училищнаго капитала. Главнымъ доводомъ въ пользу этихъ началъ были неразуміе и бѣдность крестьянъ. Но 5 коп. съ десятины, при 3-хъ десятинномъ душевомъ надѣлѣ, не 15 ли это коп. съ души, не близко ли къ тѣмъ 18 копѣйкамъ—исходной точкѣ Сапожковскаго земства? И какъ понять такой ходъ мысли: намъ, земству, тяжело будетъ принять на себя обязательство устроить вездѣ училища, мы будемъ слѣдовательно открывать ихъ гдѣ, когда и какъ намъ заблагоразсудится; но крестьяне де будутъ обязаны посылать дѣтей во всякую открытую нами школу. Намъ—свобода, на нихъ—обязательство. Засимъ слѣдуетъ предположеніе о необходимости цѣлаго ряда побудительныхъ мѣръ, изобрѣтеніе коихъ предоставляется, къ счастію, самому правительству.

Главными доводами противъ предложеннаго ходатайства заявленны были слѣдующіе: что обязательность школы наградитъ ее, хоть бы въ настоящемъ поколѣніи, народною ненавистью, что карательныя мѣры лягутъ особенно тяжело на бѣднѣйшихъ, что можно запрещать дѣйствія вредныя другимъ, но нельзя принуждать никого принимать благодѣяніе,—что, наконецъ, обязательное обученіе возможно въ Германіи, гдѣ почти всѣ грамотны, а не въ Сапожковскомъ уѣздѣ, гдѣ грамотныхъ едвали 10%.

Нельзя не согласиться безусловно съ справедливостью пер-

выхъ, почерпнутыхъ изъ жизни, возраженій. Но юридическая постановка вопроса о правѣ благодѣтельствовать здѣсь едва ли правильна. Напротивъ, на юридической почвѣ вопросъ объ обязательномъ обученіи стоитъ твердо. Принужденіе распространяется на родителей, благодѣяніе на дѣтей. Если невѣжество—зло, если держать въ невѣжествѣ—есть наносить вредъ, то законъ можетъ ограждать дѣтей отъ вреда, наносимаго имъ родителями, точно также какъ онъ преслѣдуетъ родителей за пріученіе или принужденіе дѣтей къ нищенству. Запрещеніе вредить другому, слабѣйшему,—вотъ смыслъ закона объ обязательномъ обученіи, и то, что наносимый вредъ духовнаго свойства, не ослабляетъ значенія этого закона. Но вопросъ здѣсь: въ правѣ государство врываться въ семью, направлять ея внутреннюю жизнь,—и въ предѣлахъ ли оно этого права? Вопросъ слишкомъ сложный, чтобъ вдаваться въ него теперь; я хотѣлъ только поставить его, указать, съ какой стороны къ нему слѣдуетъ подходить.

Ограничимся практической стороной дѣла.

Сравненіе числа грамотныхъ въ Германіи и въ Сапожковскомъ уѣздѣ едва ли что доказываетъ, потому что обязательное обученіе введено было въ Германіи въ то время, когда въ селахъ было конечно менѣе грамотныхъ, чѣмъ въ Самодуровкѣ и Большихъ Можарахъ, и грамотность ея именно плодъ этого обученія.

Англія переняла кое-что у Германіи, но не узаконила у себя обязательнаго обученія; она только дозволила училищнымъ совѣтамъ вводить его тамъ, гдѣ они обезпечатъ сперва помѣщеніе въ школѣ для *всѣхъ* дѣтей околодка. Что значитъ подобное вполнѣ справедливое условіе въ отношеніи къ нашимъ селамъ? Въ селѣ Суркахъ, напримѣръ, Данковскаго уѣзда, гдѣ 2.900 душъ обоего пола, училище въ 9 арш. на 9, въ которомъ съ трудомъ помѣщается 80 учениковъ; рѣчь заходитъ между самими крестьянами о постройкѣ второго училища, и нанято уже для онаго временное помѣщеніе; но дѣтей тамъ до 430, могущихъ учиться; на желающихъ—скоро и второго помѣщенія не хватитъ. Въ Путятинѣ, Сапожковскаго уѣзда, 3.460 душъ обоего пола; слѣдовательно до 520 дѣтей отъ 8 до 14 лѣтъ; въ Большихъ Можарахъ 2.230 душъ обоего пола, и до 330 дѣтей. Въ первомъ селеніи нужно пять школъ, во второмъ три, съ классными комнатами въ 12 аршинъ длины на 9 ширины и покрайней мѣрѣ 4 арш. вышины; и то предполагая, что учитель сладитъ съ классомъ въ 100 и 110 человѣкъ. Скоро ли удастся создать такія помѣщенія въ этихъ 2-хъ селеніяхъ и снабдить ихъ всѣмъ потребнымъ для

класса? Иначе, какъ опредѣлить, на какую именно семью распространяется обязательность? Или ограничиться сперва мальчиками? Неравносильно ли это будетъ запрещенью дѣвочкамъ ходить въ школы, гдѣ буквально для нихъ мѣста не будетъ?

Если такія затраты неизбѣжны при, или вѣрнѣе, до обязательнаго, обученія, отчего бы Сапожковскому земству не приступить къ нимъ сразу; отчего было вмѣсто звонкаго ходатайства не назначить не какіе то жалкіе сто рублей, а пятьсотъ или тысячу на пособіе всякой строющейся въ значительномъ селеніи школѣ, чтобъ она могла содержать въ 2-хъ классахъ не менѣе полутораста дѣтей. Если поставить школу, въ которую помѣстились бы всѣ окрестныя дѣти, если снабдить эту школу всѣми нужными учебниками и пособіями—что все понадобится при обязательномъ обученіи—если сдѣлать добровольно всѣ эти затраты и отдать школу въ руки добраго, способнаго и хорошо обезпеченнаго учителя, какъ знать—можетъ быть, года черезъ три, и не отыщется въ этой мѣстности ребенка, неходящаго въ школу. А вѣдь стоило бы сдѣлать этотъ опытъ, вамъ покрайней мѣрѣ, г.г. Сапожковскіе гласные, ходатайствующіе о приказаніи сдѣлать по всему уѣзду то, чего нехочется самимъ сдѣлать, въ любомъ уголкѣ его. Судя по нашему опыту въ Спасскомъ уѣздѣ, къ хорошему учителю при достаточныхъ пособіяхъ ходитъ все, что только можетъ влѣзть въ его школу. Въ Веретьяхъ въ прошломъ году изъ 67 дѣтей отъ 7 до 14 лѣтъ ходило 60; въ Шатрищахъ изъ населенія въ 1.500 душъ обоего пола отказано нынче до 50-ти ребятамъ по неимѣнію мѣста въ классѣ, гдѣ 12 арш. на 8 арш.—хотя тамъ же воскресная школа для дѣвушекъ; въ Спасскѣ, при неполныхъ 2.000 ревизскихъ душъ, является болѣе 200 мальчиковъ на 2 смѣны; въ Киструской слободѣ въ огромной школѣ (22 арш. на 9) близко къ полному итогу мальчиковъ. Не тоже ли повторится вездѣ? Но, конечно, нужны мѣста, нужны полныя пособія съ перваго дня, нуженъ хорошій учитель. Когда при такихъ условіяхъ въ 3 года училище не будетъ полнѣе полнаго улья, тогда, извольте, поставимъ вопросъ объ обязательномъ обученіи.

Но есть другого рода обязательность, невторгающаяся въ семью, лежащая на обществѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: обязательность устраивать училища. Одинъ изъ Сапожковскихъ же гласныхъ мѣткимъ словомъ указалъ ихъ различіе; онъ понимаетъ, молъ, что можно обязать построить мостъ—но не понимаетъ, чтобъ можно было обязать ходить по оному. Вотъ

такое обязательство, сдѣлать хорошее училище доступнымъ народу, можетъ и должно принять на себя земство, безъ всякихъ ходатайствъ, связавъ себя собственнымъ постановленіемъ ему нечего стремиться къ этому сразу по всему уѣзду, нечего бояться нареканій и взаимной зависти между селеніями; ему нужно только поставить себѣ ясно эту задачу, и употреблять къ ней всѣ матеріялы, какіе встрѣтятся въ уѣздѣ, начиная съ мѣстностей, гдѣ этихъ матеріяловъ и удобствъ болѣе; поставя всякую школу такъ прочно, чтобъ обезпеченіе оной не могло уже зависѣть ни отъ случая, ни отъ общественнаго приговора, ни отъ усмотрѣнія должностнаго лица.

Въ одномъ изъ прежнихъ моихъ докладовъ я указывалъ на принятыя уѣздами нашими три системы участія земства въ начальномъ образованіи: во 1-хъ, систему наградъ и премій, во 2-хъ, участія земства извѣстной долей въ содержаніи школы, обусловленнаго починомъ со стороны крестьянъ, и въ 3-хъ, починъ самаго земства. Я указывалъ и на то, что первая система—поощреніе учителя по окончаніи учебнаго курса—оставляетъ и его и училище въ теченіи цѣлаго года безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію, и потому не обезпечиваетъ дѣла народнаго образованія, и на то, что средства эти, при второй системѣ починъ обществъ, поставлены въ зависимость отъ просвѣщеннаго сознанія той именно среды, съ невѣжествомъ которой школа должна бороться, и что дѣло заключено такимъ образомъ въ заколдованный кругъ; школа можетъ возникнуть лишь вслѣдъ за сознаніемъ, которое она одна можетъ вызвать. Я отдавалъ тогда преимущество третьему способу—починъ земства въ открытіи сельскихъ училищъ. Мнѣ удалось нынче доказать это преимущество на живомъ примѣрѣ Данковскаго и Скопинскаго уѣздовъ.

Вездѣ, какъ и тамъ, успѣхъ будетъ зависѣть отъ сосредоточенія силъ нравственныхъ и матеріяльныхъ на немногихъ единицахъ, чтобы на нихъ примѣниться къ мѣстности и показать образчикъ настоящаго училища, одновременно подготовить себя и приготовить себѣ сотрудниковъ и почву, вызывая сочувствіе населенія къ дѣлу, уже состоявшемуся. Безъ частаго и продолжительнаго посѣщенія училища нельзя ни устроить его, ни исправить; заглазное дѣло всегда пойдетъ плохо; тутъ нужно время и потому можно заняться только немногими училищами заразъ. Всего труднѣе, конечно, устроить первое училище; но оно же поможетъ устроить второе, и чѣмъ дальше, тѣмъ легче.

станетъ задача. Такъ сдѣлали въ Данковскомъ уѣздѣ; сосредоточили свое вниманіе на восьми земскихъ училищахъ, но объ нихъ уже пеклись неусыпно: сносное помѣщеніе, довольство книгами, устройство хора, своевременное удовлетвореніе потребностей, посѣщеніе училища по нѣскольку разъ въ годъ, строгій выборъ учителей, поощреніе ихъ наградой и ласковымъ словомъ, которое учителю дороже награды, доставленіемъ имъ нѣкоторыхъ книгъ для собственнаго чтенія, посылка ихъ на лѣтніе курсы, куда пріѣзжалъ и предсѣдатель училищнаго совѣта, чтобъ провѣрить ихъ занятія и познакомиться съ требованіями и указаніями руководителей—вотъ мѣры, какія были приняты.

Двое изъ учителей оказались скоро способными нетолько сами вести дѣло, но и помогать другимъ; къ этимъ лицамъ приставлены были въ видѣ помощниковъ молодые люди, кандидаты на учительскія должности и посылались на курсы уже послѣ такого испытанія; этимъ способомъ приготовлено кажется 8 человѣкъ, установлялось такимъ образомъ нѣкотораго рода преданіе; школа росла въ глазахъ учителей и населенія. Приговоры крестьянъ объ открытіи земскихъ училищъ являлись чаще и чаще; всѣ общественныя училища переданы въ руки управы, и предсѣдателю училищнаго совѣта приходится уже не вызывать на сходахъ Касимовское сочувствіе, а выслушивать упреки въ медленности его распоряженій и упрашивать крестьянъ, чтобъ обождали своей очереди.

Грамотность пустила корни. Но она пустила бы ихъ глубже и крѣпче можетъ быть если бы Данковскіе дѣятели не сдѣлали, какъ намъ кажется, важной ошибки.

Какъ сначала, подчиняясь слишкомъ распространенному предубѣжденію, что крестьянинъ сознаетъ пользу лишь того, за что онъ платить, какъ бы она ни была очевидна,—Данковское земство открывало училище не иначе, какъ заручившись общественнымъ приговоромъ о пожертвованіи на оное, причемъ дѣло тормазилось и необходилось конечно безъ нѣкотораго нравственнаго насилія; такъ въ послѣдствіи оно увлеклось многочисленными заявленіями обществъ и открывало земскія училища, не соображаясь вполнѣ съ своими нравственными средствами. При меньшемъ числѣ такихъ училищъ они стояли бы нынѣ уже твердо, ихъ внутреннее устройство было бы болѣе закончено, учителя въ нихъ были бы вездѣ хорошіе; разбросавъ свои силы, оно недостигло вездѣ такого положенія и ему нужно еще нѣсколько лѣтъ самыхъ на-

пряженныхъ усилій, чтобы довести дѣло до желанной степени совершенства и устойчивости.

Скопинское земство не сдѣлаетъ, надѣемся, этой ошибки, оно осторожно и неторопливо отстраиваетъ свои училища; оно непроситъ крестьянъ учиться, оно даетъ имъ хорошія школы; оно помнитъ поговорку: „хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ".

Если взглянемъ на ростъ училищнаго дѣла въ другихъ мѣстностяхъ и странахъ, вездѣ найдемъ либо даровитаго наставника, создающаго вокругъ себя цѣлое поколѣніе учителей, либо хорошую школу, случайно устроившуюся и служащую образцемъ и мѣриломъ для многихъ возникающихъ мало по малу вокругъ нея.

Однимъ словомъ, вездѣ надобно было разростись одному крѣпкому и здоровому дереву, и подъ тѣнью его выростали другія отъ брошенныхъ имъ сѣмянъ на плодородной почвѣ человѣчества. Послѣдуемъ же сознательно этому уроку, данному намъ прошедшимъ. Устроимъ, нещадя средствъ ни усилій, которыя еще важнѣе средствъ, нѣсколько хорошихъ училищъ, неторопясь, но и незасыпая; и предоставимъ ихъ благотворной силѣ увлечь сердца и помыслы народа на путь просвѣщенія.—Я не хочу этимъ сказать, чтобы мы вправѣ были отказывать въ пособіи тамъ, гдѣ проявляется желаніе учиться. Но удовлетворяя въ скромныхъ размѣрахъ всякой проявившейся потребности, сосредоточимъ свои силы на нѣсколькихъ излюбленныхъ училищахъ. Нечего дѣлать, надо дать временное, несправедливое можетъ быть предпочтеніе нѣкоторымъ мѣстностямъ. Это единственное средство выработать и начала и людей, которые могли бы пронести потомъ грамотность по всѣмъ закоулкамъ и въ послѣднюю хату нашей губерніи.

А чтобы ускорить дѣло, чтобы эта несправедливость была менѣе тяжела: учите дѣвочекъ, будущихъ матерей, даровыхъ и лучшихъ наставницъ дѣтей своихъ.

Если впрочемъ глубже вглядѣться въ очерченныя три системы, ни одной изъ нихъ нельзя будетъ признать самостоятельной, ни одной нельзя будетъ отдать преимущество. Всѣ онѣ явятся частями одного цѣлаго, различными ступенями послѣдовательнаго развитія дѣла. До тѣхъ поръ, пока крестьяне не будутъ сознавать пользу грамотности, они конечно неохотно будутъ открывать школы. Очевидно, что первая и главная задача показать на нѣсколькихъ образцахъ пользу и значеніе грамоты и такъ ска-

зать самымъ дѣломъ, а не словами пробудить стремленіе къ образованію. Отсюда вытекаетъ необходимость учредить нѣсколько школъ, вполнѣ обезпеченныхъ и равномѣрно распредѣленныхъ по уѣзду, и на которыхъ сосредоточилось бы все вниманіе земскихъ людей. Это будетъ первый и самый трудный періодъ земской дѣятельности по народному образованію, періодъ земскаго почина. По мѣрѣ успѣха первыхъ благоустроенныхъ школъ, нѣтъ сомнѣнія, что явится сочувствіе къ нимъ и пробудится стремленіе къ грамотности въ сосѣднемъ населеніи, и чаще, и чаще станутъ являться приговоры обществъ о желаніи открыть у себя школы, приговоры добровольные и зрѣло обдуманные. Тогда земству необходимо будетъ уже только помогать обществамъ, принимая на себя долю расходовъ на содержаніе и на постройку училища. Въ этотъ второй періодъ почина крестьянъ и долеваго участія земства, задача сего послѣдняго значительно облегчится, несмотря на постоянно увеличивающееся число училищъ, потому что первыя училища, правильно устроенныя и достаточно окрѣпнувъ, послужатъ образцами для вновь заводимыхъ. Наконецъ убѣжденные опытомъ заговорятъ и всѣ дальніе уголки уѣзда, и потребность въ грамотѣ станетъ такимъ же насущнымъ, обученіе ей такимъ же обыденнымъ, привычнымъ дѣломъ, какъ посѣвъ хлѣба, заготовка дровъ и другія хозяйственныя заботы. Постоянное пособіе отъ земства ограничится нѣкоторыми исключительными либо слабо населенными, либо крайне бѣдными мѣстностями; дорожа своею школой и своимъ вліяніемъ въ ней, всякое общество будетъ считать для себя правомъ и обязанностію обезпечивать ея матеріальное содержаніе. Тогда наступитъ третій періодъ, когда земству останется посредствомъ премій и наградъ поощреніемъ частной дѣятельности и оцѣнкой личныхъ заслугъ, направлять народныя училища и постепенно возвышать ихъ уровень; тогда ему вольно будетъ обращать свои средства на дальнѣйшее уже развитіе народнаго образованія, на среднія и спеціальныя учебныя заведенія потому пути, какой укажетъ ему правительство.

Таковою представляется мнѣ задача земства относительно воспитанія народа; такъ будетъ видоизмѣняться наше участіе въ дѣлѣ, по мѣрѣ его развитія. Теперь мы у самаго начала; нужно бороться съ невѣжествомъ, закоренѣлыми привычками и предубѣжденіями, оставшимися отъ прошлаго, какъ пни и корни отъ срубленнаго лѣса, надо очистить отъ нихъ поле; примемся корчевать ихъ, неожидая чтобы они сами погнили.

Тому 2 года я предлагалъ вамъ г.г. узаконить устройство земскихъ училищъ. Мое предложеніе было отвергнуто и я не повторяю его. Я не желалъ бы святое дѣло связывать съ тѣмъ, что могли бы назвать насиліемъ. Но время не могло не сдѣлать своего; успѣхи нѣкоторыхъ уѣздовъ, безцѣльное шатаніе другихъ не могли не убѣдить всякаго изъ васъ, кто лишь пристально вглядится въ вопросъ, что призванье земства въ этомъ дѣлѣ не волочиться за обществами, а твердою поступью вести ихъ за собой по торной дорогѣ; что его дѣло сосредоточить свои небольшія средства на немногихъ училищахъ, поставить ихъ такъ, чтобы они горѣли, какъ огни въ темномъ полѣ, маня усталаго путника и обѣщая ему пріютъ, и покой, и хлѣбъ—соль.

Но если пестрая лѣтопись, которой я можетъ быть утомилъ ваше вниманіе, и привела васъ къ убѣжденію въ необходимости разумнаго и постепеннаго развитія училищъ, если въ умѣ вашемъ очертится опредѣленный планъ, какъ вести дѣло, оно все таки не оживетъ въ рукахъ вашихъ, пока не полюбите его. Мѣдью звѣнящей и кимваломъ бряцающимъ останутся ваши пренія на земскихъ собраніяхъ, пока искреннее чувство не зашевелится въ груди и не привлечетъ васъ къ сельскому училищу. Вспомните ваше дѣтство: если улыбка матери, утѣха и радость въ младенческіе годы, пережила въ вашей памяти тревоги и волненія жизни, расплатитесь предъ Богомъ, посылавшимъ вамъ это счастіе, расплатитесь здѣсь, какъ общественные дѣятели, ласкою и книжкою для этой толпы дѣтей, на которую теперь жалѣете своихъ досуговъ и денегъ, чтобы имѣть право потомъ, когда они выростутъ, бросить имъ въ лицо упрекъ въ невѣжествѣ, въ грубости, суевѣріи и порокахъ".

---

187 2/8 годъ [1]).

„Послѣднія земскія собранія возвысили на 1874 годъ итогъ училищныхъ смѣтъ по губерніи почти на пять тысячъ: Сапожковскій уѣздъ увеличилъ свою смѣту на 2.500 руб., Спасскій на 1.600 руб., Данковскій на 430 руб., Раненбургскій на 222 руб. Назначеніе же и порядокъ расходованія этихъ суммъ остались безъ существенныхъ измѣненій. Въ прочихъ 8-ми уѣздахъ сохра-

[1]) Прочтенъ въ засѣданіи Губ. Зем. Собр. 12 декабря 1873 г.

нены прежнія смѣты. Въ пять лѣтъ, съ 1869 по 1874 годъ, общая сумма уѣздныхъ смѣтъ на начальныя училища поднялась съ 21.000 руб. на 49.400 руб. ([1]) т. е. болѣе чѣмъ удвоилась; теперь вопросъ уже не въ томъ, сколько расходуется, а какъ эти средства употребляются и какой результатъ достигается ими. Но именно объ этомъ, г.г. я могу доставить вамъ лишь неполныя и крайне недостаточныя свѣдѣнія. Черпая ихъ преимущественно изъ докладовъ, представляемыхъ земскимъ собраніямъ, я поневолѣ долженъ оставаться въ кругу, ими описанномъ. Не смотря на высокій интересъ этого предмета, на сочувствіе, которое онъ постоянно встрѣчаетъ въ собраніяхъ, на вниманіе, съ которымъ, по общимъ отзывамъ, выслушиваются доклады, до сихъ поръ не выработалась для нихъ опредѣленная рамка и свѣдѣнія, предлагаемыя собраніямъ, отрывочны и, такъ сказать, произвольны. Если полезно вообще обмѣниваться между уѣздами свѣдѣніями о томъ, что дѣлается въ каждомъ, то не лишнимъ бы казалось условиться въ тѣхъ главныхъ вопросахъ, отвѣтъ на которые пріятно было бы встрѣчать во всякомъ отчетѣ. Ихъ не такъ много притомъ, чтобы они обременили докладчиковъ. Само собою разумѣется, что таблица съ наименованіемъ всѣхъ училищъ, указаніемъ числа учениковъ и ученицъ, имени учителя, полученныхъ имъ жалованья, пособія и наградъ какъ отмѣстнаго общества и частныхъ лицъ, такъ и отъ земства, составляетъ основу отчета.—Обезпеченье училища однообразными для каждаго возраста учебниками по русскому языку (букварями, книгами для чтенія) составляетъ коренное условіе успѣха и указываетъ мѣру заботливости училищнаго совѣта и мѣстныхъ попечителей и мѣру требованій, которыя можно предъявлять училищу: если всякій ученикъ снабженъ книгой, то учитель отвѣтственъ за успѣхъ преподаванія; если по книгѣ на двоихъ, отъ него можно еще кое-что требовать; за этимъ предѣломъ или еще при разнообразіи учебниковъ въ одномъ отдѣлѣ—надо довольствоваться всѣмъ, что ни представитъ учитель; его оставили безъ рукъ, скажите ему спасибо и за малое. Но Собранію конечно важно знать, во сколькихъ школахъ въ уѣздѣ дана учителю возможность работать успѣшно. Самый выборъ учебниковъ и руководствъ даетъ понятіе острое препо-

[1]) На одни начальныя училища назначено по смѣтамъ 1874 г. 49412 руб., если присоединить прочіе расходы на предметы народнаго образованія (Сапожковское земское училище, стипендіи, библіотеки) общій итогъ будетъ 54.912 руб. и сверхъ того въ 4-хъ уѣздахъ ассигновано до 23-хъ тысячъ на реальныя училища и прогимназіи.

даванія и о направленіи самаго училищнаго совѣта. Число дѣтей въ возрастѣ учится, такъ называемаго школьнаго возраста, [1]) въ мѣстности прилегающей къ школѣ и сравненіе его съ числомъ учащихся лучше всего опредѣлятъ отношенія населенія къ училищу и взглядъ его на оное. Также важна для оцѣнки этого взгляда и авторитета, который умѣлъ пріобрѣсти учитель, выборка изъ классного журнала о числѣ постоянно ходившихъ въ школу дѣтей Доля жалованья получаемаго учителемъ отъ общества и порядокъ полученія онаго опредѣляютъ степень зависимости учителя отъ мѣстныхъ властей, зависимости всегда нежелаемой, пока эти власти не будутъ нѣсколько развитѣе. Съ другой стороны необходимо Собранію знать расходъ общества на училище, чтобы оцѣнить какъ усердіе и сочувствіе крестьянъ, такъ и лежащую на нихъ тягость; если сравненіе этихъ данныхъ по двумъ разнымъ обществамъ можетъ часто привести къ фальшивымъ выводамъ, то увеличеніе или уменьшеніе пожертвованій въ томъ же обществѣ служитъ довольно вѣрнымъ мѣриломъ достоинства школы и усердія учителя. Важенъ наконецъ и способъ раскладки этого сбора; тамъ гдѣ онъ разложенъ на всю волость и гдѣ селенія такъ разбросаны, что нѣкоторыя, платя, почти не могутъ пользоваться училищемъ, тамъ сборъ этотъ постоянно возбуждаетъ неудовольствіе, легко переносимое на школу и которое обыкновенно обзывается нерасположеніемъ къ ней народа, грубостью и равнодушіемъ къ просвѣщенію, между тѣмъ какъ оно выражаетъ только весьма естественное и законное желаніе не расходоваться на такое учрежденіе, изъ котораго не можешь извлечь ни какихъ выгодъ ни себѣ, ни своимъ. -- Общая наконецъ оцѣнка каждаго училища или по крайней мѣрѣ подраздѣленія ихъ всѣхъ на хорошія, посредственныя и дурныя, съ указаніемъ приблизительно уровня каждой категоріи, доставили бы довольно полную картину училищнаго дѣла въ каждомъ уѣздѣ и позволили-бы сдѣлать общіе выводы по губерніи. Какъ средство повѣрки ихъ необходимо имѣть подъ глазами принятый училищнымъ совѣ-

---

[1]) Въ пруссіи дѣтей отъ 6 до 14 лѣтъ считаютъ около 16% или 1/6 всего населенія, у насъ слѣдовательно, если отношеніе тоже, такъ какъ при томъ обычное посѣщеніе школы продолжается не 8, а 3 или 4 года, надо считать дѣтей съ 8 до 11 и 12 лѣтъ, слѣдовательно около 8% или 1/12 всего населенія. Любопытно было бы изслѣдовать этотъ вопросъ, т. е. вести поименованные списки дѣтей, повѣряя при томъ подворные списки; попытки дѣлать это въ нѣсколькихъ мѣстахъ давали мнѣ для дѣтей 7 — 14 лѣтъ - цифры, колеблющіеся между 13% и 18%.

томъ порядокъ ревизіи и отчетъ въ дѣйствительномъ выполненіи оной. Любопытенъ также перечень важнѣйшихъ распоряженій совѣта и ихъ результатовъ.

Къ сожалѣнію мы не находимъ всѣхъ этихъ данныхъ ни въ одномъ и весьма мало изъ нихъ въ большинствѣ отчетовъ и докладовъ, представленныхъ земскимъ собраніямъ въ минувшемъ сентябрѣ.

Къ перечисленнымъ вопросамъ можно бы прибавить еще одинъ—о числѣ мальчиковъ, оставляющихъ школу по окончаніи курса въ ней. Доселѣ таковыхъ было мало и при неопредѣленности самаго курса вопросъ казался второстепеннымъ. Теперь онъ пріобрѣтаетъ значеніе съ новой воинской повинностью, при которой такія лица будутъ вѣроятно пользоваться сокращеніемъ срока службы. Не будетъ ли даже благоразумно ввести какіе нибудь аттестаты или свидѣтельства, чтобы облегчить потомъ молодымъ людямъ доказательство ихъ права на установленную закономъ льготу?

О четырехъ уѣздахъ: Касимовскомъ, Пронскомъ, Михайловскомъ и Рязанскомъ, по совершенному отсутствію данныхъ про ихъ училища въ журналахъ уѣздныхъ собраній [1]), я ничего не могу сказать, кромѣ того развѣ, что Пронскій училищный совѣтъ занимается, кажется, розыскиваніемъ своихъ училищъ, что Михайловскій совѣтъ роздалъ учителямъ и ученикамъ въ своемъ уѣздѣ 620 руб. въ награду и купилъ имъ книгъ на 24 рубля, и что переводъ г. штатнаго смотрителя Трофимова изъ Раненбурга въ Рязань даетъ право надѣяться, что дѣятельность Рязанскаго училищнаго совѣта нѣсколько оживится.

Остальные 8 уѣздовъ уже знакомы вамъ, г.г. гласные, въ училищномъ отношеніи и не измѣнились въ теченіи послѣдняго года. Не утомляя васъ повтореніемъ извѣстныхъ уже вамъ порядковъ, я попробую провести сравненіе между состояніемъ этихъ уѣздовъ въ 1869 и въ 1873 годахъ, разсматривая ихъ, для краткости, какъ одно цѣлое.

Населеніе обоего пола въ этихъ 8-ми уѣздахъ достигаетъ круглой цифры 927 тысячъ, слѣдовательно дѣтей отъ 7 до 14 лѣтъ около 154 тысячъ, а такъ какъ у насъ ходятъ въ школу обыкновенно только 3 года, рѣдко 4, то примемъ половину этой цифры, 77 тысячъ дѣтей за контингентъ нашихъ училищъ. Для нихъ

[1]) Касимовскіе журналы доселѣ не доставлены въ губернскую управу.

существовало около 230 училищъ въ 1869 году, существуетъ около 250 въ 1873, изъ нихъ училось 8.900 въ 1869, учится 11.800 теперь. Слѣдовательно одно училище приходилось въ 1869 году на 4.000 душъ или на 335 дѣтей, приходится теперь на 3.700 душъ или на 308 дѣтей; тогда училось одно дитя изъ восьми или девяти, теперь одно изъ шести или семи; тогда было среднимъ числомъ 38 человѣкъ въ училищѣ, теперь 47.

Для Зарайскаго, Ряжскаго и Сапожковскаго уѣздовъ у насъ нѣтъ данныхъ относительно сравнительнаго достоинства училищъ. Совѣты прочихъ пяти уѣздовъ отнеслись строже къ дѣлу и распредѣлили училища на разряды. Возьмемъ 2 первые разряда, т. е. очень хорошія и хорошія училища. Изъ общаго числа 164-хъ (по этимъ 5 уѣздамъ) съ 9.300 учениковъ хорошихъ училищъ, считается 94 съ 5.300 учениковъ, т. е. они составляютъ по числу дѣтей 64% всего итога, и въ хорошихъ училищахъ учится среднимъ числомъ 56 человѣкъ, въ прочихъ же 43. Само собою разумѣется, что и посѣщеніе классовъ несравненно аккуратнѣе въ хорошихъ училищахъ, и слѣдовательно пользы отъ нихъ больше во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ экономическомъ, потому что деньги на нихъ затрачиваются производительнѣе.

Обратимся къ денежному вопросу.

Въ 1869 году земство этихъ восьми уѣздовъ расходовало на училища около 13.500 рублей, да и мѣстныя общества собирали на это дѣло деньгами и натурой, на сумму около 13.000 р., итого 26.500 руб., Въ 1873 году итогъ земскихъ смѣтъ составлялъ 29.150 руб., изъ коихъ около 26000 дѣйствительно израсходовано на училищное дѣло, да съ обществъ сошло на него почти 22.000 руб., итого 48.000 руб. Слѣдовательно въ 1869 году средняя стоимость училища была 115 р., ученика—почти 3 рубля; въ 1873 году средняя стоимость училища 192 руб., ученика—4 руб.

Изъ этой вереницы цифръ вытекаетъ слѣдующее: число училищъ увеличилось на 10%, число учениковъ на 33%, т. е. на одну треть; стоимость училища стала на 65%, т. е. болѣе чѣмъ въ полутора раза дороже, земскій расходъ удвоился. Повидимому лишняя трата средствъ безъ соотвѣтствующаго результата. Но если всмотрѣться въ цифры, такъ едвали можно назвать настоящія высокими и не знаешь что сказать о прежнихъ. Кладя на помѣщеніе, отопленіе, сторожа, учебныя принадлежности и пособія, т. е. на всю матеріальную обстановку училища, 60 руб., какъ наименьшее, у насъ останется 120 руб. какъ среднее жалованье

учителя теперь и едва наберется 60 руб., какъ среднее жалованье его тому пять лѣтъ. Сдѣлано значитъ одно: сельскій учитель выведенъ изъ состоянія нищенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, созданы учителя; лѣтніе курсы и Александровское училище дали намъ зерно, вокругъ котораго группируются многіе, не худшіе ихъ; воспитанники земскаго училища пользуются особеннымъ вниманіемъ земскихъ людей, которые какъ будто боятся, съ хозяйственной точки зрѣнія, потерять плоды трехлѣтнихъ затратъ на этихъ юношей, если оставить ихъ школы безъ необходимыхъ принадлежностей, и рѣдкому изъ воспитанниковъ Александровскаго училища пришлось бороться съ тѣми препятствіями, которыя такъ густо залегаютъ по пути другихъ учителей; рѣдкій изъ нихъ получилъ школу необезпеченную вдоволь учебными пособіями; жалованье для нихъ было поднято во многихъ мѣстахъ до 240 руб. Вообще въ губерніи начинаетъ устанавливаться въ земскихъ училищахъ, которыхъ можно насчитать до полусотни, нормальная цифра учительскаго жалованья въ 200 руб., впервые назначенная Данковскимъ уѣздомъ; но, что важнѣе того, начинаетъ проникать мысль, что ниже извѣстной нормы, 120 р. напр., не только не слѣдуетъ искать, но не должно и допускать въ школы учителей, разумѣется такихъ, которые не имѣютъ при этомъ другихъ источниковъ, ихъ обезпечивающихъ. При заработкѣ, неудовлетворяющемъ первымъ потребностямъ, человѣкъ прозябаетъ; а если наставникъ будетъ прозябать, что станется съ учениками? Но если многое сдѣлано для учителей съ матеріальной стороны, съ умственной не сдѣлано ровно ничего; намъ приходится ожидать удовлетворенія ихъ умственныхъ потребностей— основанія библіотекъ и открытія съѣздовъ—отъ новой учебной организаціи, которую готовитъ правительство.

Что мы одной рукой дали учителямъ, то мы другою собрали съ училищъ. На каждое изъ хорошихъ (въ вышеозначенныхъ 5-ти уѣздахъ) приходится 56 учениковъ вмѣсто 38, средней цифры тому пять лѣтъ. Это уже признакъ довѣрія родителей, которое доказывается также быстрымъ увеличеніемъ взносовъ на училища: въ 5 лѣтъ они въ Спасскомъ уѣздѣ увеличились въ $2^1/_2$ раза, въ Данковскомъ чуть ли не въ пять разъ. Затѣмъ хорошими признаются уже только такія училища, гдѣ на третьемъ году обученія дѣти свободно и довольно правильно излагаютъ свои мысли и рѣшаютъ довольно сложныя задачи, гдѣ при этомъ обращено вниманіе и на умственное ихъ развитіе и воспитаніе въ нихъ добрыхъ привычекъ (аккуратности, чистоплотности и

т. д.), гдѣ веселость и добродушіе отношеній не ведутъ за собой нарушенія дисциплины и порядокъ соблюдается безъ принужденія. Взглядъ отцовъ на школу уже мѣняется: тому два или три года открывалась школа въ одномъ селѣ Спасскаго уѣзда; родители, приводя дѣтей, низко кланялись учителю, прося его покрѣпче ихъ бить, не жалѣть, уча уму разуму; въ нынѣшнемъ году нѣсколько стариковъ встрѣтило меня въ томъ же селѣ просьбою о смѣнѣ учителя за то, что онъ ударилъ въ школѣ одного изъ ребятъ. Вопросъ о срокѣ обученія грамотѣ разрѣшенъ такъ, что школа считается совсѣмъ плохою, если весь полкъ новобранцевъ не умѣетъ разбирать любую книжку къ концу перваго полугодія—подвигъ, на который не давно тратились цѣлыхъ три года. Знаменательнѣе того успѣхъ нашихъ школъ на послѣднемъ пріемномъ экзаменѣ въ Александровское училище; изъ 26 мальчиковъ, нынѣ принятыхъ, 16 училось только въ сельскихъ школахъ, а между тѣмъ выбраны лучшіе изъ 65 явившихся лицъ и воспитанники сельскихъ школъ стали въ первыхъ рядахъ. Можно надѣяться, что къ намъ скоро будутъ поступать почти только ученики изъ сельскихъ училищъ, что конечно будетъ выгодно заведенію по однообразію ихъ подготовки; этотъ результатъ всегда имѣлся въ виду; что онъ такъ скоро достигнется, конечно не предполагалось. Въ тоже время во многихъ крестьянскихъ обществахъ, гдѣ только установилось хорошее училище, начинаетъ проявляться мысль о дополненіи онаго вторымъ классомъ, т. е. сказывается потребность дальнѣйшаго обученія дѣтей, по крайней мѣрѣ у достаточныхъ родителей. Не лучшее ли это доказательство, что вопросъ о пользѣ грамотности становится и для простонародья пережитою точкою. Но конечно только тамъ, гдѣ хорошая школа показала себя и могла имѣть непосредственное вліяніе на крестьянское общество. Сознаніе ея пользы, стремленіе къ ней не распространяется эпидемически и не разносится какимъ-то вѣяніемъ; оно внушается живымъ примѣромъ, личнымъ убѣжденіемъ; оно требуетъ времени и только потому, что оно входитъ медленно, можно надѣяться, что оно стало прочно.

Частныя и крупныя пожертвованія частныхъ лицъ, выстраивающихъ недешевыя помѣщенія для сельскихъ училищъ, неоспоримо свидѣтельствуютъ объ искренности общественнаго сочувствія къ распространенію грамотности; всѣмъ надоѣло жить въ средѣ, гдѣ невѣжество заставляетъ даромъ тратить столько силъ и тормозить всякое дѣло. Этимъ именно пожертвованіямъ и тому нравственному настроенію, изъ котораго они истекаютъ, надо

приписать немалую долю въ успѣхѣ. Вѣроятно не остались безъ вліянія и 7 образцовыхъ училищъ (1), открытыхъ въ послѣдніе года въ этихъ пяти уѣздахъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и представляющихъ общую цифру около 800 учениковъ, невошедшую въ предыдущіе итоги. Особенное значеніе могли имѣть двухклассныя училища, удовлетворяющія указанной выше потребности населенія въ нѣсколько большемъ образованіи. Жаль только, что между ними и прочими училищами нѣтъ органической связи. Установленіе таковой и преобразованіе немногихъ казенныхъ одноклассныхъ въ двухклассныя благодѣтельно подѣйствовали бы на дальнѣйшую судьбу училищнаго дѣла. Въ будущемъ году есть надежда на открытіе еще нѣсколькихъ образцовыхъ училищъ (двухклассныхъ) въ нашей губерніи, между прочимъ одного въ Егорьевскомъ уѣздѣ, гдѣ ему предстоитъ конечно широкая будущность, такъ какъ ремесленные классы, обыкновенно открываемые министерствомъ при этихъ училищахъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ наклонностямъ и потребностямъ мѣстнаго населенія.

Позвольте мнѣ теперь коснуться въ частности училищнаго дѣла въ нѣкоторыхъ уѣздахъ.

Зарайскій уѣздъ богатъ людьми, сочувствующими народному образованію, но богатъ въ то же время и разнообразіемъ взглядовъ и мнѣній, что впрочемъ всегда составляло признакъ умственной жизни въ обществѣ. Исконная постановка въ уѣздѣ училищнаго вопроса—было обученіе народа церковными причтами, получавшими за это отъ прихожанъ самое неопредѣленное, иногда довольно приличное вознагражденіе. Уничтоженіе крѣпостнаго права и инціатива нѣсколькихъ лицъ изъ высшаго духовенства создали по всей Россіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ много такого рода училищъ, но не во многихъ мѣстахъ продержались они долѣе трехъ или пяти лѣтъ, долѣе того времени, какое нужно было, чтобъ убѣдиться въ равнодушіи необразованнаго человѣка къ интересамъ образованія; средствъ у сельскаго духовенства было немного, и училища быстро стали исчезать. Зарайскій уѣздъ составляетъ одно изъ рѣдкихъ исключеній. Здѣсь земство скоро пришло на помощь обучающимъ причтамъ и назначило на училища сразу крупное пособіе (болѣе 4-хъ тысячъ), которое братски дѣлилось поровну между подвизающимися, при-

---

1) Въ селахъ Ижевскомъ, Федотьевѣ, Уколовѣ, Лубянкахъ, Истобномъ, Павельцѣ и Бѣлоомутѣ.

нимая конечно до нѣкоторой степени во вниманіе численность каждой школы и санъ преподавателя. Мало по малу устанавливалось понятіе объ учительствѣ, какъ о необходимой принадлежности духовныхъ лицъ, о земскомъ пособіи, какъ о статьѣ смѣтнаго ихъ дохода. Слушатилей учительскихъ курсовъ не пустили сперва въ Зарайскій уѣздъ: училищный совѣтъ находилъ, что по уровню образованія они не могли соперничать съ учителями—священниками, и считалъ положеніе прочихъ школъ слишкомъ безотраднымъ, чтобы звать туда свѣжія силы на мѣсто дѣйствовавшихъ причетниковъ, мѣщанъ и другихъ грамотѣевъ.

Собраніе 1871 года впервые пошатнуло эти убѣжденія. Журналомъ 30 сентября назначено было учителямъ отъ 200 до 250 р. жалованья отъ земства съ тѣмъ, чтобы во всякомъ училищѣ свыше 50 учениковъ состоялъ помощникъ учителя, назначено особенное жалованье законоучителямъ (отъ 20 до 30 руб.) и постановлено оказывать такое пособіе тѣмъ мѣстностямъ (и изъ нихъ по преимуществу бѣднѣйшимъ), гдѣ населеніе само заявитъ свое стремленіе къ образованію, выстроивъ или приспособивъ на свои средства вполнѣ удобное помѣщеніе для школы, просторное, свѣтлое, теплое, съ комнатой при ней для учителя; другимъ условіемъ было назначеніе учителя по соглашенію между училищнымъ совѣтомъ и управой.

Но уже до 1871 года начались голодные годы для Зарайскаго училищнаго совѣта, и невозможность своевременно удовлетворять учителя, получающаго жалованье отъ одного совѣта, должна была заставить призадуматься предсѣдателя передъ открытіемъ такого училища. При системѣ отдѣльныхъ, несрочныхъ пособій всякое даяніе благо; въ училищѣ, содержимомъ на земскій счетъ, несвоевременная выдача возбуждаетъ справедливый ропотъ и нареканіе конечно ложится сперва на лицо, стоящее во главѣ училищнаго дѣла въ уѣздѣ. Къ тому же въ совѣтѣ недоставало единодушія: одни требовали школы правильно организованной, съ ученіемъ систематическимъ и съ воспитательной школьной дисциплиной; другимъ приходились старые идеалы болѣе по душѣ, съ рясой наставника, со всевременнымъ, безконтрольнымъ притокомъ дѣтей и разнообразіемъ успѣховъ и начинаній; они боялись по живописному выраженію предсѣдателя совѣта, „затушить слабо горѣвшую свѣтильню прежде, чѣмъ будетъ возжена другая, чтобъ не остаться совсѣмъ во тьмѣ и не опрокинуть лампады“. А продолженіе хотя слабыхъ пособій прежнимъ наставникамъ, такъ какъ на нихъ собраніе не ассигновало никакой

суммы, поглощало наличныя средства совѣта и дѣлало невозможнымъ открытіе училищъ на земскій счетъ. Впослѣдствіи собраніе само признало необходимость этихъ расходовъ и утвердило ихъ.

Земскому собранію 1872 года пришлось разбирать препирательства въ недрахъ совѣта; оно приняло предложеніе предсѣдателя совѣта избрать особую коммиссію для разработки вопроса. Проектъ коммиссіи, внесенной въ половинѣ марта на экстренное собраніе, состоялъ въ открытіи и содержаніи на земскій счетъ 12 училищъ, расположенныхъ такъ, чтобъ покрыть уѣздъ равномѣрной сѣтью, устроенныхъ правильно, обезпеченныхъ всѣми необходимыми пособіями, состоящихъ подъ прямымъ надзоромъ совѣта и управы, отъ которыхъ долженъ зависѣть и выборъ учителей; затѣмъ въ выдачѣ посильныхъ, единовременныхъ пособій другимъ училищамъ и наградъ преподающимъ въ оныхъ, но только въ случаѣ если преподаваніе будетъ соотвѣтствовать извѣстнымъ требованіямъ; наконецъ въ снабженіи всѣхъ рѣшительно училищъ самыми необходимыми учебниками и учебными пособіями.

Изъ комиссіи еще вышло два особыхъ мнѣнія. Г. штатный смотритель оспаривалъ компетентность управы и законность ея участія въ надзорѣ за ходомъ преподаванія и нравственнымъ развитіемъ училищъ и въ выборѣ учителей. Г. штатный смотритель былъ бы совершенно правъ, еслибы проектъ комиссіи поручалъ управѣ училища постороннія неполучающія вовсе или получающія только временное, случайное пособіе отъ земства; но г. смотритель упускалъ изъ виду то важное обстоятельство, что въ училищахъ, открываемыхъ по постановленію земскаго собранія и содержимыхъ на земскій счетъ, земство являлось учредителемъ и попечителемъ и свои права, какъ учредителя [1] и попечителя, могло передавать по своему усмотрѣнію или членамъ училищнаго совѣта, или управѣ, или наконецъ спеціально избраннымъ лицамъ; а положеніе 14 іюля 1864 года предоставляетъ училищному совѣту только одобреніе и допущеніе учителей (ст. 16, ст. 21 п. 5), завѣдываніе-же училищами оставляетъ за ихъ попечителями (ст. 13); подъ завѣдываніемъ-же нельзя не понимать

---

[1]) Права учредителей училищъ нигдѣ точно невыяснены въ положеніи 1864 года; но само собой разумѣется, что учредители изъ частныхъ лицъ во всякомъ случаѣ пользуются всѣми правами, предоставленными попечителямъ училищъ, представителямъ коллективнаго лица, учреждающаго училища общества.

какъ выборъ наставникомъ, такъ и прямое участіе въ надзорѣ за внутренней жизнью училища. Другое мнѣніе подано было предсѣдателемъ совѣта; отличалось оно отъ проекта комиссіи тѣмъ, что не создавая новыхъ училищъ, дѣлило существующія на три разряда, и лучшія т. е. I-го разряда обезпечивало на счетъ земства, другимъ-же сулило единовременныя награды; точкою исхода служила ему педагогическая истина, что легче исправлять чѣмъ разрушать и вновь строить. Но тутъ не было положительнаго и непримиримаго противорѣчія съ проектомъ комиссіи, которая не запрещала совѣту и управѣ выбрать хорошее училище, если мѣстность и прочія данныя соотвѣтствовали требованіямъ, приспособить его помѣщеніе и обезпечить земскими средствами, Собраніе принало проектъ комиссіи.

Постановленіе Собранія не было приведено въ исполненіе по причинѣ протеста, точные мотивы котораго намъ неизвѣстны [1]).

Очередное Собраніе 1873 года, понявъ административный протестъ въ смыслѣ неправильнаго вмѣшательства управы въ училищное дѣло, исключило оное и во всемъ прочемъ осталось при проектѣ комиссіи, отдѣливъ изъ своей училищной смѣты около полуторы тысячи рублей на поддержаніе прежнихъ училищъ (не болѣе какъ по 100 руб. на каждое), и обративъ огромную сумму, находившуюся въ недоимкѣ за управой, (болѣе пяти тысячъ руб. въ сентябрѣ мѣсяцѣ) на устройство и улучшеніе земскихъ училищныхъ зданій.

Закончена ли эпопея Зарайскихъ училищъ? Примирены ли противорѣчія во взглядахъ, раздѣлявшія доселѣ членовъ училищнаго совѣта, столь искренно—вся земская дѣятельность ихъ служитъ тому порукой—столь искренно—желающихъ подвинуть народное образованіе въ своемъ уѣздѣ? Конечно, ни для кого изъ нихъ вопросъ не въ томъ, будутъ ли извѣстныя училища именоваться земскими или перворазрядными, будутъ ли завѣдывать оными лица, избираемыя собраніемъ въ совѣтъ или въ управу. Не безъ нѣкотораго опасенія, признаюсь, оказать медвѣжью услугу, я попытаюсь поставить вопросъ прямѣе. На сколько я его понимаю, вотъ онъ: оставаться ли Зарайскимъ училищамъ въ рукахъ сельскаго духовенства или переходить въ руки учителей, посвящающихъ школѣ все свое время и живущихъ ею. Дѣло не въ личныхъ симпатіяхъ, а въ томъ, что болѣе споспѣшествуетъ нравственному, умственному и религіозному развитію народа. Я

[1]) Подлиннаго текста протеста мы въ рукахъ не имѣли.

не случайно, г.г., поставилъ рядомъ эти эпитеты: невѣжественная масса можетъ казаться бладообразной, могутъ долго не пробуждаться въ ней безнравственныя стремленія и страсти; но гдѣ нѣтъ умственнаго развитія, тамъ нѣтъ прочной нравственности, тамъ часто религіозность омываетъ лишь внѣшность чаши, оставляя ее внутри полной хищенія и неправды. Безкорыстное усердіе, съ которымъ сельское духовенство создало въ нашей губерніи начатки обученія грамотности, радушіе, съ которымъ въ большинствѣ уѣздовъ оно встрѣчаетъ юныхъ учителей свѣтскихъ и поддерживаетъ ихъ своимъ вліяніемъ, свидѣтельствуетъ, на сколько оно глубоко прониклось этой истиной и само желаетъ умственнаго развитія своихъ прихожанъ. Превратное воспитаніе можетъ конечно вести къ плачевнымъ результатамъ; но изъ того, что воспитаніе не должно искажать природы ребенка и подтачивать его естественныхъ религіозныхъ склонностей, слѣдуетъ ли изъ этого, что преподаваніе въ школахъ должно вообще оставаться въ рукахъ причтовъ? Никто изъ насъ, гласныхъ и членовъ отъ земства въ училищныхъ совѣтахъ, не откажется конечно отъ своей доли вліянія на сельскія училища, и всякій изъ насъ знаетъ, что онъ можетъ многое направить въ любой школѣ, которой онъ посвятилъ нѣсколько изъ своихъ досуговъ. Но вообразите себя, г.г., хоть на одну недѣлю въ роли преподавателей: чтобы учинилось съ бѣдными школами отъ такого неумѣстнаго усердія. Вліяніе наше не въ непосредственномъ участіи въ обученіи, а въ превосходствѣ нашего образованія, въ независимости нашего положенія относительно школы, въ довѣріи населенія къ нашей опытности и доброжелательству. Точно также и духовенство сохранить свое вліяніе на сельскую школу не тѣмъ, что изгонитъ другихъ тружениковъ изъ классной комнаты, а безкорыстіемъ своего участія, полнотою христіанской любви и истиной тѣхъ началъ, которыхъ оно является провозвѣстникомъ. Тутъ нѣтъ ни причинъ, ни поводовъ лишать школы тѣхъ выгодъ и преимуществъ, какія принесутъ имъ свѣтскіе учителя—полнаго сосредоточенія на своемъ дѣлѣ, большаго знакомства съ педагогической стороной его, большаго навыка въ пріемахъ начальнаго преподаванія. Глубже вдумавшись въ этотъ вопросъ, довѣрчивѣе отнесясь къ добрымъ сторонамъ человѣческой природы, члены Зарайскаго училищнаго совѣта примирятся конечно съ мыслью, что обученіе, хоть бы дѣтей грамотѣ, есть своего рода спеціальность, къ которой надо приготовиться и предаться ей вполнѣ и исключительно, чтобы достичь какого либо успѣха; и что съ другой стороны нѣтъ существеннаго повода къ антагонизму

между молодыми учителями и духовенствомъ, которое приметъ ихъ радушно, какъ друзей и союзниковъ. Г.г. члены Зарайскаго училищнаго совѣта конечно знаютъ, что безъ жертвъ и уступокъ никакое дѣло на свѣтѣ не дѣлается и что согласіе между строителями необходимо для возведенія зданія. Если борьба въ Зарайскомъ уѣздѣ произошла именно отъ того, что въ немъ нашлось можетъ быть наиболѣе людей съ искреннимъ сочувствіемъ къ вопросамъ образованія и съ глубокими убѣжденіями, то тѣмъ скорѣе мы вправѣ ожидать отъ нихъ же примѣра, какъ для высшей, всѣмъ равно дорогой цѣли, можно жертвовать оттѣнками своихъ мнѣній, личными вкусами и самолюбіемъ.

Покончивъ съ Зарайскимъ уѣздомъ словами г. предсѣдателя совѣта, обращенными къ послѣднему собранію: „прежде всего надо заботиться, чтобы при какомъ бы то ни было порядкѣ денежная выдача производилась болѣе правильно“.

Ранембургское собраніе сдѣлало громадный шагъ впередъ, принявъ на свою управу ежемѣсячную выдачу учителямъ всего имъ жалованья и обязавъ волостныя правленія представлять въ управу собираемыя на этотъ предметъ суммы. Примѣръ этотъ достоинъ подражанія. Во первыхъ учителя обезпечены въ своевременности выдачи имъ содержанія и во вторыхъ вполнотѣ его: не придется имъ не заискивать въ волостныхъ начальствахъ, ни платить могарычи съ своихъ 7-ми и 10-ти рублей. Нравственное значеніе этой мѣры еще важнѣе матеріальной стороны.

Не такъ сочувственно встрѣчаемъ другое постановленіе того же собранія, отказавшаго городу въ пособіи на городское женское училище. Содержимое исключительно на счетъ города, училище это стоитъ ему до 1.800 руб.; въ немъ учатся 150 дѣвочекъ, раздѣленныхъ на 3 класса и преподаютъ 2 наставницы; городъ просилъ 390 руб. пособія на приглашеніе третьей учительницы и открытіе 4-го класса, и подкрѣплялъ свою просьбу указаніемъ на свою долю взносовъ въ итогѣ уѣздной смѣты. Одинъ изъ гласныхъ заявилъ, что дѣвочекъ изъ подгородныхъ слободъ не принимаютъ въ городское училище. Двое другихъ доказывали, что городское женское училище удовлетворяетъ потребностямъ городского сословія, т. е. одной части земства, не принося никакой пользы другимъ частямъ, и поэтому на него не слѣдуетъ обращать обще-земскихъ средствъ; эти доводы убѣдили собраніе. Не была ли нѣсколько узка постановка вопроса съ обѣихъ сторонъ. И нельзя ли спорить противъ основательности обоихъ мнѣній.

Во всѣхъ почти крупныхъ селеніяхъ найдутся мѣщане, приписанные къ уѣздному городу, и открытіе ихъ дѣтямъ сельскихъ училищъ вполнѣ вознаградитъ городъ за ту небольшую долю, которую онъ несетъ въ земскихъ расходахъ на училищную часть въ уѣздѣ. Или тѣ сельскія общества, которыя почти на одни свои средства содержатъ училища, послѣдуютъ примѣру города и собранія, и объявивъ этотъ расходъ волостнымъ, не допустятъ въ свою школу дѣтей купцовъ и разночинцевъ. Да и можетъ ли вообще земство такъ распредѣлить свои затраты, чтобы никогда не расходовать рубля тамъ, гдѣ не будетъ сразу представителей всѣхъ сословій для немедленнаго пользованія онымъ. Не достаточное ли оправданіе расходу, что характеръ его общесословный или, вѣрнѣе сказать, вовсе не сословный, а общечеловѣческій, что онъ будетъ служить для чисто-человѣческаго интереса. И не разрѣшался ли вопросъ въ данномъ случаѣ гораздо правильнѣе тѣмъ, чтобы назначить пособіе отъ земства городскому училищу подъ условіемъ открытія его для дѣтей всѣхъ сословій, что вѣроятно и добивался гласный Сигитовъ.

Но передъ вами г.г. докладчикомъ теперь не членъ управы, а членъ училищнаго совѣта, представитель не чисто земскихъ, а скорѣе дѣтскихъ интересовъ. Что выиграли, скажите пожалуйста, дѣвочки подгородныхъ слободъ отъ этихъ преній на Раненбургскомъ собраніи. Онѣ просились въ городское училище, ихъ не пускали; представился случай завоевать имъ доступъ туда, и случай этотъ упущенъ. А закрывая городское училище подгороднимъ дѣвочкамъ, можетъ ли земство замѣнить имъ его, дать имъ другой случай учиться. Нѣтъ, потому что открыть 4-хъ классное женское училище теперь не по земскимъ средствамъ; а среди крестьянъ, хотя бы богатыхъ, есть потребность и желаніе получше обучить дѣвочку; въ уѣздѣ всего одно училище—туда нельзя; вѣдь не въ Рязань же имъ ѣздить.

Мы указывали уже, по поводу экзаменовъ въ Александровскомъ училищѣ, на огромный шагъ, который сдѣлали наши сельскія школы съ тѣхъ поръ, какъ земство обратило на нихъ вниманіе. Нѣтъ сомнѣнія, что сельская школа съ ея настоящей программой не долго будетъ удовлетворять крестьянскихъ дѣтей изъ болѣе зажиточныхъ семействъ или болѣе даровитыхъ парней. Не вездѣ будутъ реальныя училища, и гдѣ будутъ далеко не всѣмъ попасть въ нихъ; но много степеней между серьезнымъ шестиклассным курсомъ и уровнемъ теперешней, даже двуклассной школы. Эту середину занимаютъ городскія училища, тамъ ко-

нечно, гдѣ они хороши и гдѣ земству не удалось еще открыть въ уѣздѣ своихъ средне-учебныхъ заведеній. Въ этомъ—земское значеніе городскихъ училищъ, они пополняютъ пробѣлъ, который еще чувствительнѣе для женскаго воспитанія.

Даже тѣ классы городскихъ училищъ, которыя не выше сельскаго, могутъ оказать земству большую услугу, ставъ, подъ близкимъ надзоромъ и вліяніемъ училищнаго совѣта, образцомъ и мѣстомъ испытанія для сельскихъ учителей. Конечно, все это не относится до тѣхъ городскихъ приходскихъ училищъ, которыя, служа подготовительнымъ классомъ для уѣздныхъ, потеряли, какъ учебное заведеніе, всякую самостоятельность и выкраиваютъ товаръ по мѣркѣ закащика. Но этой именно опасности и нѣтъ относительно женскихъ училищъ. Ея также не будетъ при проектируемыхъ новыхъ городскихъ училищахъ, долженствующихъ года черезъ полтора замѣнить приходскія и уѣздныя и быть разсадниками общаго образованія для массы народа. Если же предоставить тогда содержаніе ихъ однимъ городскимъ обществамъ, то недостатокъ матеріальныхъ средствъ на долго задержитъ ихъ устройство. Въ прямомъ интересѣ земства, чтобы всякое училище доступно было всякому ребенку, безъ различія сословій и мѣстностей, чтобы въ открытіи училищъ господствовало единодушіе и какъ можно чаще проявлялась взаимная помощь. Если уѣзды и города пойдутъ разыгрывать роли двухъ вдовцовъ, вступившихъ во второй бракъ, и распредѣлять дѣтей на твоихъ, моихъ и нашихъ,—результатъ будетъ одинъ: замедлится успѣхъ народныхъ училищъ.

На ходатайство Сапожковскаго земства о введеніи въ уѣздѣ обязательнаго обученія послѣдовалъ отказъ отъ г. министра народнаго просвѣщенія, мотивированный тѣмъ, что собраніе не указало средствъ къ приведенію такого предположенія въ исполненіе. Какъ и слѣдовало ожидать, Сапожковское собраніе немедленно занялось обсужденіемъ такихъ средствъ и возобновило свое ходатайство, съ приложеніемъ цѣлаго проекта. Основанія его, конечно любопытныя для Губернскаго Собранія, слѣдующія: въ Сапожковскомъ уѣздѣ 58 приходовъ; предполагается содержать на счетъ земства 58 училищъ, по одному въ приходѣ, ассигнуя на каждое по 300 руб. На первый годъ земство ограничивается существующими нынѣ школами, числомъ 18, что составляетъ смѣту въ 5.400 руб. Затѣмъ ежегодно открывается по 5 школъ, такъ что черезъ 9 лѣтъ всѣ 58 училищъ будутъ открыты въ уѣздѣ. На постройку каждаго ассигнуется по 500 руб., предпо-

лагая, что общества съ своей стороны что нибудь пожертвуютъ (и съ таковыхъ именно начинаютъ училищную сѣть); итого на постройку пяти школъ ежегодно 2.500 руб. единовременнаго расхода, между тѣмъ какъ постоянный, смѣтный расходъ растетъ ежегодно на полторы тысячи и достигаетъ черезъ 9 лѣтъ 17.400 р., стоимости содержанія 58 приходскихъ училищъ. Кромѣ того откладывается ежегодно по 2.000 руб. на составленіе училищнаго капитала, % съ котораго начинаютъ тратиться только черезъ 11 лѣтъ, когда капиталъ достигнетъ цифры 28 тысячъ, и должны обезпечить дальнѣйшія училища, открываемыя по прочимъ деревнямъ уѣзда по 2 и по 3 въ годъ, смотря по средствамъ.

Казалось бы, что все это входитъ въ предѣлы власти собранія и что ходатайства тутъ никакого не нужно. Но Сапожковское земство не желаетъ тратиться даромъ; ужъ если оно устриваетъ училища, такъ съ тѣмъ, чтобы они были полны, и чтобы быть въ этомъ увѣреннымъ оно проситъ введенія обязательнаго обученія для дѣтей обоего пола отъ 8 до 11 лѣтъ во всякомъ селеніи, гдѣ только оно откроетъ училище. Противъ ослушниковъ предположены мѣры: увѣщанія и выговоры, сперва келейно, потомъ на сходахъ, и наконецъ отдача подъ опеку не дѣтей, г.г. гласные, а самихъ родителей: отецъ непосылающій ребенка въ школу, ограничивается въ правахъ распоряженія своимъ имуществомъ. Мѣра наказанія тяжелая; но Сапожковское земство ни передъ чѣмъ не останавливается для достиженія благой цѣли.

Если что нибудь можетъ быть вреднѣе дѣлу народнаго образованія тупаго противодѣйствія ему, такъ это конечно легкомысленное сочувствіе. Сапожковское собраніе забыло даже, что у него въ уѣздѣ не 18, а 23 наличныя школы; непредставленіе однимъ изъ членовъ училищнаго совѣта отчета о ввѣренныхъ ему 5 училищахъ не лишаетъ ихъ конечно права на немедленное обезпеченіе земствомъ наравнѣ съ прочими. Это впрочемъ мелочь. Взглянемъ на основныя начала Сапожковскаго ходатайства. Одно училище на приходъ, 300 руб. на содержаніе этого училища, обязательное посѣщеніе онаго всѣми дѣтьми въ селѣ отъ 8 до 11 лѣтняго возраста. Не зная пространства приходовъ въ уѣздѣ, не могу судить о возможности для дѣтей, собираться зимою въ училище. Но численность приходовъ извѣстна: въ 58 сельскихъ приходахъ 120 тысячъ душъ или 10.000 дѣтей, подлежащихъ обязательности; на школу приходится болѣе 170 человѣкъ; такая средняя норма невозможна, потому что во многихъ школахъ, по

численности населенія, не будетъ болѣе 50 учащихся, слѣдовательно въ другихъ цифра должна доходить до 300. Проценты съ отложенныхъ 28 тысячъ дадутъ пожалуй возможность содержать еще 5 школъ, но далѣе уже открытіе новыхъ пойдетъ крайне медленно. Какъ наименьшее число училищъ, при которомъ мыслима обязательность, хотя съ большими неудобствами для населенія, нужно ровно вдвое болѣе, чѣмъ сколько предположено въ Сапожковскомъ проектѣ и по крайней мѣрѣ вдвое большій расходъ на нихъ.

Но можно возразить, что затрудненія далеко впереди; что къ тому времени, когда окажутся неудобства, Сапожковскій уѣздъ настолько разбогатѣетъ и просвѣтится, что не остановится и передъ несравненно большими пожертвованіями. Дѣло то въ томъ, что неудобства и недоразумѣнія на порогѣ. Въ первый же годъ открывается земскихъ 18 училищъ въ настоящихъ конечно нѣсколько приспособленныхъ и распространенныхъ помѣщеніяхъ, и въ первый же годъ обученіе становится обязательнымъ въ 18 селахъ. Въ нихъ 28 тысячъ душъ, т. е. 2.300 обязательныхъ учениковъ, отъ 8 до 11 лѣтъ. Считая по 75 на школу (какъ средняя норма это очень почтенная цифра) нужно не 18, а 30 училищъ, чтобы помѣстить всю эту массу дѣтей, не считая тѣхъ, которые старше 11 лѣтъ и пожелаютъ учиться. Сапожковское собраніе разсчитывало по 128 человѣкъ на школу и думало обезпечить земскія училища 300-ми рублей, т. е. вести ихъ съ однимъ учителемъ и съ недостаточнымъ количествомъ учебниковъ. При такихъ условіяхъ обязательность очевидно неисполнима, развѣ земство возьметъ на себя отредѣлять въ каждомъ селеніи, на какую именно избу она распространяется.

Не можетъ быть конечно никакихъ опасеній на счетъ судьбы такого ходатайства. Но желательно было-бы, чтобъ земство дорожило своей довольно установившейся репутаціей компетентности въ обсужденіи матеріальной обстановки и примѣнимости всякаго нововведенія. Мысль объ обязательности обученія весьма популярна во многихъ средахъ въ Россіи, составляя для иныхъ легчайшее орудіе къ пополненію комплекта учениковъ, для другихъ средство прослыть либеральными дѣятелями и друзьями народа, для третьихъ наконецъ логическое развитіе аксіомы, что въ нашемъ отечествѣ нѣтъ мѣста самодѣятельности и что ему нѣтъ спасенія внѣ подражанія просвѣщеннымъ европейскимъ порядкамъ. Но по крайней мѣрѣ въ западной европѣ, хотя бы въ Англіи, вводятъ обязательное обученіе въ приходѣ не тогда, когда онъ

откроетъ одну школу, а когда онъ доставитъ достаточное, аршиномъ измѣренное, помѣщеніе для всего числа наличныхъ въ немъ дѣтей, опредѣленнаго по поименному списку.

Посвящая на своихъ собраніяхъ столько времени преніямъ по вопросу о народномъ образованіи, отчего же Зарайскій и Сапожковскій уѣзды какъ будто отстаютъ отъ другихъ, напр. отъ Скопинскаго, который послѣ одного серьезно обдуманнаго и серьезно обсужденнаго доклада спокойно идетъ своею дорогою. Не дѣлая ассигновокъ на 15 лѣтъ впередъ, онъ началъ съ того, что выстроилъ два дѣйствительно хорошія зданія для училищъ и обѣщалъ принять на свой счетъ содержаніе школы во всякомъ вновь построенномъ помѣщеніи, удовлетворяющемъ извѣстнымъ требованіямъ. Всякій годъ одно или два прибавляется къ его списку: въ нынѣшнемъ—училище, устроенное г. Боковымъ въ с. Кельцѣ и другое, выстроенное г. Ваценко въ Зезюлинѣ. Едва ли найдется во всей губерніи сельское училище съ такими удобствами и снабженное такими классными принадлежностями какъ Залѣсно-Чудковское, гдѣ г-жа Загряжская устроила даже двухмѣстные столы, т. е. по столу на каждыхъ двухъ учениковъ. Неудовлетворительное финансовое положеніе уѣзда въ нынѣшнемъ году помѣшало осуществленію болѣе широкихъ предположеній училищнаго совѣта; но все-таки, не отступая отъ своего плана, собраніе постановило изъ остатковъ выстроить новую школу въ Муравлянкѣ. Двойное значеніе имѣетъ для насъ заявленіе именно такого уѣзда, что „только отъ правильно организованной школы, какова земская, и можно ожидать полнаго успѣха“.

Медленное и твердое развитіе училищъ—вотъ дѣйствительное условіе успѣха. Рязанскій уѣздъ, напр., даетъ на нихъ не много; Рязанскій училищный совѣтъ бездѣйствовалъ; но какъ то разъ, въ припадкѣ энергіи, онъ создалъ 6 земскихъ училищъ [1]), по ревизіи, въ первые и недавно произведенной г. штатнымъ смотрителемъ, они всѣ идутъ правильно, нѣкоторые изъ нихъ превосходно, и представляютъ общій итогъ 400 хорошо обучаемыхъ учениковъ; они пользуются положительнымъ сочувствіемъ живущихъ вблизи частныхъ лицъ и пріобрѣли такое довѣріе обществъ, что одно напр. изъ сосѣднихъ, Мурминское, за которымъ тому два года напрасно ухаживалъ училищный совѣтъ, теперь само вызвалось на значительное пожертвованіе, чтобы побудить совѣтъ открыть въ этомъ селѣ земское училище. Дѣло слѣдовательно

[1]) Въ Рыбацкой подгородней слободѣ, въ селахъ: Олешнѣ, Волыни, Казари, Спасъ-Клепикахъ и дер. Зеленевѣ.

далеко нетрудное; нужно только настойчиво и послѣдовательно идти по указанной нѣкоторыми уѣздами дорогѣ.

А между тѣмъ въ этомъ дѣлѣ вся духовная жизнь земства. Во всѣхъ другихъ отрасляхъ своей дѣятельности, даже въ попеченіи о народномъ здравіи, столь важномъ и трудномъ, оно встрѣчается только съ матеріальными интересами, съ хозяйственными заботами, съ расходомъ приходомъ. Здѣсь на его рукахъ будущее подрастающихъ поколѣній, т. е. его собственная будущность, тѣ земскіе дѣятели, которымъ придется сдавать свои начинанія и отдавать отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ. Всякое поколѣніе старѣясь встрѣчается съ молодыми; отживая и слабѣя, оно видитъ предъ собой новыя, свѣжія силы, и должно подчиняться имъ въ силу физическаго закона, если не съумѣетъ установить съ ними нравственной связи, внушивъ имъ—заслугами и честнымъ доброжелательствомъ—уваженія къ себѣ и довѣрія. Желательно-ли намъ въ этомъ весь вопросъ—когда станутъ дряхлѣть наши силы, видѣть предъ собою людей разумныхъ и обязанныхъ намъ своимъ воспитаніемъ, или поколѣніе почти столь же неграмотное и неразвитое какъ масса, насъ окружающая привыкшее съ молодости уважать въ насъ и вездѣ только богатство и силу, несвязанное съ нами ни узами благодарности и никакими свѣтлыми воспоминаніями дѣтства. Своя рубашка, говорятъ, къ тѣлу ближе. Но именно она то и требуетъ школъ. потому что ни одно учрежденіе болѣе чѣмъ разумно веденная школа не обезпечитъ намъ спокойной старости. Кромѣ того, г.г., давно дознано опытомъ, что кругъ занятій человѣка дѣйствуетъ на его духовную сторону. Все въ дѣтской школѣ дышетъ умственной свѣжестью и нравственной чистотой. Насладившись ими въ этой сферѣ нашей дѣятельности, мы перенесемъ въ другія сферы потребность въ тѣхъ же условіяхъ, и сильнѣе станутъ претить намъ всякая мертвая формальность и нравственное убожество. Не благотворно-ли подѣйствуетъ школа на весь строй нашихъ мѣстныхъ учрежденій.

Скоро настанетъ г.г., великій праздникъ для всего христіанскаго міра. Церкви наши огласятся чудными пѣснями. Одна изъ нихъ всегда поражала меня своимъ глубокимъ психологическимъ смысломъ и практическимъ приложеніемъ къ жизни. „Звѣздамъ служащіе, поетъ св. церковь наша, звѣздою учахуся Тебѣ кланятися Солнцу правды“.—Доброе дѣло очищаетъ душу творящаго его человѣка. Благая цѣль, которую изберетъ онъ себѣ высоко надъ земною корыстію и мелкотой житейскихъ стремленій,

высоко какъ звѣзда въ небѣ, откуда мерцаетъ она чистая и ясная, недосягаемая для земныхъ тумановъ и бурь, такъ цѣль укрѣпляетъ духовную силу человѣка, проясняетъ его мысленный взоръ и имъ самимъ избранная, она-же приводитъ его къ Солнцу правды, къ тому вѣчному источнику свѣта и истины, къ которому путь лежитъ не только одинокому человѣку, но и цѣлому обществу и народу. Дай Богъ всякому изъ насъ хранить въ душѣ своей благую и высокую цѣль. Но въ кругу земскихъ обязанностей какая цѣль можетъ быть выше, чище, безкорыстнѣе духовнаго развитія дѣтей и очищенія въ нихъ народной нравственности. Эта цѣль объединитъ наши усилія; какъ звѣзда руководящая волхвами съ дальняго востока, она приведетъ насъ черезъ пустыни житейскія къ познанію истины, очиститъ насъ, земскихъ людей, и обновитъ наши нравственныя силы. А въ нравственной силѣ все.

Я бы кончилъ здѣсь, господа гласные, еслибъ не оставалось мнѣ исполнить скорбный долгъ и бросить прощальную горсть земли на свѣжія могилы, закрывшіяся надъ друзьями народнаго училища. Ихъ не мало потеряли мы въ истекшемъ году. Одного изъ нихъ мы всѣ знали, г.г., и всякій изъ насъ не безъ сердечнаго содраганія услышалъ внезапную вѣсть о кончинѣ Наколая Павловича Бибикова; всякій изъ насъ почувствовалъ, конечно, что эта невознаградимая для земства утрата, какъ почувствовали это въ послѣдней крестьянской лачугѣ Данковскаго уѣзда. Мы уважали здѣсь его бодрую, свѣтлую мысль и любили его мѣткое и безбоязненное слово; тяжелая болѣзнь, пріучившая его давно къ ожиданію, что всѣ счеты земные могутъ сразу для него покончиться, способствовала можетъ быть къ тому, что его мысль выражалась рѣзче и не прибѣгала къ тѣмъ оттѣнкамъ и изворотамъ, которыми стараемся смягчить истину мы, незаглянувшіе еще, какъ онъ, въ могилу. Ему прощалась эта рѣзкость, потому что въ немъ чувствовалась душа, пересилившая физическія страданія, въ немъ сказывалась побѣда духа надъ тѣломъ и въ тоже время не было слѣда ожесточенія, столь свойственнаго страданію, а любовь ко всему доброму и честному била изъ него горячимъ ключемъ. Училищное дѣло не лежало на его плечахъ въ Данковскомъ уѣздѣ; но какъ предсѣдатель управы онъ постоянно встрѣчался со многими изъ учителей, получавшими изъ управы жалованье, учебныя пособія и книги, и никогда не пропускалъ случая знакомиться съ ними и съ ихъ дѣломъ. Надо видѣть съ какимъ благоговѣніемъ они вспоминаютъ о немъ, какъ они дорожили его совѣтомъ и лаской, какой глубокій слѣдъ оставилъ онъ

на лучшихъ изъ нихъ. Немного бываетъ такихъ свѣтлыхъ личностей и Данковскимъ школамъ не скоро забыть ее.

Старше его и по лѣтамъ и какъ труженикъ на этомъ поприщѣ былъ священникъ села Починокъ, Егорьевскаго уѣзда, Петръ Афанасьевичъ Бажановъ. Самъ уроженецъ этой мѣстности, онъ поступилъ священникомъ тому 25 лѣтъ на мѣсто тестя, сиротъ котораго онъ выкормилъ и воспиталъ, и одинъ изъ нихъ показалъ себя хорошимъ учителемъ въ одномъ изъ селеній Егорьевскаго уѣзда. Съ 1861 года отецъ Бажановъ открылъ въ церковной сторожкѣ безплатно воскресную школу и сталъ собирать къ себѣ дѣтей на домъ для обученія грамотѣ. Такъ продолжалось 2 года. Убѣжденное его словомъ и дѣломъ мѣстное общество устроило при волостномъ правленіи помѣщеніе для школы, и тутъ то отецъ Бажановъ продолжалъ неустанно свой учительскій подвигъ до самой смерти, отрываясь только для разъѣздовъ по дѣламъ службы и для ревизіи школъ уѣзда, въ качествѣ предсѣдателя Егорьевскаго училищнаго совѣта. Общество назначило ему тогда-же за преподаваніе рублей сто въ годъ и скромная цифра эта не измѣнялась кажется до конца, если не считать небольшихъ пособій, получаемыхъ имъ изрѣдка отъ земства. Школа его, по общимъ отзывамъ, была одной изъ самыхъ хорошихъ въ уѣздѣ и число учениковъ колебалось отъ 80 до 100 въ послѣдніе года. Пока онъ былъ гласнымъ, земское собраніе выбрало его въ училищный совѣтъ; когда онъ на послѣднее трехлѣтіе выбылъ изъ числа гласныхъ, епархіальное начальство назначило его въ совѣтъ отъ духовнаго вѣдомства, и онъ снова остался предсѣдателемъ совѣта; училищный вопросъ былъ ему близокъ къ сердцу и онъ съ теплымъ участіемъ относился къ учителямъ. Постоянно проводилъ онъ въ земскомъ собраніи мысль о пользѣ хотя немногихъ, но правильно организованныхъ училищъ, о необходимости обезпечить учителей постояннымъ жалованьемъ по возможности отъ земства, и тѣмъ получить рѣшительный голосъ въ назначеніи ихъ. Мѣстныя условія не дали осуществиться его желаніямъ. Когда открылось наше Александровское училище, изъ его прихода и по его наставленію явилось къ намъ сразу 5 или 6 человѣкъ, и изъ нихъ четверо уже теперь въ числѣ хорошихъ учителей нашихъ. Скончался онъ нынче лѣтомъ, оставивъ огромную семью почти въ совершенной нищетѣ. По великодушной иниціативѣ своего предсѣдателя Егорьевское земское собраніе не только почтило память отца Бажанова, внеся въ протоколы своихъ засѣданій выраженіе общаго, глубокаго уваженія къ его дѣятель-

ности, но и пришло на помощь семьѣ его, ассигновавъ ей 300 р. изъ смѣтныхъ остатковъ. Будетъ-ли позволено мнѣ сказать теплое спасибо предсѣдателю и гласнымъ Егорьевскаго уѣзда отъ имени всѣхъ кому дорога сельская школа и судьба трудящихся на ея пользу.

Городъ Рязань также понесъ чувствительную потерю въ лицѣ попечителя городского земскаго (Рыбацкаго) училища, Виктора Никитича Мшанина. Дума и уѣздное собраніе соединили свои средства, чтобы поставить на хорошую ногу училище Рыбацкой слободы, находящееся почти въ чертѣ города. Ассигновано было 800 руб.; но не аккуратность взносовъ со стороны уѣзда, при дороговизнѣ здѣсь матеріальной обстановки, подорвала-бы успѣхъ начатаго дѣла, еслибъ избранный въ почетные попечители В. Н. Мшанинъ не поддержалъ его и не обезпечивалъ училища самъ учебными пособіями. Кромѣ того онъ создалъ при немъ и содержалъ вполнѣ на свой счетъ женское училище на 28 дѣвочекъ, столь необходимое въ Рязани, гдѣ такъ мало или почти ничего не сдѣлано для начальнаго обученія женскаго пола. Конечно не трудно давать когда есть на то средства; но надо умѣть давать такъ, чтобъ всякій расходъ приносилъ пользу, и такъ, чтобы даръ въ глазахъ пользующихся являлся неудовлетвореніемъ пустого тщеславія, а выраженіемъ истиннаго участія къ дѣлу и желанія подвинуть его. Тогда двойная польза: и трудъ вознаграждается, и усугубляется рвеніе трудящихся. Такимъ умѣньемъ обладалъ покойный Викторъ Никитичъ въ высокой степени, потому вѣроятно, что, понимая цѣну образованія, просто и искренно относился къ своему дѣлу. Часто посѣщая свое училище, онъ зналъ его; потому одобреніе его могло быть высказываемо сознательно и имѣло большую цѣну. Не умаляя нисколько заслугъ ни лицъ, учредившихъ училище, ни учителей въ немъ работавшихъ, можно смѣло сказать, что оно много обязано своимъ успѣхомъ заботливости г. Мшанина. Надѣемся, что городская дума выберетъ ему достойнаго пріемника; но не можемъ не жалѣть глубоко о потерѣ человѣка, столь рано оторваннаго отъ полезной его дѣятельности.

Рядомъ съ этими именами людей образованныхъ, покровительствовавшихъ училищу по сознанію его пользы для общества, позвольте мнѣ поставить имя человѣка, любившаго училище по простотѣ душевной, отъ того только, что окружающій мракъ наводилъ на него тоску,—имя крестьянина Киструсской слободы, Спасскаго уѣзда, Василія Михайловича Антипова. Когда тому пять лѣтъ зашла

рѣчь объ устройствѣ въ этой слободѣ правильной школы, въ которую никто не вѣрилъ, благодаря, кажется, прежнему дурному образчику, и общество не рѣшалось назначить пятнадцати копѣечный сборъ, который по малолюдству населенія не могъ-бы безъ частныхъ пожертвованій покрыть даже расходъ на приличное жалованье учителю, Антиповъ предложилъ двадцать пять рублей и увлекъ сходъ своимъ примѣромъ. Школа состоялась. Но долго не удавалось ее устроить хорошенько, пока не былъ назначенъ туда одинъ изъ воспитанниковъ Александровскаго училища. Василія Михайловича глубоко огорчалинеуспѣхъ школы, дурное преподаваніе или дурное поведеніе учителей; всякій разъ что я проѣзжалъ черезъ Киструсъ, онъ съ грустью указывалъ мнѣ на пробѣлы и недостатки въ училищѣ, а иногда пріѣзжалъ ко мнѣ нарочно, чтобы передать свои замѣчанія, всегда мѣткія и справедливыя. Какъ скоро ему учитель понравился, онъ отъ себя, безъ чьей либо просьбы или намека, вызвался принять его на свои харчи, сталъ ласкать и беречь его. Молодой парень привязался къ нему какъ къ отцу родному, привозилъ его больного сюда въ Рязань, ходилъ за нимъ съ сыновнею преданностью; и много, я въ томъ увѣренъ, обязана школа своимъ успѣхомъ, и именно воспитательнымъ достоинствомъ, тому родственному чувству, которое этотъ почтенный человѣкъ умѣлъ внушить къ себѣ молодому учителю. Послѣдній разъ я видѣлъ Василія Михайловича въ Спасской больницѣ, въ исходѣ сентября; онъ, кажется, предчувствовалъ близкую кончину, но остановилъ меня, чтобы поговорить о своей школѣ, передавалъ мнѣ по своему, но вѣрно схваченные имъ пріемы преподаванія и указывалъ на развивающее ихъ значеніе для дѣтей въ сравненіи съ прежнимъ зубрежемъ. Я такъ разсуждаю по своему разуму, говорилъ онъ мнѣ, что если я дамъ своему сыну хорошое воспитаніе, такъ я для него болѣе сдѣлаю, чѣмъ если оставлю ему капиталъ.—Для Киструсской школы его никто не замѣнитъ.

И не онъ одинъ, и не эти люди одни дорожили и дорожатъ сельской школой и поддерживаютъ ее своимъ покровительствомъ и сочувствіемъ. Скромные подвиги многихъ пройдутъ незамѣченными, и изъ пчелинаго труда, ихъ слѣпятся тѣ соты, на которыхъ вскормится будущее поколѣніе, честное и просвѣщенное. Но не обязанность-ли наша помянуть добрымъ словомъ хоть тѣхъ, чьи заслуги случайно на виду и подъ ихъ именемъ выразить свою благодарность всѣмъ неизвѣстнымъ и добрымъ труженикамъ. Не для нихъ мы это дѣлаемъ: однимъ награда въ ихъ

собственномъ сознаніи, другимъ въ молитвахъ тѣхъ, кто непосредственно принялъ отъ нихъ благодѣяніе. Мы дѣлаемъ это для себя. Намъ самимъ нужно согрѣваться ихъ примѣромъ и укрѣплять въ себѣ благотворную увѣренность, что не одни мы въ полѣ работники; что вблизи и вдали отъ насъ, всюду гдѣ только есть человѣческая задача, есть человѣческія руки, поставленныя промысломъ для исполненія ея; что всюду, гдѣ жатва созрѣла, найдутся знаемые или незнаемые намъ дѣлатели, чтобы снять и свезти ее, и что не пропадетъ для человѣчества ни одно зерно, брошенное человѣческимъ разумомъ на добрую почву".

187 4/5 годъ [1]).

„Истекшій учебный годъ посвященъ былъ приведенію въ порядокъ отчетности по училищамъ и я надѣялся имѣть возможность представить собранію самыя точныя данныя по цѣлой губерніи, что мнѣ доселѣ ни разу не удавалось сдѣлать. Дѣйствительно, нѣкоторыя цифры въ нынѣшнемъ моемъ докладѣ относятся до всей губерніи; но все же онѣ далеко не такъ полны и точны, какъ я бы желалъ. Казенная отчетность, обнимая гражданскій годъ, не совпадаетъ со сроками, за которые члены училищныхъ совѣтовъ привыкли представлять свои свѣдѣнія уѣзднымъ собраніямъ. Жизнь сельской школы течетъ съ сентября до мая и только за это время представляетъ она нѣчто цѣльное; каждымъ лѣтомъ происходятъ въ школѣ обыкновенно перемѣны и обѣ половины гражданскаго года рѣдко могутъ быть выражены одними данными въ отчетѣ; а потому чрезвычайно трудно воспользоваться для земскихъ цѣлей казенной отчетностью, сосредоточенной въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ. Остается надѣяться на земскую отчетность и просить г.г. членовъ отъ земства въ уѣздныхъ совѣтахъ не бросать доброй привычки представлять свои данныя собраніямъ; собирать эти данныя они имѣютъ тѣже средства, какія имѣли прежде, а новая форма, выработанная по постановленію губернскаго собранія, дастъ желаемое единство и полноту ихъ отчетамъ.

Со введеніемъ новаго устава, дѣятельность училищныхъ со-

---

[1]) Этотъ докладъ былъ прочтенъ въ засѣданіи губернскаго земскаго собранія 17 декабря 1874 г.

вѣтовъ оживилась въ тѣхъ именно уѣздахъ, гдѣ она до того времени была довольно блѣдна, въ особенности въ сѣверныхъ; средства ихъ усилились остатками отъ прежнихъ лѣтъ и мы встрѣчаемъ во многихъ отчетахъ за 1875 годъ расходы, сдѣланные во исполненіе смѣты даже 1873 года; кромѣ того пособія раздавались щедрою рукой, такъ что пришлось въ сентябрѣ мѣсяцѣ просить значительнаго возвышенія смѣтъ, за нѣсколько лѣтъ оставшихся не подвижными, въ Рязанскомъ, Егорьевскомъ и Зарайскомъ уѣздахъ.

Присемъ имѣю честь представить собранію 2 таблицы: въ одной собраны итоги смѣтныхъ назначеній на начальныя училища на 1876 годъ; въ другой—число училищъ и учащихся въ истекшемъ $187^{4}/_{5}$ учеб. году [1]) и процентное отношеніе числа учащихся мальчиковъ къ общему числу мальчиковъ отъ 8 до 14 лѣтъ. Изъ этой таблицы мы видимъ, что относительно наибольшее число учащихся падаетъ на уѣзды:

Данковскій	по 27	изъ 100	дѣтей.	
Спасскій	„ 24	„	„	„
Касимовскій	„ 20	„	„	„

Наименьшій на уѣзды:

Рязанскій	по 10	изъ 100	дѣтей.	
Раненбургскій	„ 10	„	„	„
и Михайловскій	„ 7	„	„	„

Но при этомъ мы должны имѣть въ виду неравномѣрность распредѣленія училищъ по уѣзду и тогда не остается сомнѣнія въ усердіи и охотѣ, съ которыми населеніе пользуется доступной ему, мало мальски хорошо устроенной, школой. Ограничусь примѣромъ Спасскаго уѣзда. Изъ 25 волостей въ 2-хъ вовсе не было училищъ, въ 2-хъ были только частныя школы; слѣдовательно все число учащихся падаетъ на остальныя 21 волость; но и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ учится 10 и 15 мальчиковъ на 100, между тѣмъ какъ въ 10 волостяхъ (почти всѣ по лѣвому берегу Оки) учится изъ 100 мальчиковъ отъ 40 до 60, т. е. около половины, и не учится болѣе лишь потому, что мѣста нѣтъ въ школахъ. Нынѣшней осенью открыты 3 училища (въ Санскомъ, Кутуковѣ

[1]) Сюда не вошло неизвѣстное мнѣ число учениковъ 17 казенныхъ образцовыхъ училищъ въ губерніи и Ларинскаго училища въ Зарайскомъ уѣздѣ.

и Сасыкинѣ), вмѣщающія всѣ вмѣстѣ до 240 человѣкъ, а явилось ихъ въ первые дни открытія училищъ болѣе 350; лишнимъ пришлось отказать, устроивъ съ другими обученіе въ 2 смѣны. Надо замѣтить, что одновременнаго пріема и правильнаго хожденія удалось достигнуть во многихъ училищахъ уѣзда.

Прошу васъ, г.г., обратить вниманіе на другую таблицу. Изъ нея вы увидите, во 1-хъ, общее возвышеніе смѣтъ на начальныя училища по всѣмъ почти уѣздамъ; только Ряжскъ, Спасскъ, Скопинъ и Михайловъ остались при прежнихъ цифрахъ; Данковъ прибавилъ къ своей высокой смѣтѣ весьма не много, лишь такую-же сумму, какую прибавили къ своимъ пожертвованіямъ на школы сельскія общества, и назначилъ нѣкоторое пособіе женскому училищу въ Мураевнѣ, открытому священникомъ въ своемъ домѣ. Прибавки по всѣмъ уѣздамъ составили итогъ почти въ 9.000 руб., болѣе всего по Рязанскому (2.700 р.), Касимовскому (1.500 р.), Сапожковскому (1.300 р.) и Зарайскому (1.200 р.). Во 2-хъ, эти цифры указываютъ на то значеніе, какое уѣзды придаютъ вопросу о народномъ образованіи; возьмемъ только на этотъ разъ смѣты на начальныя училища и на среднія учебныя заведенія; онѣ въ 2-хъ уѣздахъ, Данковскомъ и Пронскомъ, достигаютъ 20%, въ Касимовскомъ 16% всей смѣты на уѣздныя потребности; въ большинствѣ онѣ колеблятся между 6-ю и 12-ю %-ми и опять въ 2-хъ, Михайловскомъ и Ряжскомъ, падаютъ до 2% всей смѣты.

Вглядываясь вообще въ земскіе расходы, мы видимъ, что они распадаются на двѣ части: съ одной стороны содержаніе учрежденій и сооруженій, обязательное для насъ въ силу разныхъ узаконеній, и относительно которыхъ отъ насъ ожидаютъ лишь двухъ добродѣтелей: исправности и возможной экономіи. Другая сфера нашей дѣятельности—то, что мы сами предпринимаемъ для общей пользы, тѣ потребности, которыя мы подмѣчаемъ и добровольно стараемся удовлетворить то, что мы дѣлаемъ для развитія матеріальныхъ и нравственныхъ силъ края. Здѣсь главную часть расходовъ поглощаютъ двѣ отрасли: народное здравіе и народное образованіе. Обѣ эти части тѣсно связаны между собой; уѣздъ можетъ начать съ той или съ другой, но ставъ на этотъ путь человѣческаго, а не чиновнаго отношенія къ земскому дѣлу, онъ непремѣнно, рано или поздно, убѣдится въ необходимости принять на свои руки заботу равно о нравственномъ и физическомъ здоровьѣ народа. Вниманіе, слѣдовательно, которое всякое земство обратило на эти вопросы, служитъ

какъ-бы мѣриломъ его гражданскаго развитія. Поэтому я счелъ себя вправѣ соединить расходы по народному здравію и по народному образованію (считая тутъ и пособія среднимъ учебнымъ заведеніямъ) въ одинъ итогъ и вывести ихъ %-ное отношеніе къ общей цифрѣ уѣздныхъ смѣтъ. Послѣдніе столбцы таблицы за № 2 представляютъ вамъ, г.г., эти данныя. Вы видите, что вся Рязанская губернія употребляетъ на эти предметы (не считая губернской смѣты) почти 30% всѣхъ своихъ расходовъ; что въ 5 уѣздахъ (Пронскомъ, Данковскомъ, Сапожковскомъ, Раненбургскомъ и Спасскомъ) эти статьи поглощаютъ отъ 45 и до 35% ихъ смѣтъ; затѣмъ въ 4 уѣздахъ (Касимовскомъ, Скопинскомъ, Егорьевскомъ и Зарайскомъ) отъ 32 и до 22%, въ Ряжскомъ и Рязанскомъ 17 и 14%, съ ихъ огромныхъ смѣтъ [1]), и затѣмъ, далеко отставъ отъ другихъ, является Михайловскій уѣздъ съ 6½% своей смѣты на эти потребности. Что такая разница зависитъ не отъ бережливости земства, а прямо отъ взгляда его на свои обязанности по этимъ отраслямъ, доказываетъ лучше всего сопоставленіе двухъ сосѣднихъ уѣздовъ, стоящихъ на двухъ концахъ начерченной лѣстницы: Пронскаго съ его 45% и Михайловскаго съ его 6½% на училища и больницы. Если исключить эти статьи изъ итоговъ ихъ смѣтъ, то окажется, что на всѣ остальныя потребности, на органы управленія, на дороги, на мировой судъ и проч., Михайловскій тратитъ болѣе 30.000, а Пронскій 26.000; слѣдовательно въ хозяйственномъ отношеніи къ дѣлу послѣдній уѣздъ ни чуть не уступаетъ тому и со стороны экономіи стоитъ на первомъ ряду въ губерніи; но, при своей 26-ти тысячной смѣтѣ, онъ назначаетъ еще 20.000 на сохраненіе и развитіе физическихъ и духовныхъ силъ народа; дай Богъ ему успѣха въ распоряженіи этими средствами.

Разсмотримъ теперь главнѣйшія постановленія собраній. Ихъ особенно занимали нынѣшній годъ вопросы о помѣщеніяхъ училищъ и о помощникахъ учителей, о преподаваніи закона Божія и, наконецъ, нескончаемый вопросъ объ основаніяхъ къ выдачѣ земскаго пособія училищамъ.

Относительно помѣщеній много было сдѣлано уже въ истекшемъ году; общая цифра ссудъ и пособій, выданныхъ на этотъ предметъ земскими собраніями сельскимъ обществамъ, доходитъ почти до 9.000 руб., а на будущій годъ ассигновано уже на

---

[1]) Ряжская, Рязанская и Сапожковская уѣздныя смѣты самыя большія въ губерніи.

тотъ-же предметъ до 4.000 руб. Самое видное мѣсто занимаетъ тутъ Пронскій уѣздъ, истратившій болѣе 3.000 руб. на то, чтобы устроить Гулынскую школу, и Зарайскій; одинъ Касимовскій уѣздъ не считаетъ нужнымъ помогать въ этомъ отношеніи обществамъ и ограничился ходатайствомъ о даровомъ отводѣ до 15 десятинъ изъ казенныхъ лѣсовъ на постройку школъ; Раненбургскій и Рязанскій уѣзды даютъ обществамъ ссуду до 500 р. на школу, съ возвратомъ безъ % въ 5-ти лѣтній срокъ; прочіе уѣзды выдаютъ безвозвратное пособіе, въ размѣрѣ по большей части отъ 200 р. до 400 р., но есть случаи выдачи и до 700 р. Михайловскій уѣздъ ограничился постройкою образцоваго училища въ с. Поподьинѣ, стоившаго до 1.200 р. (съ классною мебелью); по размѣрамъ, расположенію свѣта, мебели оно лучшее изъ всѣхъ, видѣнныхъ мной въ губерніи; нельзя не пожалѣть, что, сданное въ распоряженіе общества, оно по внутреннему достоинству далеко не соотвѣтствуетъ красотѣ зданія и что такая серьезная затрата не даетъ соразмѣрныхъ результатовъ.

Зарайскій, Касимовскій, Спасскій и Сапожковскій уѣзды пришли уже къ сознанію необходимости имѣть помощниковъ въ многолюдныхъ училищахъ; но это мыслимо не иначе какъ при пособіи земства, и только 2 послѣдніе уѣзда рѣшились окончательно ассигновать отъ 100 до 120 руб. на каждаго помощника. Здѣсь кстати будетъ упомянуть о довольно практичномъ постановленіи Сапожковскаго собранія, состоявшемся по предложенію гласнаго Кошелева: ограничить полныя занятія въ училищахъ временемъ отъ Покрова до Вербнаго воскресенья; сентябрь-же мѣсяцъ и съ весны до Петрова дня посвящать занятіямъ съ младшими дѣтьми, не нужными въ то время для домашнихъ работъ, такъ чтобы принимать вновь ребятъ весною и къ Покрову, уже на столько подготовить ихъ, чтобы они не требовали исключительнаго вниманія учителя. Для маленькихъ дѣтей хожденіе зимой конечно тяжело, но особенно тяжелы имъ первые мѣсяцы въ школѣ, пока они не привыкнутъ къ ея обстановкѣ и на столько подвинутся, чтобы заниматься безъ непосредственной помощи учителя; въ обоихъ отношеніяхъ это постановленіе Сапожковскаго собранія устранитъ много неудобствъ, да и дастъ учителю болѣе времени на занятіе со старшими.

Преподаваніе закона Божія было предметомъ многихъ преній, какъ на собраніяхъ, такъ и въ училищныхъ совѣтахъ и не можемъ скрыть, что мы вынесли изъ этихъ преній грустное впечатлѣніе. Безспорно, что преподаваніе этого важнѣйшаго въ сель-

ской школѣ предмета далеко неудовлетворительно въ большинствѣ случаевъ, но потому ли только, что сухая ложка ротъ деретъ? Между тѣмъ на эту точку становились почти всѣ обсуждавшіе вопросъ, какъ будто считая, что священники и обязаны и захотятъ удѣлять свои наставленія лишь въ мѣру, какою возмѣрится имъ. Не нужно много смѣлости, чтобы отвергнуть такую точку зрѣнія, оскорбительную для нашего духовенства. Конечно, всякій трудъ требуетъ нѣкотораго вознагражденія, но не отъ мѣры онаго зависятъ усердіе и успѣхъ. Духовенство Рязанской губерніи уже разъ въ 1861 году усердно бралось само за начальную школу, не встрѣтило ни въ комъ сочувствія и опустило руки; такое впечатлѣніе не скоро изглаживается. Затѣмъ отсутствіе до истекшаго года опредѣленной программы, трудность преподаванія предмета, такъ мало разработаннаго въ дидактическомъ отношеніи, отсутствіе указанія и руководства ставили въ затрудненіе усерднѣйшихъ проповѣдниковъ Слова Божія; а всякому извѣстно, какъ тяжело вести дѣло, когда чувствуешь свою неумѣлость и сомнѣваешся въ своихъ силахъ. Не мнѣ,—чуть-ли не первому въ губерніи предложившему назначить отъ земства плату за уроки закона Божія,—спорить противъ необходимости такого вознагражденія; но не могу не протестовать противъ тѣхъ, кто въ такой платѣ видитъ самое дѣйствительное средство улучшить преподаваніе закона Божія, и сознательно или безсознательно роняетъ достоинство духовенства, измѣряя рублями его усердіе; вспомните, г.г., столькихъ священниковъ, доселѣ безвозмездно, отъ всей души работавшихъ на сельскую школу, отцовъ: Городцова, Бажанова, Молчанова, Покровскаго, Муретова, Остроумовыхъ, Екатеринина и многихъ, не менѣе сихъ, усердныхъ дѣятелей, и позвольте заключить словами Данковскаго отчета, что *въ основѣ этого дѣла должна лежать прежде всего христіанская любовь*. Затѣмъ вознаграждайте трудъ, противъ этого ни слова; но не надѣйтесь на деньги для распространенія религіозныхъ понятій и чувствъ.

Вопросъ о порядкѣ раздачи земскихъ пособій и о правѣ на оныя сельскихъ обществъ также не мало занималъ земскія собранія. Установившись уже въ южныхъ уѣздахъ и въ Зарайскомъ на довольно прочныхъ началахъ, извѣстныхъ вамъ, г.г., изъ моихъ прежнихъ докладовъ, онъ поднялся нынчѣ въ уѣздахъ: Касимовскомъ, Рязанскомъ и Спасскомъ.

Въ Касимовскомъ уѣздѣ исполнено наконецъ важное дѣло: школы отысканы, осмотрѣны, иныя по два и по три раза, и опи-

саны самымъ подробнымъ образомъ, и этотъ огромный трудъ первоначальнаго изслѣдованія ихъ приняли на себя земскіе члены училищнаго совѣта, что вдвойнѣ достойно уваженія съ нашей стороны въ ту годину, когда почти вездѣ члены училищныхъ совѣтовъ стѣснялись въ своихъ дѣйствіяхъ, въ виду новаго положенія объ училищахъ. Доклады г.г. гласныхъ Мансурова и Алянчикова напоминаютъ намъ лучшіе доклады, слышанные въ Раненбургскомъ и Данковскомъ собраніяхъ; а въ докладѣ г. Алянчикова собраны и сгруппированы самыя подробныя статистическія данныя, какія когда либо добыты были по училищамъ Рязанской губерніи. И чего только не нашлось въ Касимовскомъ уѣздѣ въ 1875 году. И училища, переходящія изъ избы въ избу, по недоимщикамъ, въ видѣ экзекуціи (шульгинское), и учителя, отыскивающіе свое жалованье судебнымъ порядкомъ съ волостныхъ правленій. Результатомъ этихъ прекрасныхъ докладовъ было нѣкоторое возвышеніе смѣты, постановленіе объ открытіи библіотекъ при извѣстныхъ училищахъ и назначеніе комиссіи для разработки поднятаго г. Алянчиковымъ вопроса о томъ, какъ и кому выдавать пособіе отъ земства. Протестуя совершенно раціонально противъ раздробленія этихъ средствъ на мелочныя суммы, достающіяся всѣмъ, но ни кому существенно не помогающія и оставляющія училища въ ихъ нищенскомъ видѣ и на низшемъ уровнѣ, онъ требуетъ, чтобы болѣе крупныя суммы назначались тѣмъ обществамъ, которыя и болѣе нуждаются въ нихъ и въ тоже время относительно высокой нормой самообложенія (напр. бобровское въ 56 коп. и Сынтульское въ 40 коп. съ души), или другими пожертвованіями, докажутъ свое сочувствіе къ дѣлу образованія, и чтобы земское собраніе ежегодно возвращалось къ этому вопросу и соразмѣряло свои благодѣянія съ усердіемъ каждаго селенія. При всемъ моемъ уваженіи къ члену Касимовскаго училищнаго совѣта, я громко-бы возсталъ противъ такого предположенія, еслибъ имѣлъ честь участвовать въ Касимовскомъ собраніи. Непремѣнное условіе успѣха школы—прочность; только время можетъ развить ее; только тогда учитель и работаетъ съ любовію и преданностію къ своему дѣлу, когда ему незачѣмъ бояться завтрашняго дня и когда онъ спокойно можетъ расположить свою работу на цѣлые годы. Рѣшать всякій сентябрь судьбу школы—значитъ погубить ее въ зародышѣ; разъ обѣщанное пособіе должно уже быть обезпечено за ней, покуда она не перестанетъ въ немъ нуждаться. А что подобный, ежегодно повторяющійся, страшный судъ надъ школами уѣзда зависитъ отъ такого органа, какъ

земское собраніе, едва-ли служитъ ей обезпеченіемъ (1). За примѣрами ходить не далеко. Въ нынѣшнемъ-же сентябрѣ Пронское собраніе разжаловало Гулынскую школу.

Я нѣсколько разъ уже имѣлъ случай говорить здѣсь объ этомъ училищѣ. Созданное тому 12 лѣтъ пожертвованіями частнаго лица и переданное имъ въ вѣденіе земства съ капиталомъ въ 6.000 рублей, Гулынское училище одно въ губерніи имѣло свою исторію. Оно основалось скромно, но прочно. Преподаваніе тамъ шло хорошо, направленіе училища было превосходное; его ученики отличались въ Александровскомъ училищѣ трудолюбіемъ, стойкостью, порядочностью и благочестіемъ; оно дало намъ 8 учителей для нашихъ сельскихъ училищъ (изъ нихъ 2 тамъ-же и окончили курсъ) и всѣ они стоятъ въ ряду лучшихъ. Въ двухъ классахъ было до 115 учениковъ, изъ нихъ многіе изъ дальнихъ волостей, даже изъ Спасскаго уѣзда. Огромная библіотека и коллекціи физическихъ инструментовъ, минералогическая и другія, представляли богатыя пособія. Наконецъ при училищѣ была правильно организованная метеорологическая станція. Принявъ училище это отъ его основателя, земство прибавило 700 р. къ 300 р. %, получаемымъ съ пожертвованнаго капитала, и назначило вто-

(1) Въ преніяхъ, послѣдовавшихъ по чтеніи этого доклада и которыя, къ сожалѣнію, не могли быть записаны, гласный Алянчиковъ возражалъ, что мысль его не вѣрно была понята и что онъ не терялъ изъ виду необходимости въ прочности для успѣха училища, въ доказательство чего указывалъ на нѣкоторыя мѣста изъ своего доклада, изъ числа коихъ считаемъ долгомъ выписать слѣдующія: „извѣстная продолжительность существованія училища имѣетъ свои неоспоримыя достоинства: знакомство учителя съ учениками и его благотворное вліяніе на нихъ пріобрѣтается не вдругъ; точно также какъ и молва о хорошемъ состояніи школы распространяется въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго срока"..... „Но такъ какъ въ оцѣнкѣ всѣхъ имѣющихся по этому предмету данныхъ земское собраніе есть полный и единственный хозяинъ, то отъ него зависитъ включить извѣстную продолжительность существованія школъ въ число условій, говорящихъ въ ее пользу, и тѣмъ устранить не нужныя и вредныя передвиженія школъ. Вообще къ этой мѣрѣ надо относиться съ большою осторожностію и прибѣгать въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда крестьяне, сознавая пользу обученія и сравнительно съ другими имѣя возможность давать пособіе на школу, не дѣлаютъ этого единственно изъ желанія уклониться отъ расхода и пользоваться училищемъ на земскій счетъ, въ то время, когда другія общества, быть можетъ менѣе несостоятельныя, но болѣе готовыя на пожертвованіе, ничего не получатъ отъ собранія". — Съ вопросомъ, поставленнымъ такимъ образомъ, нельзя не согласиться.

раго учителя, такъ что старшій получалъ 400 руб., а младшій 240 р. Увлекшись тѣмъ, что земство должно *въ равной мѣрѣ* удовлетворять нуждамъ населенія и что слѣдовательно *было бы справедливо выровнять содержаніе всѣхъ мужскихъ школъ*, т. е. давать поровну всѣмъ учителямъ, хорошимъ и посредственнымъ, опытнымъ и начинающимъ только преподавать, нынѣшнее собраніе вдругъ назначило обоимъ учителямъ въ Гулынкахъ по ровну, по 240 руб., обрѣзало всю смѣту училища и низвело его на рядъ обыкновенныхъ сельскихъ училищъ, предположивъ перевести его въ другое зданіе, а зданіе училища занять больницей. Не говоря уже о томъ, что такое постановленіе отняло у земства возможность имѣть тамъ учителя способнаго пользоваться богатыми учебными пособіями, и конечно скоро уронитъ установившійся авторитетъ училища, можно спросить еще, имѣло-ли Пронское собраніе право дѣлать такое постановленіе безъ согласія жертвователя, который во всякомъ случаѣ уже % съ своего капитала обезпечивалъ большее жалованье этому учителю. Играть такъ чужими пожертвованіями и судьбою открытаго уже учебнаго заведенія было тѣмъ менѣе простительно, что поводомъ къ тому послужило предложеніе кого-то изъ г.г. гласныхъ,—попробовать въ уѣздѣ переносную школу для маленькихъ поселковъ. Необходимость мѣстами заставляетъ прибѣгать къ такой мѣрѣ, но съ нею мирятся, ея не предпочитаютъ другой и всегда такая переносная школа останется на низкомъ уровнѣ; а ея учителю Пронское земство назначаетъ 400 руб.—высшее жалованье во всемъ уѣздѣ. Къ счастію, въ будущемъ сентябрѣ представится опять возможность исправить дѣло; и этотъ случай послужитъ развѣ другимъ собраніямъ урокомъ неторопиться измѣнять постановленія свои по учебной части, когда они начали уже пускать корни.

Точно также и Рязанское собраніе, принявъ систему казенныхъ образцовыхъ училищъ, т. е. назначеніе жалованья учителямъ тамъ, гдѣ общества даютъ хорошее помѣщеніе и обезпечатъ такъ сказать хозяйственную сторону школы, предупредило общества, гдѣ оно теперь содержитъ свои центральныя училища, что съ этимъ учебнымъ годомъ прекратится выдаваемое имъ отъ земства пособіе. Часть центральныхъ училищъ можетъ такимъ образомъ закрыться, возникнутъ новыя, и опять закроются, и опять возникать станутъ, и учебное дѣло никогда прочно и плотно не усядется на одномъ мѣстѣ.

Другимъ началомъ руководилось Спасское собраніе. Оно прекратило назначеніе вновь постоянныхъ пособій училищамъ,

оставивъ оныя затѣми (19-ю), которыя уже получали ихъ, и обратило свои средства, кромѣ вознагражденія законоучителямъ и обезпеченія всѣхъ училищъ книгами и учебными пособіями и припасами, на добавочное жалованье учителямъ чрезъ извѣстные сроки. Поручивъ своимъ членамъ въ совѣтѣ препятствовать по мѣрѣ возможности открытію училищъ, гдѣ общества назначатъ учителю менѣе 120 или 150 руб., оно тѣмъ установило нормальное жалованье, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ и до 200 руб. Затѣмъ, дорожа въ особенности опытными учителями и ихъ собственною привязанностію къ ихъ дѣлу и къ ихъ училищу, сознавая, что потребности человѣка растутъ съ его лѣтами, Спасское земство приняло на себя обязанность выдавать добавочное жалованье учителямъ, прослужившимъ въ уѣздѣ 3 года—100 руб., 6 лѣтъ—200 руб. и 9 лѣтъ—300 руб., такъ что на 10-мъ году своей дѣятельности сельскій учитель получать будетъ отъ 450 до 500 руб. жалованья—содержаніе, которымъ можетъ довольствоваться и семейный человѣкъ въ этомъ положеніи. Теперь уже нашлось 10 учителей въ уѣздѣ, которые съ 1 января 1876 г. выслужили первые добавочные 100 р., а съ слѣдующаго года, вѣроятно еще будетъ пятеро.

Лично участвовавъ въ выработкѣ такой системы земскаго пособія училищамъ, не смѣю указывать на ея преимущества; но едва-ли будетъ кто оспаривать, что человѣка побуждаетъ къ работѣ гораздо болѣе надежда на лучшее въ близкомъ будущемъ, чѣмъ хорошая обстановка въ настоящемъ. На первые-же годы молодому человѣку особенно нужно не столько высокое, сколько обезпеченное жалованье, не зависящее отъ капризовъ сельскихъ властей и получаемое помимо судебнаго разбирательства.

Позвольте мнѣ теперь, г.г., перейти къ вопросу, повидимому совершенно чуждому моего доклада. Интересныя цифры даетъ намъ прошлогодній призывъ относительно числа грамотныхъ. Хотя конечно онѣ не точны, такъ какъ отмѣчаются не всѣ, призываемые, т. е. не дѣлое поколѣніе, а только принятые на службу; но онѣ составляютъ постоянный, вездѣ одинаковый % къ общему числу призываемыхъ и слѣдовательно среднее отношеніе будетъ приблизительно вѣрно.

Изъ общаго числа принятыхъ (таблица № 3) я выдѣлилъ 3 категоріи: дворянъ потомственныхъ и личныхъ, лицъ, состоящихъ на государственной гражданской службѣ, и потомственныхъ и личныхъ почетныхъ гражданъ (сюда входятъ молодые люди духовнаго званія); эти категоріи я предполагаю поголовно гра-

мотными; за исключеніемъ ихъ вывожу уже процентное отношеніе числа грамотныхъ къ остальному числу принятыхъ: на 3.653 человѣка оказывается грамотныхъ 984, т. е. почти 27%.

Разбивая эти числа по уѣздамъ, получаемъ слѣдующее:

Впереди всѣхъ идутъ уѣзды: Зарайскій, Егорьевскій, съ промышленнымъ населеніемъ и отхожими промыслами, съ 64 и 48%-ми грамотныхъ.

Затѣмъ Касимовскій и Рязанскій съ 33 и 32%-ми.

Далѣе Михайловскій и Скопинскій съ 26 и Спасскій съ 24%-ми.

Въ четвертомъ ряду Сапожковскій и Ряжскій уѣзды съ 18%-ми.

Въ послѣднемъ ряду Пронскій, Данковскій и Раненбургскій уѣзды съ 11, 10 и 9%-ми грамотныхъ. Свидѣтельствъ въ знаніи курса начальнаго училища, дающихъ право на сокращенный 2-мя годами срокъ службы, предъявлено по всей губерніи 15.

На призывъ являлось поколѣніе 1853 года, которому въ 1861 году было 8 лѣтъ, слѣдовательно вступившіе въ учебный возрастъ въ великую годину освобожденія. Духовенство наше въ это время встрепенулось и бросилось открывать школы; ученики этихъ первыхъ школъ являлись на первый призывъ и представляютъ результатъ, какъ этихъ училищъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ минутному усердію нашихъ причтовъ, такъ и бывшихъ еще въ то время школъ государственныхъ имуществъ. Процентное отношеніе грамотныхъ соотвѣтствуетъ этимъ условіямъ. Духовенство Егорьевскаго, Зарайскаго, Михайловскаго и Рязанскаго уѣздовъ стояло дѣйствительно во главѣ этого движенія въ 1861 году; громадное число скученныхъ въ крупныя села государственныхъ крестьянъ давало и Скопинскому уѣзду преимущество. Въ южныхъ уѣздахъ эти первые года свободы принесли менѣе плодовъ и въ призывъ 1874 г. эти уѣзды стали ниже другихъ. Но числа должны измѣниться въ будущіе призывы. Усердіе духовенства остыло лѣтъ черезъ 4—5; наступилъ перерывъ. Съ 1868 г. земскія учрежденія стали подбирать брошенное наслѣдіе духовенства и поочередно втягиваться въ училищное дѣло, причемъ южные уѣзды опередили сѣверные, хотя имъ приходилось подымать не початую еще новь. По всей вѣроятности, статистика призывовъ покажетъ намъ еще года 2—3 тоже, какъ и теперь, %-ное отношеніе грамотныхъ; потомъ будетъ всеобщее

уменьшеніе %, и вдругъ цифры перевернутся и послѣднія станутъ первыми. Данковскій уѣздъ съ его 2.500, Спасскій съ 3.000 учащихся заслонятъ собою Михайловскій съ его 800 и Рязанскій съ его 1.500 учениковъ. Затѣмъ конечно %-ныя отношенія всѣ сравняются, приближаясь постепенно къ поголовной грамотности, по мѣрѣ того, какъ воинская повинность съ своими льготами убѣдитъ и родителей, что ихъ дѣтямъ выгодно учиться, и земскія учрежденія, что дѣтей выгодно учить, т. е. выгодно, господа, въ матеріальномъ отношеніи, выгодно прямо карману.

Чѣмъ больше рабочихъ рукъ въ уѣздѣ, тѣмъ конечно и больше можно произвести въ немъ хлѣба, товара и другихъ цѣнностей и тѣмъ легче и дешевле производить ихъ. Отнимая у уѣзда ежегодно среднимъ числомъ по 300 человѣкъ способныхъ къ работѣ, воинская повинность наноситъ мѣстному хозяйству извѣстный ущербъ, оправдываемый высшими государственными цѣлями. Никому изъ насъ и въ голову не придетъ сомнѣніе въ пользѣ призыва молодыхъ работниковъ на пополненіе войскъ, но каждому изъ насъ было-бы пріятнѣе, чтобъ такихъ работниковъ и плательщиковъ убывало въ годъ и при томъ на цѣлые 6 лѣтъ, не 300, а только 200, или, что тоже, чтобы эти 300 человѣкъ убывали не на 6, а только на 4 года, чтобъ черезъ 4 года они уже снова являлись въ уѣздѣ наниматься на работы, кормить свои семьи и нести повинности. Вотъ это-то преимущество и даетъ школа. Данковскій уѣздъ выдалъ въ текущемъ году 346 свидѣтельствъ ученикамъ, кончившимъ курсъ въ его училищахъ. Они сберегутъ ему на каждаго по два года работы, т. е., расчитывая по настоящему сроку службы, чрезъ восемь лѣтъ, когда явится къ призыву доучившееся нынѣ поколѣніе, Данковскій уѣздъ поставитъ хотя-бы 100 новобранцами менѣе, чѣмъ придется на его долю по раскладкѣ. Если считать, что работникъ производитъ въ годъ цѣнностей на 100 руб., то эти 100 невыставленныхъ новобранцевъ будутъ выработывать въ теченіи 6 лѣтъ по 10.000 р. для уѣзда, а въ 6 лѣтъ почти 60.000 руб.,—чистый барышъ мѣстному хозяйству и промышленности отъ выданныхъ въ 1875 году свидѣтельствъ объ окончаніи курса начальнаго народнаго училища. Не окупитъ-ли этотъ барышъ, хотя отчасти, расхода на училища? (1)

И вездѣ вѣдь, гдѣ ни заводилась грамотность, она оказывалась выгодной въ матеріальномъ отношеніи, какъ скоро школа

---

1) Интересный этотъ расчетъ былъ впервые сдѣланъ на Пронскомъ земскомъ собраніи членомъ училищнаго совѣта Н. П. Ржавскимъ.

пріучала къ бережливости и порядку и развивала способности рабочаго. Будемъ надѣяться, что эта истина скоро проникнетъ въ убѣжденія всѣхъ, а тѣмъ временемъ продолжать каждый свою посильную дѣятельность для распространенія начальнаго образованія.

На помощь намъ прибыли новыя силы и усиленіе учебнаго надзора послужитъ намъ-же на пользу. Пока еще не выяснилось положеніе инспекціи и отношенія ея къ другимъ факторамъ въ въ дѣлѣ народнаго образованія, пока еще она занята изученіемъ его, приведеніемъ въ систему отрывочныхъ свѣдѣній, оставленныхъ ей въ наслѣдство прежней инспекціей. И то и другое требуетъ громаднаго канцелярскаго труда, многочисленныхъ разъѣздовъ и оставляетъ времени только на мимолетное посѣщеніе школъ. Скоро, надѣемся, это измѣнится, и инспектору представится возможность не только удостовѣряться многочисленнымъ опытомъ, что начальное обученіе народа не соотвѣтствуетъ тому, чего можно и нужно желать, но и содѣйствовать подробными указаніями, наставленіями и совѣтомъ преуспѣянію и улучшенію его.

Круглый годъ работаетъ учитель одиноко надъ своей задачей; ему не съ кѣмъ совѣтоваться, не на кого опереться; какъ шелковичный червь, прядетъ онъ изъ себя самаго свою тонкую нить и изнываетъ надъ трудомъ своимъ. Слѣдить за нимъ, контролировать его жизнь и его работу, провѣрять даже успѣхи его учениковъ—это можемъ и мы, можетъ всякій образованный человѣкъ, который не полѣнится пробѣжать руководства и учебники, изданныя для начальнаго обученія, но помочь ему въ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ имъ въ преподаваніи, можетъ только спеціалистъ дѣла, человѣкъ самъ искусившійся въ ономъ. Вотъ эту помощь должна принести ему новая инспекція со стороны министерства; это главное ея назначеніе и въ этомъ ея будущность. Подобрать идеальныхъ учителей въ сельскія школы никто не можетъ. Получить ихъ готовыми изъ заведеній, спеціально для того назначенныхъ, также не мыслимо, потому что хорошаго учителя не бываетъ безъ самостоятельной опытности, безъ сознательнаго, годами созрѣвшаго отношенія къ дѣлу. Можно имѣть конечно лучшій или худшій матеріалъ, болѣе или менѣе подготовленныхъ людей; помогать имъ доучиваться на дѣлѣ, исправлять слабыхъ, направлять начинающихъ—вотъ задача, которая намъ, не спеціалистамъ, не по плечу, задача, для которой нуженъ человѣкъ, посвятившій школѣ свое время и свою любовь, для которой нужно по долгу сидѣть въ каждомъ училищѣ не съ выговоромъ учите-

лю за его дидактическіе промахи или за его неумѣніе держать себя передъ начальствомъ, а съ готовымъ совѣтомъ для исправленія ошибокъ, для разрѣшенія сомнѣній и пополненія недостатковъ. Школа должна улучшаться въ классѣ. На сколько наше дѣло—ея внѣшняя организація, характеръ учителя, его частная жизнь и отношенія къ окружающей средѣ, на столько достоинство преподаванія зависитъ отъ помощи, которую встрѣтятъ учителя въ органахъ учебнаго вѣдомства. Покуда эта помощь ничтожна. Но инспекція сама еще учится. Дайте ей созрѣть и вы найдете въ ней необходимыхъ помощниковъ и, конечно, отплатите ей уваженіемъ за услуги, которыя она окажетъ сельскому учителю.

Года четыре тому назадъ я просилъ васъ, г.г. гласные, обратить вниманіе на положеніе сельскаго учителя, подарить ему покровительство и сочувствіе; я указывалъ на необходимость для него найти опору и руководство въ средѣ образованныхъ людей, которыхъ домашніе и хозяйственные интересы привязываютъ къ окрестностямъ всякой школы. Какое было для меня утѣшеніе, что я почувствовалъ, когда эта-же задача указана была русскому дворянству державными устами Того, Кто отмѣной крѣпостного права упразднилъ поводъ къ раздору между нами, и, вопреки преданіямъ запада, основалъ свой престолъ на согласіи и единодушіи своихъ подданныхъ. Дворянство поставлено Имъ на стражѣ народнаго училища. Почему дворянство? Не потому-ли, что оно вѣками поставлено во главѣ народа, но не врозь отъ него? Что оно всегда собирало въ себя его лучшія духовныя силы? Что оно было сокомъ отъ соковъ его, только очищеннымъ и просвѣтленнымъ, какъ на яблонѣ цвѣтъ? Что въ призывѣ дворянства на такое дѣло лежитъ не отверженіе другихъ, а собираніе всѣхъ вокругъ лучшихъ теперь представителей? И вотъ почему, г.г., я и въ нашей средѣ могу говорить о дворянствѣ. Оно дѣйствительно такъ поняло свою задачу, и внимательно слѣдя за всѣми уѣздами, я не замѣтилъ въ Рязанской губерніи ни одной попытки съ его стороны ослабить значеніе и вліяніе земства въ училищномъ вопросѣ; нѣкоторые предводители сочли даже для себя честью самимъ докладывать земскимъ собраніямъ о положеніи начальнаго образованія въ ихъ уѣздахъ. Призывъ къ дворянству означалъ одно, что для духовно-нравственной задачи недостаточна дѣятельность административныхъ единицъ, а нужны общественныя силы, и ихъ то изображаетъ дворянство, поставленное настражѣ народныхъ школъ. Оно должно сторожить, чтобы наставникъ этой школы не терпѣлъ нужды, которая подламываетъ крылья, отнимаетъ силы на трудъ, вливаетъ въ сердце горесть

и желчь. Оно должно сторожить, чтобы въ школѣ воспитывалась привычка къ порядку, къ опрятности, чтобъ здоровье дѣтей не терпѣло отъ невыгодныхъ условій, отзывающихся въ послѣдствіи немощами и болѣзнями,—и для этого оно должно блюсти, чтобы ученіе происходило не въ сыромъ, чадномъ, душномъ помѣщеніи, гдѣ полусвѣтъ изнуряетъ глаза, гдѣ тѣснота искривляетъ дѣтское тѣло, гдѣ маіазмы поражаютъ грудь, чтобы, напротивъ, въ свѣтлыхъ, просторныхъ классахъ дѣти собирались какъ въ праздничный храмъ. Оно должно сторожить, чтобы въ чистомъ тѣлѣ была и чистая душа и чтобы сомнѣнія зрѣлаго ума и злобой дня воспитанныя мечты не касались дѣтскаго возраста; и для этóго оно своимъ примѣромъ должно учить благочестію, трудомъ своимъ на общественную пользу и точнымъ исполненіемъ своихъ семейныхъ и общественныхъ обязанностей доказывать ежедневно, что въ повиновеніи закону и въ забвеньи эгоистическихъ стремленій залогъ общественнаго счастія и довольства. Оно должно сторожить, чтобы личныя пререканія и неудовольствія не разрывали связи учителя съ общественными властями или священнослужителями и не отчуждали школы даже временно отъ церкви и отъ семьи, чтобы ошибки и слабости, неразлучныя съ человѣкомъ, особенно въ юношескомъ возрастѣ, не бросали тѣни на школу,—и потому должно приближать къ себѣ учителя и, пользуясь его уваженіемъ и довѣріемъ, руководить и наставлять его. Оно должно блюсти наконецъ за религіозно-нравственнымъ направленіемъ училища.

Но что такое религіозно-нравственное направленіе? что значатъ эти вѣщія слова?

Для нѣкоторыхъ людей нравственность составляютъ: трезвость, извѣстная степень честности, трудолюбіе и послушаніе, на сколько эти качества необходимы хорошему слугѣ и работнику; для нѣкоторыхъ людей—религія состоитъ въ привычномъ исполненіи переданныхъ отъ предковъ обрядовъ и въ беззавѣтномъ, безропотномъ подчиненіи судьбѣ, олицетворяемой какимъ то туманно сознаваемымъ Промысломъ. И то и другое въ глазахъ этихъ людей не болѣе, какъ удобныя средства къ укрощенію массъ, къ умиротворенію опасныхъ для общественнаго спокойствія элементовъ; и, еслибъ Бога не было, они готовы были-бы Его выдумать, чтобъ религія могла служить имъ запаснымъ тормазомъ въ великой административной машинѣ русскаго народа. Имъ страшенъ могучій конь и они думаютъ обуздать его пылъ трензелемъ нравственности и мунштукомъ религіи. Напрасно! Поводья порвутся въ рукахъ ихъ и жемчугъ и бисеръ

осыпятся съ драгоцѣнной сбруи подъ копыта коня. Горе тѣмъ, которые расширяютъ хранилища свои и любятъ прежде возлежанія на вечеряхъ и сонмищахъ, которые нравственность и религію хотятъ низвести до простого орудія, обезпечивающаго имъ спокойное наслажденіе земными благами.

Что такое нравственность, какъ не присутствіе въ нашемъ сознаніи высокаго и чистаго идеала, которымъ опредѣляются наши обязанности къ себѣ и къ другимъ, которому мы подчиняемъ свои стремленія и помыслы, который служитъ намъ мѣриломъ въ нашихъ отношеніяхъ къ людямъ, и по этому мѣрилу мы почти всегда остаемся въ долгу?

Что такое вѣра? То-ли—мысль о Богѣ, одиноко стоящая въ міросозерцаніи человѣка, какъ церковь среди села, на которую крестятся и которую ежедневно обходятъ, чтобъ не нарушать гармоніи житейскихъ суетъ и заботъ о матеріальныхъ интересахъ? Мысль о Богѣ, вызываемая по торжественнымъ днямъ и слагаемая вмѣстѣ съ праздничнымъ нарядомъ? Или это какое то неизъяснимое чувство, смѣшанное изъ упованія и любви, чѣмъ проникается все духовное естество наше и что отражается во всѣхъ нашихъ помыслахъ и дѣйствіяхъ, во всѣхъ отношеніяхъ къ людямъ и къ обществу? Чувство всегда присущее и столь глубокое, что мы уже не видимъ возможности раздѣлить ни времени, ни дѣятельности нашей: вотъ это Богу, а это себѣ.

Всякъ, кому дороги эти истины, кто самъ черпалъ въ религіи новыя силы для жизненной борьбы, никогда не рѣшится дерзкою рукой коснуться до тайнъ чужой души, но его неудовлетворитъ въ другихъ одно внѣшнее признаніе истинъ, составляющихъ его крѣпость и его жизнь. Что-же дѣлать? Какъ и чѣмъ воспитать и согрѣть въ народѣ тѣ искреннія чувства, безъ которыхъ человѣку нѣтъ спасенія и безъ которыхъ бѣдному и слабому жизнь вдвойнѣ горька?

Однимъ, г.г. гласные,—своимъ примѣромъ.

Если выше народа стоящіе, образованные люди, будутъ сами вѣрующими и нравственными, если они наложатъ узду на свои страсти и съумѣютъ жертвовать своими матеріальными интересами для исполненія христіанскихъ обязанностей къ Богу и ближнему, тѣже чувства проникнутъ въ народъ;— но, сколько ни приставляйте архангеловъ ко древу познанія, сколько ни платите денегъ за проповѣдь Евангелія въ школахъ, если сами не будете вѣрить и не устроите своей жизни по вѣрѣ, вы не воспитаете къ добру окружающія массы и всуе будетъ стража ваша: посѣете вѣтеръ,—пожнете бурю".

Таблица I. О ЧИСЛѢ УЧИЛИЩЪ И УЧАЩИХСЯ ЗА 18⁷⁴/₇₅ УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

УѢЗДЫ.	Число душъ м. п. по X ревизіи съ прибавленіемъ 10%.	Число дѣтей м. п. въ учебномъ возрастѣ (1/6 населенія).	Число училищъ.	Число учащихся. Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всѣхъ.	Число выданныхъ свидѣтельствъ.	Сколько дѣтей учится на 100.
Данковскій.	49500	8200	49	2225	175	2400	346	27
Егорьевскій	63000	10500	36	1666	170	1836	31	16
Зарайскій	62600	10400	35	1623	348	1971	58	15
Касимовскій	68000	11300	57	2324	119	2443	18	20
Михайловскій.	62300	10400	15	744	9	753	—	7
Пронскій	51800	8600	27	1268	166	1434	48	15
Раненбургскій	68300	11400	23	1216	42	1258	—	10
Ряжскій.	59600	9900	23	1289	14	1303	64	13
Рязанскій	83900	14000	35	1342	148	1490	92	10
Сапожковскій.	66000	11000	27	1553	31	1584	—	14
Скопинскій.	71300	11900	27	1276	77	1353	124	11
Спасскій	66400	11100	43	2718	296	3014	78	24
	772700	128700	397	19244	1595	20839	—	16

Таблица II. УЧИЛИЩНЫЯ СМѢТЫ НА 1876 ГОДЪ.

Смѣта на начальныя училища на 1875 г.	УѢЗДЫ.	Общая смѣта уѣзда на 1876 г. на всѣ уѣздныя потребности.	Смѣта на начальныя училища на 1876 г.	Процентное отношеніе къ общей смѣтѣ.	Смѣта на начальныя училища и пособія средн. уч. завед.	Процентное отношеніе къ общей смѣтѣ.	Смѣта на народное здравіе на 1876 г.	Общая смѣта на народное образованіе и на народное здравіе на 1871 г.	Процентное отношеніе къ общей смѣтѣ.	Единовременныя затраты на 1876 годъ.
9592-58	Данковскій . .	49495	10042-58	20,3	10042-58	20,3	11507 —	21549-58	43,5	
2000 —	Егорьевскій .	57479	2900 —	5 —	5900 —	10,3	8838 —	14738 —	25,6	
4244 —	Зарайскій . .	46283	5444 —	11,8	5444 —	11,8	4850 —	10294 —	22,2	на больницы 2000
5300 —	Касимовскій .	69967	6800 —	9,7	11620 —	16,6	10881-64	22501-64	32 —	6526 на прогимназію 7000
800 —	Михайловскій .	32508	800 —	2,4	800 —	2,4	1310 —	2110 —	6,5	
8803-50	Пронскій. . .	46158	9980 —	21,7	10180 —	22,8	9879 15	20059-15	43,5	
3312-40	Раненбургскій.	62599	3912-40	6,2	7412-40	11,8	15379-53	22791-93	36,4	
1400 —	Ряжскій . . .	76087	1400 —	1,9	1400 —	1,9	11300 —	12700 —	16,7	на больницы 2000 —
2000 —	Рязанскій . .	79922	4775 —	6 —	4775 —	6 —	6100 —	10875 —	13,6	3569 —
2000 —	Сапожковскій .	77794	3300 —	4,2	6250 —	8 —	22332-86	28582-86	36,7	7866 —
5000 —	Скопинскій . .	52030	5000 —	9,6	5000 —	9,6	10718-19	15718-19	30,2	
7260 —	Спасскій . . .	65349	6235 —	9,5	7235 —	11 —	16050 —	23285 —	35,6	
51712-48	Итого . .	715671	60588-98	8,4	76058-98	10,6	129146-37	205205-35	28,7	

Таблица III. СВѢДѢНІЯ О ПРИЗЫВѢ 1876 Г. ПО РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

УѢЗДЫ.	Зарайскій.	Егорьевскій.	Касимовскій.	Рязанскій.	Михайловскій.	Скопинскій.	Спасскій	Сапожковскій.	Ряжскій.	Пронскій.	Данковскій.	Раненбургскій.	ВСЕГО.
Принято лицъ (натурою)	245	270	345	375	279	359	341	392	310	238	230	338	3722
Изъ нихъ:													
г) имѣющихъ право на сокращ. сроки службы ст. 56 п. 1 унив. образ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
п. 2. гимназическ. образов. (2-го разр.)	1	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	2	8
п. 3. учебныхъ заведеній (3-го разр.)	1	1	4	13	—	1	—	—	—	3	—	8	31
п. 4. со свидѣт. начальн. училищъ	1	1	—	1	—	—	—	—	5	—	4	3	15
д) не имѣющихъ право на сокращенные сроки службы: 1) умѣющихъ читать и писать или только читать	155	127	122	113	75	94	83	73	56	32	43	26	999
г) безграмотныхъ	87	141	219	243	204	264	258	319	249	203	183	299	2669
і) по сословіямъ: 1) дворянъ потомств. и личныхъ	1	1	—	10	3	4	3	1	5	6	—	3	37
2) лицъ, состоящ. на государств. гражд. службѣ	—	—	2	6	—	—	—	1	2	1	—	3	15
3) почетныхъ гражданъ потомств. и личныхъ	2	—	—	1	—	—	—	1	—	3	7	3	17
4) прочихъ лицъ, изъятыхъ по X рев. и послѣ того вышедшихъ изъ податного состоянія	—	6	1	1	—	2	1	—	1	—	—	3	15
5) купцовъ	7	1	1	4	2	3	5	5	—	3	1	2	34
6) мѣщанъ и цеховыхъ	19	7	19	29	8	28	8	11	19	2	6	19	175
7) крестьянъ	212	255	322	307	266	322	323	373	283	212	216	305	3396
8) прочихъ лицъ, числящихся въ X ревизіи или послѣ оной приписанныхъ	4	—	—	17	—	—	1	—	—	11	—	—	33
Исключая лицъ подъ №№ 1, 2 и 3, какъ непремѣнно грам., остается	242	269	343	358	276	355	338	389	303	228	223	329	3653
Изъ нихъ грам., т. е. умѣющихъ читать и писать или только читать	155	128	124	115	72	91	80	70	54	25	40	30	984
Что составляетъ въ процентахъ	64	48	33	32	26	26	24	18	18	11	10	9	27

Дворянство

и

народъ.

(ИДИЛЛІЯ).

Горькое

и

народ.

Пѣснь.

ДВОРЯНСТВО И НАРОДЪ.

(ИДИЛЛІЯ).

Doch wenn's ihm feht an Faust und Kraft,
Wen mag er denn beschützen?
Und wenn er Keinen H... hat —
Wü mag der Edle sitzen?

(Goethe).

Всегда и вездѣ находились люди, чтобъ плакать надъ судьбами отечества и предрекать его гибель. Спеціально въ Россіи эти плакальщики упражнялись преимущественно надъ двумя скорбными пѣснями: про обнищаніе земледѣльца и про уничиженіе дворянства. Въ этомъ дуэтѣ есть извѣстная гармонія, нѣчто общее въ этихъ сѣтованіяхъ. На крѣпостной Руси землевладѣлецъ и земледѣлецъ были двумя половинами одного учрежденія; вмѣстѣ они представляли внутреннюю жизнь русской земли. По-видимому, не было повода ожидать, чтобы разъединеніе, хотя и насильственное, этихъ элементовъ привело обоихъ къ краю гибели. Такъ однако случилось; и причина тому, вѣроятно, ни въ чемъ другомъ, какъ въ разлагающемъ вліяніи, которое они столѣтіями имѣли другъ на друга. Пока не требовалась отъ нихъ самостоятельная работа, оба сословія какъ будто стояли твердо; явилась нужда въ ней — и сразу сказались нравственные результаты ихъ вѣковаго союза: недостатокъ саморбладанія, самодѣятельности, образованія. Но изъ числа плачущихъ надъ бѣдностью крестьянъ и надъ захудалостью дворянства многіе-ли сознаютъ — что ихъ Іереміины пѣсни раздаются надъ тѣми-же развалинами?

Въ чемъ-же содержаніе этихъ сѣтованій? Съ одной стороны: — недостатокъ у крестьянъ земли, отсутствіе у нихъ всякаго капитала, кредита, знаній. Съ другой: — недостатокъ вліянія у дво-

рянъ помѣщиковъ, трудность находить рабочихъ, невозможность хозяйничать при нескончаемомъ экономическомъ кризисѣ.

Уменьшающаяся пропорціонально росту населенія площадь крестьянской земли требуетъ лучшей ея обработки и удобренія для производства одинаковаго количества хлѣба; но это-же самое стѣсненіе въ угодьяхъ мѣшаетъ развитію скотоводства, безъ котораго немыслимо удобреніе земли и хотя-бы поддержаніе ея плодородія на старомъ уровнѣ. Это заколдованный кругъ, изъ котораго могла-бы вывести развѣ наличность капитала или знанія. Но учиться негдѣ, не у кого, не на что и некогда. Капитала—нѣтъ, а кредита еще того менѣе. Много-ли помогутъ благодѣтели въ видѣ чиновника банка, члена управы выдающаго ссуду, или агрономическаго смотрителя, пропагандирующаго новыя орудія и лучшія сѣмена и уничтожающаго жучковъ и кобылокъ. Въ итогѣ крестьянину **сегодня** не даетъ ничего, а **завтра** ничего не обѣщаетъ; и если ему сулятъ журавлей въ небѣ въ видѣ кредитныхъ операцій и ученаго руководства, такъ подъ условіемъ выпустить сперва синицу изъ рукъ и въ ожиданіи будущихъ благъ вносить послѣдніе средства на уплату новыхъ налоговъ. У сосѣда помѣщика перенимать нечего; его хозяйство идетъ плохо и роняетъ кредитъ всякой теоріи: онъ постоянно самъ—Крыловскій философъ—безъ огурцовъ; и если гдѣ хозяйничаетъ удачно, такъ потому лишь, что обстоятельства позволяютъ ему покупать крестьянскій трудъ ниже дѣйствительной цѣны.

Вообще положеніе дворянина помѣщика—относительно—нисколько не лучше крестьянина. У него нѣтъ умѣнья трудиться, пріобрѣтаемаго поколѣніями; онъ не можетъ жить по средствамъ—одно воспитаніе дѣтей поглощаетъ болѣе его нормальнаго дохода; банковый кредитъ—миражъ, который втягиваетъ его глубже въ безводную пустыню; знаній у него мало—у него также негдѣ было пріобрѣсти ихъ; энергіи и самостоятельности въ немъ не развило воспитаніе, требовавшее только покорности начальству и исполненіе уставовъ; и въ погонѣ за средствами онъ отстаетъ отъ отцовскаго помѣстья и ищетъ службы—государственной, земской, частной, какой нибудь, сразу нѣсколькихъ, лишь-бы получать опредѣленное жалованье, не зависящее ни отъ погоды, ни отъ кузьки, ни отъ игры на берлинской биржѣ. Его связь съ землей разрывается; на торгахъ или въ кабинетѣ нотаріуса земля переходитъ въ руки кулака, того самаго кулака, который сосетъ сокъ изъ крестьянина и высосетъ послѣдніе соки изъ земли. Такъ вымираетъ захудалое дворянство, завертываясь въ нищету, какъ

личинка въ куколку—изъ которой вылетаетъ блестящимъ мотылькомъ чиновникъ, техникъ или ученый, порхающій съ цвѣтка на цвѣтокъ по лицу русской земли—

Heute hier und morgen da,
Ubi bene, ibi patria!

Что такое русское крестьянство, которому такъ плохо живется, знаетъ всякій. Но что такое русское дворянство? Какая его роль? Въ чемъ его сила? Сословіе-ли оно, изъ котораго правительство обязательно черпаетъ своихъ представителей и орудія? Не совсѣмъ такъ. Давно уже Герценъ опредѣлилъ права дворянина: поступать на службу, если примутъ, и выходить въ отставку, если выпустятъ; а въ послѣднее время въ чиновный міръ все болѣе вторгается даровитая и трудовая семья левитовъ. Допуская даже, что главный контингентъ чиновничества изъ дворянъ,—какая-же эта сила? Сила службы, конечно почтенная—à tout seign ur tout h nneur—рѣзко отличается отъ силы земли. У служащаго человѣка нѣтъ корней, онъ кочевникъ, всю жизнь стремящійся къ столичному центру, инстинктивно презирающій провинцію, считающій ее для себя нѣкіимъ изгнаніемъ и чистилищемъ. У дворянина помѣщика невольная связь съ своей мѣстностью, съ землей—почвой и съ землей—населеніемъ, сознаніе, что куда его ни забросятъ обстоятельства, всегда придется вернуться къ ней, если не ему самому, такъ его дѣтямъ, вернуться и найти или теплое или раззоренное гнѣздо, смотря по тому, какъ его ухитилъ или запустилъ. Въ рукахъ правительства чиновникъ орудіе болѣе гибкое, помѣщикъ—болѣе прочное; въ одномъ бездна усердія, все превозмогающаго, исполнительности, знанія дѣла, преданности власти; въ другомъ прирожденная вѣрность охранительнымъ началамъ, естественная связь съ населеніемъ, могущество общихъ съ нимъ интересовъ и преданій. У того и другаго элемента свои хорошія стороны. Первый удобнѣе для управленія; второй крѣпче связываетъ власть съ народомъ и дѣйствительнѣе для руководства имъ. Въ случаѣ землетрясенія первый всплыветъ и начнетъ жить по новому, второй погибнетъ; всѣ его интересы въ томъ, чтобъ предупредить катастрофу. Чиновный міръ кульминируетъ въ высшей администраціи, руководящей государственными дѣлами; дворянское сословіе—въ высшемъ обществѣ, въ родовой знати, дающей своимъ примѣромъ и вліяніемъ окраску общественной нравственности.

По странной случайности, разгадать которую дѣло будущаго историка, XIX вѣкъ—время поклоненія принципу равенства

всѣхъ людей и время развитія теоріи Дарвинизма. Предразсудокъ бѣлой кости и голубой крови искореняется тѣми самыми людьми, которые доказываютъ эволюціонное развитіе въ царствѣ животномъ и постепенное, высшее приспособленіе организмовъ къ жизни посредствомъ родоваго подбора. Въ правѣ-ли однако сторонники мнѣнія о происхожденіи человѣка отъ обезьяны отрицать примѣненіе къ человѣческому обществу законовъ, управляющихъ міромъ животныхъ? какъ будто эволюціонное развитіе не есть именно философское обоснованіе и историческое оправданіе аристократическаго начала среди людей? Конецъ XIX-го столѣтія возстановляетъ такимъ образомъ на научныхъ основахъ принципъ, разрушенный концомъ XVIII-го. Изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы надо было воскрешать злоупотребленія и привиллегіи, которыми была обставлена отжившая свой вѣкъ аристократія. Но предположеніе о нравственномъ превосходствѣ семей, въ которыхъ образованность, честолюбіе, наслѣдственный интересъ къ общественнымъ вопросамъ, инстинктъ общественнаго долга передаются отъ отца къ сыну въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, прямо вытекаетъ изъ понятія о естественномъ подборѣ и наслѣдственномъ приспособленіи умственныхъ органовъ къ лучшему исполненію извѣстныхъ жизненныхъ задачъ; и предположеніе это располагаетъ къ тому, чтобъ оказывать больше уваженія и довѣрія въ общественныхъ дѣлахъ тѣмъ людямъ, которые въ своихъ родителяхъ могли уже видѣть готовность служить общественнымъ интересамъ и съ дѣтства прислушивались къ обсужденію общественныхъ вопросовъ. Въ такихъ людяхъ сильнѣе чѣмъ въ другихъ должно быть развито уваженіе къ человѣческой личности, потому что на этомъ чувствѣ основано уваженіе общества къ ихъ семьѣ и въ немъ корень ихъ семейнаго значенія. Потому-то будущій аристократизмъ XX-го вѣка готовностью поднять другихъ до своего уровня долженъ отличаться отъ прежняго аристократизма бѣлой кости, принижавшаго всѣхъ передъ собой; этотъ возбуждалъ зависть и вражду, тому предстоитъ быть элементомъ примиряющимъ и воспитывающимъ. Равенство передъ закономъ, равноправность политическая ничѣмъ не страдаютъ отъ признанія человѣческаго старшинства аристократическихъ семей; но рано или поздно изъ сумбура нашего fin de siècle должно вырости убѣжденіе, что обсужденіе международныхъ и общечеловѣческихъ интересовъ требуетъ извѣстной подготовки и извѣстнаго уровня, не только умственнаго, но и нравственнаго; что обществу нужны руководители, признанные таковыми за ихъ нравственную, такъ сказать, спѣлость.

Но чтобы эта усовершенствованная родовымъ подборомъ среда не атрофировалась въ своей блестящей обстановкѣ довольства и досуга, необходимо для нея сохранять связь съ той землей, изъ которой она вышла; знать и выражать ея дѣйствительныя потребности; нужно, чтобы эта среда, выставляя на поприще государственной дѣятельности виднѣйшихъ и даровитѣйшихъ своихъ представителей, оставалась при занятіи серьезнымъ и живымъ дѣломъ, близкимъ къ массѣ народа. Другими словами, надо чтобъ родовая аристократія опиралась на землевладѣніе, не въ смыслѣ громадности поземельной собственности—latifundia Italiam perdidere, писалъ еще кажется Плиній—а въ смыслѣ связи землевладѣнія съ земледѣліемъ въ видѣ многочисленнаго класса помѣстнаго дворянства, живущаго въ своихъ имѣніяхъ не наѣздами, для отдыха и охоты, а постоянно,—для хозяйства и труда. Только такой корень дастъ сокъ вершинамъ.

Создаться такое сословіе должно само собой, но поддержать его можетъ входить въ задачи консервативнаго правительства. Къ сожалѣнію, приходится сказать, что вся дѣятельность одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ государственныхъ людей вымирающаго поколѣнія, и по министерству народнаго просвѣщенія и по министерству внутреннихъ дѣлъ, шла именно въ разрѣзъ съ этой задачей. Классическое образованіе ничего не давало для жизни въ деревнѣ; строгій формализмъ въ школѣ убивалъ энергію молодежи; умаленіе самостоятельности и значеніе земскихъ собраній лишало ихъ престижа въ глазахъ помѣщиковъ, которымъ сперва льстило вліяніе на мѣстныя дѣла, но которые, дорожа своимъ хозяйствомъ, не искали служебныхъ мѣстъ и служебныхъ отличій. Смѣшеніе въ глазахъ администраціи понятій **вліянія** и **власти** повело къ стѣсненію перваго въ пользу второй, къ приниженію неслужащаго помѣщика передъ лицомъ чиновника; административная цѣль стала можетъ быть крѣпче, но вліяніе помѣщика—хозяина ослабѣло, а въ немъ-то и заключалось все значеніе помѣстнаго дворянства. Чиновное лицо—волей неволей отрѣзанный ломоть отъ народа; кто призванъ приказывать, тотъ перестаетъ убѣждать; ему повинуются—за нимъ нейдутъ и къ нему нейдутъ; съ окончаніемъ его полномочій исчезаетъ его авторитетъ; подчиненность ему заставляетъ передъ нимъ лгать, и самыя лучшія его дѣйствія получаютъ въ глазахъ народа обликъ исполненія обязанностей, а не дружеской помощи и сочувствія. Есть конечно блестящія исключенія, умѣющія совмѣстить то и другое; mais l'exception prouve la règle.

Вернемся однако къ коренному вопросу—въ чемъ отличительный характеръ такого помѣстнаго сословія.

Земля кормитъ человѣка. Въ рукахъ немногихъ она элементъ богатства, источникъ доходовъ или основа власти, значенія; но въ чьихъ-бы она ни была рукахъ, одна она даетъ человѣчеству предметы питанія, прямо—черезъ растеніе, косвенно—черезъ животное царство. Къ несчастью, силы ея неистощимы, и она въ свой чередъ требуетъ, чтобъ ее кормили. Понять такое требованіе и умѣть удовлетворить ему можно только при свѣтѣ образованія и науки; и еще при другомъ условіи—чтобы **любить** землю. Безъ того и другаго—владѣніе или, точнѣе, пользованіе землей приводитъ къ ея истощенію, къ обращенію плодороднѣйшихъ областей въ пустыни, къ изгнанію изъ нихъ людей, не находящихъ уже средствъ къ прокормленію. И горько мститъ земля за злоупотребленіе ея силами. Пустыня плодитъ пустыню, изсушаетъ смежныя съ ней области и засыпаетъ ихъ песками; разъ укоренившись, растетъ и ширится, и оттѣсняетъ человѣка все дальше и дальше отъ своихъ предѣловъ. Не даромъ Либихъ въ истощеніи почвы видитъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ паденія царствъ и передвиженія центровъ исторической жизни.

Въ нашъ вѣкъ противорѣчій, когда впервые личность человѣческая поставлена кумиромъ и святыней,—охраненіе производительности земли снимается съ отвѣтственности человѣка и возлагается общественнымъ мнѣніемъ на государство. Отчаявшись въ возможности дать научныя познанія **всѣмъ** пашущимъ и сѣющимъ, можетъ быть не довѣряя благонамѣренности жнущихъ, всѣ люди, понимающіе значеніе этого вѣщаго вопроса, возлагаютъ надежды на одно правительство, готовы всѣхъ пахарей отдать подъ его мощную опеку и наплодить новое полчище чиновниковъ, ученыхъ конечно, чтобъ руководить, направлять и всячески ограничивать земледѣльца, который до сихъ поръ всю гордость полагалъ въ томъ—что онъ хозяинъ своей земли. Разумѣется, онъ заблуждался, и опекуны оказались необходимы. Обезпечить научную подготовку за цѣлымъ синклитомъ такихъ новыхъ дѣятелей конечно легко; надѣлить весь этотъ синклитъ любовью къ землѣ, чтобъ они любили ее болѣе себя и своей службы, нѣсколько труднѣе. А безъ этого условія ихъ дѣятельность, во многихъ отношеніяхъ благотворная, можетъ въ одномъ оказаться неудачной: она можетъ въ земледѣльческомъ населеніи убить всякую самостоятельность и энергію, а затѣмъ и самую привязанность

къ ихъ промыслу. Чужое вмѣшательство въ хозяйство всегда вызываетъ неудовольствіе; если образованный человѣкъ отворачивается отъ непрошенныхъ совѣтовъ, почему-же намъ ждать другаго отъ мужика?

Кто любитъ землю? Кто всегда будетъ любить ее? Тотъ—кто ее обрабатываетъ, кто ее знаетъ, въ комъ она будитъ воспоминаніе о прошломъ, надежды на будущее; кто получилъ ее отъ отца и живетъ надеждой передать ее сыну. Только тотъ будетъ беречь ее, на сколько съумѣетъ. И такихъ двое—крестьянинъ и хозяинъ землевладѣлецъ. Но послѣдній только въ томъ случаѣ, когда земля и семья будутъ связаны въ его душѣ; когда земля будетъ дорога ему сама по себѣ, не какъ одно изъ орудій производства—цѣнное пока оно даетъ прибыль и отъ котораго онъ сейчасъ отступается, какъ скоро убѣдится въ его непроизводительности въ сравненіи съ другимъ. Вотъ гдѣ именно опасная сторона купеческаго или вѣрнѣй кулацкаго землевладѣнія. Снялъ безъ труда хорошіе урожаи, вырубилъ лѣсъ, изсушилъ почву дурной, дешевой обработкой и лишеніемъ защитнаго покрова, и бросилъ ее за полцѣны другому,—кому охота съ ней маятся. Вотъ, тѣмъ, кто охочи съ ней маяться, она и должна принадлежать.

Таковыхъ, мы уже сказали, двое: крестьянинъ и живущій на ней землевладѣлецъ. Такого землевладѣльца мы позволимъ себѣ называть помѣщикомъ, потому, что въ силу историческихъ условій, преданій, воспитанія, владѣльческой гордости, онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ—дворянинъ. Эластичность нашего законодательства и нашихъ нравовъ вводитъ съ почетомъ въ дворянскій кругъ всякаго, кто съ образованіемъ и съ тѣмже направленіемъ садится на землю, чтобъ оставаться на ней и лелѣять ее.

Намъ нѣтъ дѣла до историческаго происхожденія дворянства отъ древнихъ дружинъ, потомковъ развѣнчанныхъ князей и всякихъ позднѣйшихъ примѣсей. Крѣпостное право все сравняло. Оно оставило намъ въ наслѣдство дворянина—помѣщика, близкаго къ землѣ и къ народу. Реформа 60-хъ годовъ раскроила ихъ, но не порвала вполнѣ ихъ внутренней связи. Это ясно доказали взаимныя отношенія гласныхъ дворянъ и крестьянъ на первыхъ земскихъ собраніяхъ.

Сколько мнѣ случалось видѣть, отношеніе между крестьянами и ихъ сосѣдями помѣщиками, когда между ними не становятся управляющіе и прикащики, обыкновенно хороши, за исключе

ніемъ личностей, съ той и другой стороны, хищнаго типа, т.-е. ростовщиковъ и вообще—охотниковъ эксплоатировать чужую бѣду. Но нравственное вліяніе помѣщикъ можетъ получить на окружающую его среду только въ томъ случаѣ, если она видитъ въ немъ не идеалиста, а человѣка практическаго, умѣющаго вести дѣло и не упускать своихъ выгодъ. Если сверхъ того, при успѣшномъ хозяйствѣ, у него хватаетъ средствъ и желаніе оказать кое когда сосѣдямъ матерьяльную помощь, вліяніе у него огромное. Къ сожалѣнію, такія условія встрѣчаются не часто. Удачное хозяйство у помѣщика, а затѣмъ и запасныя средства—явленіе довольно рѣдкое въ современной русской жизни. Мы уже выше указали на причины: недостатокъ знаній, неумѣнье дѣлать сбереженія, неумѣнье или невозможность жить по средствамъ.—Но если-бы этѣ помѣхи были устранены, еслибъ размножилось число скромно живущихъ, но достаточныхъ помѣщиковъ, лично и удачно занимающихся своимъ хозяйствомъ, вліяніе ихъ на окрестное населеніе явилось-бы мощнымъ рычагомъ для поднятія общественнаго благосостоянія. Примѣръ хорошаго хозяйства дѣйствуетъ заразительнѣе всякихъ проповѣдей и разъясненій, всякихъ поощреній и книжекъ. Человѣкъ образованный, хорошо поставившій свое хозяйство, конечно можетъ и не имѣть всѣхъ свѣдѣній нужныхъ, чтобъ исполнить вполнѣ роль, назначаемую теперь агрономическимъ смотрителямъ и инспекторамъ; онъ самъ обратится къ ихъ совѣту въ спеціальныхъ вопросахъ; но для народа его вліяніе будетъ чувствительнѣе и полезнѣе потому, что онъ всегда будетъ тутъ, что область, гдѣ ему придется дѣйствовать, будетъ гораздо ограниченнѣе, наблюденія его продолжительнѣе и послѣдовательнѣе. Работу одного агрономическаго смотрителя раздѣлитъ между собой десятокъ помѣщиковъ, которые—не говоря уже о томъ, что работа ихъ даровая—лично заинтересованы въ ея успѣхѣ, что уничтоженіе въ ихъ сосѣдствѣ вредныхъ для хозяйства условій идетъ прямо имъ въ пользу и что, наоборотъ,—непрактичная мѣра отзовется прежде всего на ихъ собственномъ карманѣ; а уже это одно внушитъ довѣріе населенію.

До сихъ поръ мелкопомѣстное дворянство не обрѣталось почему-то въ авантажѣ. Имъ какъ-то пренебрегала даже своя братія, видя въ немъ только элементъ, изъ котораго могутъ выходить хорошіе дѣятели по службѣ и по наукѣ, но подъ условіемъ оторваться отъ своей среды. Не было-ли тутъ крупной ошибки? Не на этомъ-ли мелкопомѣстьѣ, воспитавъ его, конечно, не на немъ-ли слѣдовало построить всю реформу русскаго сель-

окаго хозяйства? Много-ли, мало-ли, въ немъ все-же были семейныя преданія, живая связь съ мѣстностью, чувство чести, невытравленное мордобитіемъ, зачатки идеаловъ и нѣкоторая подготовленность, безъ которой образованіе дается только выдающимся по дарованіямъ личностямъ. У насъ уже очень много было—не скажу сдѣлано, но—говорено объ образованіи народа. При этомъ нѣсколько упускалось изъ виду, какія громадныя средства нужны для достиженія самаго скромнаго результата; просмотрѣнъ былъ во всякомъ случаѣ историческій законъ, что ни природа, ни общество не развиваются скачками, и что образованность, распространяется лишь постепенно, какъ разливъ рѣки потопляетъ одну низину за другой; что черезъ посредствующее общественное звено ей перескочить нельзя и что до крестьянской массы она дойдетъ не иначе, какъ охвативъ сперва все то, что лежитъ между нимъ и образованнымъ въ настоящее время кругомъ. Самая жизнь учителя въ селѣ останется грустнымъ изгнаніемъ и тяжелымъ подвигомъ, а положеніе сельской школы не обезпеченнымъ, пока не будетъ въ деревнѣ образованныхъ людей, готовыхъ имъ сочувствовать и помогать и способныхъ руководить ими. Больше было-бы уже сдѣлано и прочнѣе-бы дѣло стояло, еслибъ, рядомъ съ усиліями и пожертвованіями на развитіе образованія среди крестьянъ, позаботились о **поголовномъ** образованіи привязаннаго къ своимъ деревнямъ мелкопомѣстнаго дворянства.

Нельзя не обратить вниманія на грустное явленіе, стоящее конечно въ связи съ этими условіями нашей жизни. Сколько назначалось въ разныхъ заведеніяхъ стипендій для образованія крестьянъ. Результатомъ, если не ошибаемся, было то, что большинство воспитанныхъ крестьянъ не вернулось въ свою родную среду; имъ лично оказана неоцѣнимая услуга, но сословію ихъ—никакой и едва-ли какая земледѣлію.

Довольно странно, что такая-же судьба преслѣдуетъ и воспитанниковъ нашихъ высшихъ земледѣльческихъ училищъ. Изъ нихъ выходятъ профессора, чиновники, рѣдко хозяева; они такъ и остаются при теоріи, рѣдко переходя лично на практику земледѣлія; потому-ли, что курсъ заведенія, слишкомъ теоретическій, привязываетъ ихъ къ книгѣ и къ кабинетной работѣ; потому-ли, что слишкомъ мало еще отечественныхъ данныхъ подверглось научной обработкѣ и что слѣдовательно выводы науки не могутъ быть примѣнены къ русскому земледѣлію съ осязательной пользой, выражаемой въ рубляхъ и копейкахъ.

Тому четверть вѣка въ гимназическомъ образованіи— а другаго не было—ставили себѣ цѣлью: стремиться къ совершенству. Съ одной стороны облегчали трудъ учителямъ ограниченіемъ числа учениковъ въ классахъ, съ другой вели всѣхъ къ высшему образованію, безжалостно выбрасывая за бортъ всякаго, кто не удовлетворялъ установленному шаблону. Непопавшимъ въ заведеніе на пріемномъ экзаменѣ, равно какъ и невыдержавшимъ переводнаго, всякая дорога была закрыта; признавалось, что они несутъ наказаніе за собственную вину. Положимъ. Но изъ того, что 15-ти лѣтніе Петька и Васька были сами виноваты въ своей бѣдѣ, легче-ли отъ того было Россіи, которая нуждалась въ этихъ Петькахъ и Васькахъ, нуждалась именно въ томъ, чтобъ они могли ей служить иначе чѣмъ писцами въ разныхъ палатахъ и канцеляріяхъ. *)

Не будемъ говорить о прошломъ; подумаемъ о томъ, что впереди. У насъ есть еще остатки сословія, въ семьяхъ котораго хранится понятіе о воспитаніи, не удрученномъ въ малолѣтствѣ непосильнымъ физическимъ трудомъ и сопряженными съ нимъ лишеніями, остатки сословія не разорвавшаго еще связи съ отцовскими помѣстьями. Эти люди почли-бы счастьемъ возможность сохранить свою осѣдлость и передать ее дѣтямъ. Одной изъ самыхъ тяжелыхъ статей ихъ бюджета—воспитаніе этихъ дѣтей, и самымъ тяжкимъ несчастіемъ—неудача его послѣ всѣхъ принесенныхъ жертвъ. Въ случаѣ самомъ благопріятномъ, при окончаніи курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, эти дѣти принуждены для пропитанія хватать первое попавшееся служебное мѣсто и надолго, если не навсегда, оторваны отъ своей родины. Таковы условія русской жизни и съ ними мирятся самые даровитые или счастливые. Но масса неудачниковъ, которые на другомъ поприщѣ, въ другой обстановкѣ могли-бы быть полезны себѣ и другимъ.—Исходъ повидимому одинъ: въ **обязательномъ и дешевомъ** образованіи помѣщичьяго сословія,—обязательномъ и для родителей и для учебныхъ заведеній. При этомъ необходимо, чтобъ училища были близки къ населенію, а не сбиты въ извѣстныхъ центрахъ, до которыхъ провинціялу рукой не достать и удаленность которыхъ составляетъ новую тяжелую статью расхо-

*) Любопытно, что еще недавно въ 4-хъ Юго-Западныхъ учебныхъ округахъ приходилось по одному среднему учебному заведенію на 400/т. жителей, а въ остальной части Европейской Россіи, гдѣ обѣ столицы, по одному на 600/т. жителей. Къ этому привели конечно историческія причины, но оно тяжело отозвалось на Россіи и на великорусскомъ дворянствѣ.

да въ бюджетѣ родителей, не говоря объ ослабленіи черезъ то семейнаго вліянія.

Указанныя условія конечно невыполнимы, если имѣть въ виду не только высшее но и среднее, гимназическое, образованіе. Необходимость заставляетъ довольствоваться нѣсколько низшимъ уровнемъ и дать этому образованію наиболѣе практическое направленіе. А такъ какъ первая потребность нашего пространнаго отечества—сохранить силу почвы и накормить народъ, то главный характеръ образованія долженъ быть сельскохозяйственный, со включеніемъ—конечно не въ одномъ заведеніи—всѣхъ отраслей, далеко или близко съ нимъ связанныхъ: скотоводство и его продукты, лѣсоводство, техническія производства, архитектура, межеваніе и т. п.—При бережливости и простотѣ возможно очень хорошо обставить такое заведеніе со смѣтой въ 15—20 тысячъ рублей. Двѣсти такихъ училищъ и для подготовленія къ нимъ шестьсотъ четырехклассныхъ училищъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ, стоющихъ не болѣе пяти тысячъ рублей,—и семимильонная смѣта удовлетворила-бы **всей настоящей** потребности Европейской Россіи. И съ половиной этой смѣты многое уже было-бы сдѣлано. Въ первомъ ряду слѣдовало-бы принимать въ эти заведенія дѣтей бѣдныхъ помѣщиковъ. Нельзя, конечно, требовать, чтобъ государство, учреждая на свой счетъ такія училища, открывало двери ихъ исключительно дѣтямъ дворянъ; но извѣстное преимущество могло-бы быть имъ оказано, въ виду естественно предстоящей имъ роли въ экономическомъ развитіи края; а затѣмъ нашлись-бы и помимо государственной смѣты средства для обезпеченія бѣднымъ дворянамъ соразмѣрнаго числа стипендій.

Рядомъ съ этимъ нужно открыть взрослымъ людямъ возможность пріобрѣтать практическія научныя познанія. Положимъ, что молодой хозяинъ, не получившій спеціяльнаго образованія, приведенъ рядомъ неудачъ, серьезнымъ чтеніемъ и встрѣчей съ спеціялистами къ сознанію, что безъ извѣстныхъ научныхъ данныхъ хозяйничать нельзя. Гдѣ онъ ихъ пріобрѣтетъ? Онъ берется за книгу, хоть за курсъ химіи—и ничего въ немъ не понимаетъ, не видавъ въ жизни ниодного опыта. Куда идти за помощью? Ни въ одно заведеніе въ Россіи его не пустятъ. Или химику приходится заняться лѣсоводствомъ; что ему дѣлать, кромѣ какъ выписывать на обумъ учебники по газетнымъ рекламамъ; прослушать курсъ, даже послушать нѣсколько лекцій не гдѣ. Во всякое учебное заведеніе, даже высшее, пускаютъ лишь до извѣстна-

го возраста и не иначе какъ на весь курсъ цѣликомъ. Всѣ пишущіе о земледѣліи въ Россіи въ одинъ голосъ жалуются на невѣжество хозяевъ. Справедливо; но дайте-же имъ средства выдти изъ него. Развѣ только тѣмъ и быть хозяевами, кто опредѣлитъ себя или кого опредѣлятъ на это дѣло съ 15-ти лѣтняго возраста?

Получившіе среднее, но въ извѣстномъ смыслѣ спеціальное образованіе хозяева, привязанные къ родному имѣнію и оставаясь среди народа, были-бы самымъ могучимъ орудіемъ его просвѣщенія. Они-бы сами не учили,—но подъ ихъ рукой открывались-бы сельскія училища не для одной отчетности начальству. Ихъ хозяйства, непремѣнно скромныя, могли-бы служить народу опытными полями, и безъ лишнихъ расходовъ они-бы приняли на себя многія обязанности, за которыя теперь нужно платить дорого и которыя—за обширностью возлагаемыхъ на одно лицо порученій—рѣдко исполнимы съ достаточной полнотой. Не малое значеніе будетъ имѣть уже то, что такимъ лицамъ не представится искушенія **предписывать**, каковая привычка заразительно прививается всякому, кто только посланъ въ среду народа отъ какого-бы то ни было учрежденія.

Въ такомъ сословіи технически образованныхъ помѣщиковъ, ограничившихъ свое честолюбіе своимъ хозяйствомъ и горизонтъ—интересами своего околодка, можно будетъ надѣяться на **сбереженія**. Было-же время, когда небогатые помѣщики гордились тѣмъ, что домъ у нихъ—полная чаша. Къ этому необходимо вернуться, потому, что это первая ступень къ обогащенію народа. Будутъ у помѣщика сбереженія—и крестьянинъ выйдетъ изъ подъ власти кулака. Помощь сосѣда всегда дѣйствительнѣе помощи кредитнаго учрежденія: не только дешевле, такъ какъ на нее не ложатся административные расходы, но и разнообразнѣе, эластичнѣе и ближе (красно яичко въ Христовъ день); сосѣду наконецъ легче отличить нужду отъ кулаческихъ оборотовъ. Хоть-бы одни приходскія попечительства, которыя могли-бы играть такую важную роль въ крестьянской жизни, и тѣ получатъ совсѣмъ другую физіономію при участіи многочисленнаго состава не нуждающихся, образованныхъ и постоянно тутъ живущихъ помѣщиковъ. Гдѣ такіе люди теперь встрѣчаются—и какъ они рѣдки!—народъ льнетъ къ нимъ; сословнаго антагонизма слѣда не видно. Оно совершенно естественно. Только такой осѣдлый въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ **классъ**, инстинктивно носящій нравственныя обязанности по наслѣдію отъ предковъ, можетъ дѣлить горе крестьянина и помогать ему въ нуждѣ; только между такимъ

классомъ и крестьянствомъ можетъ быть **обмѣнъ взаимныхъ услугъ,** скрѣпляющій узы между людьми безъ униженія одной изъ сторонъ.

Мы желали-бы избѣжать недоразумѣнія. Намъ нисколько не снится такой строй, гдѣ крестьянинъ оставался-бы безъ образованія, безъ собственной земли, подъ начальствомъ помѣщика или въ матеріальной отъ него зависимости. Широкая крестьянская грамотность и прочное крестьянское землевладѣніе единственныя условія, при которыхъ Россія можетъ избѣжать разлада, гнетущаго общественную жизнь на западѣ. Но мы желаемъ, чтобъ среди крестьянскаго землевладѣнія было густо вкраплено мелкое помѣщичье хозяйство, чтобъ эти хозяева были хорошо, серьезно воспитанные люди съ спеціальнымъ образованіемъ; и мы при этомъ убѣждены, что по крайней мѣрѣ въ центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ только дворянство способно дать зерно такого помѣщичьяго хозяйства.—

Повторяемъ: образованіе не можетъ охватить всѣхъ сразу, по щучьему велѣнью—natura non facit saltum. Оно должно спускаться постепенно отъ тѣснаго научно-образованнаго круга къ болѣе широкому, далѣе къ еще большему и только въ такой постепенности можетъ дойти до всей массы. И недостаточно, чтобъ такой образованный кругъ былъ въ столицахъ и нѣсколькихъ крупныхъ центрахъ; онъ долженъ быть повсюду среди массъ и близокъ къ нимъ; уже потому, что образовываютъ и воспитываютъ въ дѣйствительности не учителя и училища, даже не книги, а жизнь рядомъ съ образованными людьми.

Мы далеко отвлеклись отъ своей задачи указаніемъ на средства воспитать въ Россіи поколѣніе прочно осѣдлыхъ дворянъ—помѣщиковъ. Въ ожиданіи этого много воды утечетъ; сохранятъ-ли еще отцы до тѣхъ поръ родныя помѣстья для дѣтей своихъ! Много пожертвованій съ этой цѣлью принесло уже правительство; признаемся, намъ кажется, что оно шло не тѣмъ путемъ, конечно потому, что само дворянство невѣрно понимало свои потребности. Просимъ извинить нѣсколько тривіальное выраженіе нашей мысли; но все развитіе этого вопроса производило на насъ впечатлѣніе, будто ходатайства отзывались попрошайничествомъ, содѣйствіе—подачкой. Результаты доселѣ во всякомъ случаѣ, по общему сознанію, неутѣшительны. Новыя ссуды привели только къ лишней задолженности. И въ самомъ дѣлѣ, какую пользу могли приносить ссуды на веденіе хозяйства, пока условія, въ которыхъ велось хозяйство, дѣлали его убыточнымъ?

Ближе къ цѣли было-бы—пытаться измѣнить эти условія. Все теперь въ хозяйствѣ представляется труднымъ, начиная съ полученія сѣмянъ и до сбыта его продуктовъ. Чего стоило помѣщику неприспособленность желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ сообщеній къ потребностямъ хозяйства, полное отсутствіе грунтовыхъ дорогъ, рѣдкость почтовыхъ сообщеній, недостаточность медицинской помощи, миѳическое существованіе такъ называемой полиціи безопасности за отвлеченіемъ полицейскихъ силъ на податное дѣло, и медленное исполненіе судебныхъ рѣшеній. Одинъ вопросъ борьбы съ чумою на скотъ привлекъ серьозное вниманіе правительства и, надо признать, что съ энергическимъ и правильнымъ его разрѣшеніемъ и съ отмѣной налога на соль наступила новая эра для скотоводства. Но другое зло—конокрадство, стоитъ еще непочатымъ угломъ.—Все это, конечно, могутъ сказать, касается благосостоянія всѣхъ сословій, а не спеціяльно дворянства. Но именно въ спеціяльной экономической помощи дворянство по нашему мнѣнію и не нуждается. Съ удовлетворительнымъ рѣшеніемъ перечисленныхъ вопросовъ (и перечень этотъ далеко неполный) улучшатся условія хозяйства вообще, а слѣд. и помѣщичьяго. Точно также и коренная мѣра, введеніе подоходнаго налога—если только возможно безоблыжное его опредѣленіе—будучи справедливой для всѣхъ, послужитъ къ прямой пользѣ помѣщиковъ, потому что облегчитъ обложеніе главнаго орудія ихъ промышленности—земли, несущей сейчасъ ни съ чѣмъ несоразмѣрную тягость. Лишь-бы жизнь въ деревнѣ и веденіе сельскаго хозяйства стали возможны, лишь-бы занятіе землей стало прибыльно иначе какъ путемъ сдачи въ аренду или хищнической эксплоатаціи—дворянство найдетъ уже свое мѣсто и свои выгоды. Единственное, что ему есть на потребу по его положенію болѣе всѣхъ сословій—это дешевое образованіе **поголовно**—единственное, въ чемъ ему отказывали и въ чемъ скорѣе стѣсняли его доселѣ.

Если правда, что дворянство можетъ имѣть значеніе какъ охранительный элементъ въ государствѣ только при условіи, чтобъ опираться на широкій фундаментъ живущаго по деревнямъ помѣстнаго сословія, лично ведущаго свое хозяйство, образованнаго, бережливаго и близкаго къ народу; если правда, что крестьянинъ земледѣлецъ можетъ найти въ такомъ сословіи лучшихъ помощниковъ и руководителей, своихъ учителей и банкировъ;—то естественно для правительства является благодарной задачей поощрять насажденіе и укрѣпленіе такого помѣстнаго сословія,

Для этого, съ одной стороны, надо облегчить ему низшее и среднее техническое образованіе, съ другой—поощрять осѣдлость его въ помѣстьяхъ, не косясь на людей, которые уклоняются отъ служебной, т.-е. чиновничьей дѣятельности, и не умаляя ихъ значенія въ обществѣ, не втягивая всѣхъ лучшихъ силъ въ административную машину, а, напротивъ, покровительствуя тѣмъ, кого огородъ, поле и скотный дворъ интересуетъ болѣе чиновъ и отличій; наконецъ, употребляя всѣ средства, чтобъ удобствомъ сообщеній, безопасностью, обезпеченностью имущества, здоровья и личности, доступнымъ удовлетвореніемъ интеллектуальныхъ потребностей сдѣлать жизнь въ деревнѣ, какъ можно, болѣе легкой и пріятной. Между тѣмъ до сихъ поръ всѣ попытки помочь хозяину—дворянину заключались или въ томъ, чтобъ закабалить его имѣніе и довести до продажи съ торговъ, либо въ томъ, чтобъ созданіемъ новыхъ должностей принять побольше народу на жалованье, казенное и общественное, сдѣлавъ ихъ такимъ путемъ независимымъ отъ ихъ хозяйства и, слѣд., оторвавъ отъ него; ибо давно сказано, что гдѣ будетъ источникъ доходовъ человѣка, тамъ будетъ и сердце его.—

Сочувствіе къ помѣстному дворянству явилось у насъ, пишущихъ этѣ строки, не по теоріи или принципу, не по привычкѣ и семейнымъ преданіямъ; жизнь въ медвѣжьемъ углу, среди народа, привела насъ къ убѣжденію, что для развитія его безусловно необходимо присутствіе въ самой его средѣ образованныхъ людей, появляющихся не наѣздомъ „съ полномочіями и порученіями", а живущихъ на мѣстѣ осѣдло и желающихъ прожить тутъ всю жизнь; у такихъ только завяжутся съ народомъ общіе интересы и только они способны будутъ прочно повліять на него. И долго всматриваясь, мы убѣдились, что для этой задачи пригодно только сословіе съ семейными преданіями и до извѣстной степени патріархальнымъ воспитаніемъ. Крестьянинъ, получившій теперь образованіе, только и думаетъ о томъ, какъ-бы оторваться отъ своего сословія; и чѣмъ кто ближе родился къ нему, тѣмъ дальше старается стать. Дворянство одно можетъ не бояться сосѣдства мужика, ни общности интересовъ съ нимъ, и въ томъ и другомъ можетъ лишь обновить свои силы. Съумѣетъ-ли оно понять задачу, исполнить свое призваніе—это пока еще бабушка на двое сказала; станетъ-ли оно цѣльнымъ человѣкомъ, или пребудетъ въ печальномъ положеніи нашего эпиграфа—покажетъ время.

19 Февр. 1893. **Д. Дашковъ.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1) Д. Д. Дашковъ и его дѣятельность въ Земствѣ Ряз. губ. (вмѣсто предисловія). Кн. *Н. С. Волконскаго.*

2) Доклады Дашкова Рязанскому Губернскому Земскому Собранію въ 1869—1875 г.г.

3) Дворянство и народъ (идиллія). *Д. Д. Дашкова.*

Портретъ Д. Д. Дашкова.

Stanford University Libraries
3 6105 000 445 978

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004